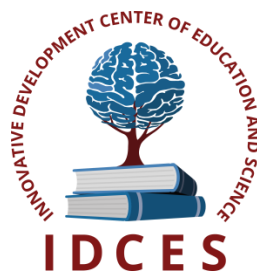

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за
рубежом**

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(10 февраля 2016г.)**

**г. Новосибирск
2016 г.**

УДК 009(06)
ББК 6/8я43

Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом, / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. **г.Новосибирск** 2016. 92 с.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент Бойко Евдокия Семеновна (г.Красноярск), кандидат искусствоведения Бражникова Юлия Александровна (г.Усть-Каменогорск), кандидат филологических наук, доцент Бутусова Анжелика Сергеевна (г.Ростов-на-Дону), доктор философии, доцент Волосков Игорь Владимирович (г.Сергиев Посад), кандидат филологических наук Дмитриева Елизавета Игоревна (г.Москва), кандидат педагогических наук, докторант Коршунова Вера Владимировна (г.Красноярск), кандидат культурологии, доцент Николаева Елена Валентиновна (г.Москва), доктор искусствоведения, доцент Хватова Светлана Ивановна (г.Майкоп), кандидат филологических наук Чечелева Вера Николаевна (г.Москва)

В сборнике научных трудов по итогам III Международной научно-практической конференции **«Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом»**, г. **Новосибирск** представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области филологии, искусствоведения и культурологии, общественных деятелей и лиц, проявляющих интерес к рассматриваемым вопросам, Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

© ИЦРОН, 2016 г.
© Коллектив авторов

Оглавление

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00).....	6
СЕКЦИЯ №1.	
ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01).....	6
ЯЗЫКОВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНОГО КОНФЛИКТА В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	
Емельянова О.В.	6
СЕКЦИЯ №2.	
МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02).....	8
СЕКЦИЯ №3.	
КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03).....	8
СЕКЦИЯ №4.	
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04).....	8
АКАДЕМИЧНОСТЬ ИЛИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ. СТОЛКНОВЕНИЕ БАЗИСНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА СОВРЕМЕННОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	
Паранюшкин Р.В., Насуленко Г.А.	8
ИСТОРИКИ КНР ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ РЕСУРСАХ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА «ДВИЖЕНИЯ ЗА НОВУЮ КУЛЬТУРУ»	
Верченко А.Л.	11
СЕКЦИЯ №5.	
ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05).....	14
СЕКЦИЯ №6.	
ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06).....	14
СПЕЦИФИКА СОВМЕСТНОГО ТВОРЧЕСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТА В ПРОЦЕССЕ ДИЗАЙН ПРОЕКТИРОВАНИЯ	
Удалова Н.Н.	14
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭВОЛЮЦИИ ГЕЙМ-ДИЗАЙНА КАК ПРОЕКТНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ	
Казакова Н.Ю.	16
ФИЛОСОФИЯ ПОЗИТИВИЗМА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ФОРМООБРАЗОВАНИЯ В ДИЗАЙНЕ	
Назаров Ю.В., Попова В.В.	19
СЕКЦИЯ №7.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09).....	21
ИГРА КАК ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНО ОДАРЕННЫХ УЧАЩИХСЯ	
Волосков И.В.	21
КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00).....	23
СЕКЦИЯ №8.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01).....	23
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНО–ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ Г.ТОБОЛЬСКА В 1880–Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ТОБОЛЬСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»)	
Костецкая Е.В.	23
НОВЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РЕМЕСЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
Некрасов С.Н., Молчанов В.А., Чупин Ю.Н.	25
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО: РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ КОСМОСА ДУШИ	
Дружинина И.А.	28
СЕКЦИЯ №9.	
МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03).....	30

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)	30
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)	30
СЕКЦИЯ №10.	
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)	30
ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА. ПРЕДКИ А. ВАМПИЛОВА ПО ОТЦОВСКОЙ ЛИНИИ	
Юрченко О.О.	30
МОТИВ ОБОРОТНИЧЕСТВА В ПЬЕСЕ-СКАЗКЕ Е.Л. ШВАРЦА «ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО»	
Любимова Е.А.	33
ПОЧЕМУ СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ ТАК МАЛО ЧИТАЕТ	
Морозова Т.В.	35
ПРОЗА ПОЭТА: ТЕНДЕНЦИИ ИМПРЕССИОНИЗМА И КУБИЗМА В ПРОЗЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА И Б. ПАСТЕРНАКА 20-ЫХ ГГ. XX в.	
Пелихова А.А.	40
ПЬЕСА «ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ В ЧУЛИМСКЕ» А. ВАМПИЛОВА: СИНТЕЗ ЭПИЧЕСКОГО И ДРАМАТИЧЕСКОГО	
Юрченко О.О.	43
СФИНКС - «ПОЛУЖЕНА И ПОЛУЗВЕРЬ» - В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ГУМИЛЕВА И О. УАЙЛЬДА	
Раскина Е.Ю., Сушко Е.Л.	45
СЕКЦИЯ №11.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)	49
СЕКЦИЯ №12.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)	49
«ЗАКОН» КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРАКТИКИ ИМПЕРИАЛИЗМА В ЯКУТСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВАЦЛАВА СЕРОШЕВСКОГО И СЕВЕРНЫХ РАССКАЗАХ ДЖЕКА ЛОНДОНА	
Емельянов И.С.	49
СЕКЦИЯ №13.	
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)	51
СЕКЦИЯ №14.	
ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)	51
СЕКЦИЯ №15.	
ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)	51
ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)	51
СЕКЦИЯ №16.	
РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)	51
СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ КОМПАРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РАССКАЗЕ В. ТОКАРЕВОЙ «ИЗ ЖИЗНИ МИЛЛИОНЕРОВ»	
Разуваева Л.В.	51
СЕКЦИЯ №17.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)	53
СЕКЦИЯ №18.	
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)	54
СЕКЦИЯ №19.	
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)	54
ВОЗМОЖНОСТЬ СОПОСТАВЛЕНИЯ БЕЗЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ И НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКАХ ПОСРЕДСТВОМ ИДЕИ ДВУХЧАСТНОСТИ	
Ульяницкая Л.А.	54
ДЖ. ХАРТ (- 1574) – ПЕРВЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ФОНЕТИСТ	
Беспярых Н.Г.	56

ДУХ СВЯТОЙ В ПРОЗЕ СЭЛИНДЖЕРА: ПОЭТИКА РАССКАЗА «ПЕРЕД САМОЙ ВОЙНОЙ С ЭСКИМОСАМИ» (ЭСКИЗ)	
Щербак Н.Ф.	58
КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПО ПРИНЦИПУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОСТИ И ПЕРСОНАЛЬНОСТИ	
Петрухина О.П.	63
К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	
Кисина Д.Г.	66
ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПУРИЗМА В ГЕРМАНИИ	
Юсифов Э.Г.	68
ЧТЕНИЕ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	
Поползина Л.П., Ворончихина М.В.	72
СЕКЦИЯ №20.	
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)	73
ИСПАНСКАЯ КАЧЕСТВЕННАЯ ПРЕССА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА	
Селиванова И.В.	73
СЕКЦИЯ №21.	
КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)	75
СЕКЦИЯ №22.	
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)	76
MEDICAL SLANG AS A PART OF DOCTOR'S SPEECH BEHAVIOR	
Yagenich L. V.	76
ОБОСНОВАНИЕ И ОБЪЯСНЕНИЕ: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (ЛИНГВОАРГУМЕНТАТИВНЫЙ АСПЕКТ)	
Фанян Н.Ю.	78
СЕКЦИЯ №23.	
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20).....	80
КРЕОЛИЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ВИДЕОРЕКЛАМЕ	
Семаков А.С.	80
ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОВ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ	
Андреева С.В., Патаева В.Д.	83
ПРОСТАЯ И РАЗВЕРНУТАЯ МЕТАФОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «ЗАВИСТЬ» ЮРИЯ КАРЛОВИЧА ОЛЕШИ И РОМАНА «ПРОЦЕСС ЭЛИЗАБЕТ КРИ» ПИТЕРА АКРОЙДА)	
Проколов Д.В.	84
ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ В РОМАНЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА «МАРТИН ИДЕН»	
Паршукова М.М.	86
СЕКЦИЯ №24.	
ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21).....	89
СЕКЦИЯ №25.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)	89
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД	90

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)

ЯЗЫКОВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНОГО КОНФЛИКТА В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Емельянова О.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Проблемы, касающиеся ценностей человека, не утрачивают своей актуальности и по-прежнему относятся к числу важнейших для ряда социально-гуманитарных наук, задачей которых является исследование человека и общества. Являясь неотъемлемым атрибутом каждой личности, ценности оказывают решающее воздействие на мотивацию поведения и деятельности человека, на способы его взаимодействия с окружающим миром. Именно система ценностей, оказывающая решающее воздействие на мотивацию поведения и деятельности человека, на способы его взаимодействия с окружающим миром, является ядром социокультурного строя (Полякова 2003: 4). Что касается современной лингвокультурологии, то одним из её фундаментальных принципов выступает представление о языке как форме существования национального мировоззрения. Неотъемлемой частью и важнейшей составляющей этого мировоззрения безусловно признается система ценностных представлений. Под ценностями принято понимать относительно стабильные, общие и иерархически организованные характеристики индивида (предрасположенности) и группы (элементы общественного сознания), сформировавшиеся во взаимодействии исторических, актуально-социальных и индивидуальных факторов, которые из-за таким образом объясненной желательности направляют поведение своих носителей к определенным целям (Пантич 1997: 34).

По мнению специалистов в области социально-гуманитарных наук, современная культура предполагает достаточно широкие рамки терпимости, то есть возможности общения и совместного действия людей или групп, приверженных разным системам мировоззрения и различным ценностным ориентациям (phsihilog 639-15 html). Тем не менее, во многих английских романах последнего десятилетия отражена острая проблема взаимоотношений англичан и выходцев из мусульманских стран. Судя по примерам, ценностные установки мусульман часто вступают в противоречие с ценностными нормами и ожиданиями англичан, которые вызывают резкую негативную реакцию выходцев из Азии (1) Yousef rolled his eyes. Had the world gone mad? Hysterical grief over Robbie Bishop (football player – O.E.), and not a hair turned over the daily death tolls in Iraq and Palestine and Afghanistan. Something had gone badly wrong with their values (McDermid, 181). Противопоставление свойственных разным этническим/религиозным сообществам представлений часто приводит к тому, что принято называть конфликтом ценностей. Словарь по конфликтологии определяет конфликт ценностный как тип конфликтного противостояния, при котором ценностные установки индивида или группы вступают в противоречие с ценностными нормами и ожиданиями более или менее обширного социального окружения или общества в целом (Давлетчина 2005). Действительно, многие стереотипы и предрассудки основываются на наличии негативных чувств в отношении членов чужой группы, которые воспринимаются как угрожающие базовыми ценностями собственной группы. Многие представители двухмиллионной мусульманской общины в Англии, как и герой, упомянутого романа, остро переживают изменившееся к ним отношение после терактов 11 сентября в Нью-Йорке и 7 июля в Лондоне: (2) And he hated it. Back when his father started the business, he'd been dealing mostly with other Asians. But First Fabrics had stabilized and established itself; they had to deal with all sorts. Jews, Cypriots, Brits. And the one thing they all had in common was that they acted like 9/11 and 7/7 had given them the right to treat Muslim with contempt and suspicion. All the misapprehensions and downright deliberate misunderstandings of Islam operated as perfect excuse for racism. They knew it wasn't acceptable to be openly racist any more, so they'd found another way to express their racism. All the stuff about women wearing hijab. The complaints about them speaking Arab or Urdu instead of English all the time. F-ck, had never been to Wales? Go into a coffee bar there and suddenly it's like nobody learned English. (McDermid, 62-63). Contempt, suspicion – вот какие чувства испытывают, с его точки зрения, англичане ко всем мусульманам. Нежелание разбираться в Исламе, неправильное его понимание (All the misapprehensions and downright deliberate misunderstandings), ведут к расизму. Большую роль в этом процессе играют предрассудки, которые выступают в виде установок предвзятого или враждебного отношения к представителям определённых

этнических групп, их культурам и любым фактам, связанным с их деятельностью поведением и социальным положением, таким, например, как ношение хиджаба и использование арабского или урду вместо английского. Исследователи подчёркивают, что для предрассудков характерно бездумное негативное отношение ко всем членам группы или большей её части. Любой молодой человек азиатской внешности воспринимается как the tabloid archetype of a contemporary bogeyman: ‘No kidding,’ the guard said. (3) ‘What kind of evil bastard would do a thing like that?’ He did a double take, as if only just realizing he was speaking to a young Asian male, the tabloid archetype of a contemporary bogeyman. ‘Sorry, mate, I didn’t mean...You know?’ ‘I know. We’re not all like that’, Yousef said (McDermid, 280). Неправомерное обобщение вызывает закономерную реакцию: We’re not all like that.

Не меньше претензий высказывают к выходцам с Востока англичане. Следует подчеркнуть, что главную роль здесь играет не национальная принадлежность последних (иранцы, пакистанцы и т.д.), а исповедуемая ими религия – ислам. В словах главы Отдела по борьбе с терроризмом из романа Вэл Макдермид “Beneath the Bleeding” (London, 2008) сконцентрированы типичные представления об опасностях, грозящих жителям Англии со стороны мусульман, причём в данном случае речь идёт не о потенциальной угрозе, а о реальном (в мире романа) теракте, в результате которого погибло много людей: (4) He turned to Carol. Yousef Aziz was a Muslim. There’s a significant tranche of Muslims who hate us. They want to blow us to kingdom come and impose Sharia law on what’s left. They don’t want peaceful coexistence, they want to destroy us. That’s enough, surely? That’s all that’s going on here, Carol’ (McDermid, 417). Приведённое в примере высказывание может показаться сильным преувеличением, однако факты свидетельствуют об обратном. По данным ряда источников, растущее число мусульманских общин в Лондоне принесло властям и местным жителям немало проблем. Некоторые районы Лондона неожиданно стали опасными для коренных жителей британской столицы (<http://allbel.info/musulmanevytesnyayut-zhitelej-londona>). Сообщается, что мусульмане Великобритании начали кампанию по обозначению в Лондоне зон, в которых действуют законы шариата. В ее рамках верующие развешивают по городу небольшие жёлтые листовки, содержащие надпись: «Вы входите в зону, контролируемую шариатом. Законы ислама соблюдать обязательно!».

Возвращаясь к упомянутому роману, отметим: ещё до установления личности виновного во взрыве на стадионе (которым действительно оказался мусульманин, пошедший, однако, на это страшное преступление по чисто личным причинам, что вовсе не умаляет его вины), мусульмане города предвидели, что именно на них будет возложена ответственность за случившееся: (5) ‘Then they’ll blame us’, Raj said, his face solemn, his eyes bright. ‘They’ll say it was Muslim fundamentalists. I tell you. I’ve been supporting the Vics (football team – O.E.) since I was a little kid, but that won’t make no difference now.’ ‘Yousef is right,’ Sanjar said. «Till they find out who did this, there’s going to be people looking for scapegoats. Even though that cop woman said it wasn’t no terrorist thing, there’s still going to be fuckwits out there who think it’s an excuse to go paki-bashing. Feelings are going to run high, Raj. Better you stay clear’ (McDermid, 101-102). Данный пример служит прекрасной и очень точной иллюстрацией следующих теоретических положений. Говоря о социопсихических причинах конфликтов, социологи особое внимание уделяют уже упомянутым ранее предрассудкам, то есть заведомому осуждению человека исключительно на основании его идентификации с некой группой. Предрассудок это чувство неприязни по отношению к человеку непохожему на тебя по цвету кожи, или по национальности, или по культурным навыкам, или по принадлежности к полу. Предрассудок это стереотип, то есть стремление к неоправданно широкому обобщению (Беляев 2003:167). Предрассудки – отнюдь не плод большой психики, либо дурного воспитания. Социальным источником предрассудков является реально существующее в обществе неравенство статусов; предрассудок помогает оправдать экономическое и социальное превосходство тех, у кого в руках богатство и власть. Эмоциональным источником предрассудков является испуг и неопределенность, возникающие в результате фрустрации. Такое эмоциональное состояние ведет к так называемой «смещенной агрессии», поиску «козла отпущения», то есть поиску виноватого (Там же) – an excuse to go paki-bashing.

Сложность, противоречивость и длительность процесса, который ученые называют взаимной аккультурацией цивилизаций, отражена в следующем примере, описывающем спор между англичанином и его партнером-иранцем, весьма образно выразившим невозможность мгновенно перестроить свою систему ценностей (6): ‘In my culture – their culture-’ ‘You’re part of this culture now. All of you.’ ‘That’s not how it works. One doesn’t just flee to a foreign country, take some magic pill one night, and wake up the next morning with an entirely different system of values. It doesn’t happen this way (George, 26-27). В определенном смысле конфликт ценностей двух культур, утверждают специалисты, — это конфликт разных способов мышления, разных картин мира, разных логик. Консенсус в диалоге культур может быть достигнут путем признания неких универсальных общецивилизационных ценностей в качестве ведущих и определяющих. Прежде всего, это витальные ценности: право на жизнь и продолжение рода, сохранение здоровья, неприкосновенность личности; затем экологические ценности: чистые почва, вода, воздух, достаточность основных ресурсов. Не менее важны первичные

гражданские права: защита от внеправового насилия и принуждения, свобода перемещения, неприкосновенность жилища, свобода совести, слова, собраний, ассоциаций и универсальные политико-правовые ценности: независимость суда, свобода и независимость печати, различные формы участия граждан в политической жизни (Фишер, Юри 1992:19). Консенсус, подчеркивают социологи, — это не просто уступки и компромиссы, это, прежде всего, совместная деятельность по созданию общих ценностей и единого социокультурного пространства, в котором смогут свободно развиваться и взаимодействовать разные цивилизации. К сожалению, материал англоязычной художественной литературы последних десятилетий практически не позволяет говорить о формировании подобного консенсуса; возможно, в недалеком будущем в произведениях писателей появятся примеры взаимной аккультурации цивилизаций.

Список литературы

1. Белов В.И. Конфликты и культура их разрешения. М., 2003.
2. Давлечина С.В. Словарь по конфликтологии. Улан-Удэ, 2005.
3. Пантич Д. Конфликты ценностей в странах транзиции. М., 1997.
4. Полякова И.П. Роль ценностей в процессе мотивации. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2003
5. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или переговоры без поражения. М., 1990.
6. (<http://allbel.info/musulmane-vytesnyayut-zhitelej-londona>) (phsihilog 639-15 html).
7. George — George E. Believing the Lie. London, 2012.
8. McDermid — McDermid V. Beneath the Bleeding. London, 2008.

СЕКЦИЯ №2.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)

СЕКЦИЯ №3.

КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)

СЕКЦИЯ №4.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)

АКАДЕМИЧНОСТЬ ИЛИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ. СТОЛКНОВЕНИЕ БАЗИСНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА СОВРЕМЕННОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Паранюшкин Р.В., Насуленко Г.А.

Институт художественного образования, г.Волгоград

В статье рассматриваются профессиональные и педагогические противоречия, порождённые современным искусствоведческим принципом: «Искусство – это высказывание». Художественная практика и философия искусства стремительно расширяют эстетическое поле, буквально сметая старые устоявшиеся взгляды на роль и место изобразительных средств, кардинально изменяя критерии искусства.

Предварительное замечание. Академичность в нашем случае представляет собой не определённое историческое направление в искусстве, а принцип, подход к созданию произведения на основе традиционных средств.

«...настоящие художники - Рембрандт,

Джотто, а я лишь клоун; но будущее в искусстве

За теми, кто сумеет кривляться!»

Пабло Пикассо

Академичность предполагает два базовых начала: первое – мастерство художника достигается основательным обучением на основе выработанной системы; второе – художественное творчество

последовательно технологично, т.е. процесс создания картины от замысла до завершения известен заранее. В этом и сила, и слабость индивидуальности.

Сначала о силе.

Несомненно, что фундаментальная подготовка художника в течение многих лет даёт ему техническую свободу, позволяет свободу передавать форму и цвет, сводить в гармонию композиционный строй картины. Знание свойств и взаимодействия грунтов, красок, лаков и других изобразительных материалов гарантирует сохранность и качественный уровень картины как предмета. Этапы создания произведения, выработанные художниками предыдущих поколений, в силу своей последовательности непременно приведут к требуемому результату.

Таким образом, академичность, исповедующая традиции, главным достоинством произведения считает общехудожественное мастерство.

Теперь о слабости.

Если представить себе изостудию или академию художеств, где учащиеся с идеальной точностью и идеальным мастерством воспроизводят натурные учебные постановки, то в результате должны у всех получиться прекрасные, но совершенно одинаковые этюды, отвечающие общехудожественным требованиям. Конечно, в реальных академиях этого не бывает, но движение к этому обуславливает сама идея «правильности» изображения. Индивидуальность художника здесь не главное, она следует вторым планом, как второстепенность. Именно академические требования, доведённые до канона, возмутили Ивана Крамского при получении темы дипломной работы, когда он отказался писать произведение по официально установленным каноническим требованиям.

А индивидуальность как, художественная основа, как метод, проявилась наиболее ярко у импрессионистов, которым довелось поначалу пройти все адские круги насмешек и издевательств, прежде чем они убедили мир в серьёзности их отношения к искусству.

Индивидуальность следующей волны постимпрессионистов Ван Гога, Гогена, Сезанна открыла шлюзы, через которые хлынули потоки всяких направлений и «измов», приведшие к абсолютному доминированию индивидуальности и к знаменитой формуле: «Искусство – это высказывание». И высказываются – от включения в экспозицию бытового унитаза до публичного членовредительства автора перформанса (как это было на Красной площади).

Где истина?

И бывает ли она в искусстве?

Нас этот вопрос глубоко волнует как художников и как педагогов.

Современное искусство развело по разные стороны баррикад многих творцов, противоречие между художественностью академичности и художественностью индивидуальности от практики перешло к эстетическим теориям. Мы, естественно, не можем одновременно быть в противоборствующих станах, но рассмотреть доводы соперников постараемся объективно.

В эстетике главенствующим смыслом является категория прекрасного. Все оттенки эстетических переживаний, от трагического до комического, укладываются в пространство противоположностей: «прекрасное – безобразное». Отталкиваясь, от своего антипода, категория прекрасного охотно включает в себя гармонию и красоту, хотя не исчерпывается этим. Именно эти два понятия, гармония и красота, для традиционной академичности являются главными атрибутами искусства, причём не чисто внешними его характеристиками, а внутренне обусловленными признаками. (Заметим в скобках, что Лев Николаевич Толстой в своей книге «Что такое искусство» отказывает красоте вправе быть основой искусства, считая более важными искренность и правду, но эти понятия касаются скорее этики, чем эстетики).

Академический принцип изобразительного искусства ставит задачей снабдить художника всем арсеналом изобразительных средств, без которых гармония и красота просто недостижимы: техникой рисунка, законами живописи, формами композиции, знанием пластической анатомии. Профессиональный художник должен уметь рисовать! Это аксиома и догма академичности.

Один жанр изобразительного искусства особенно чувствителен к академичности: это портрет. Персональное сходство достигается точной передачей пропорции, правильной лепкой светотени, передачей воздушной среды – этому учатся долго и основательно.

Портретные формы, традиционно существующие в живописи, в любом случае отражают сначала личность портретируемого, и только потом – личность художника, его отношение к модели.

Итак, идея гармонии и красоты передаётся средствами живописи на основе существующей в реальности эстетической формы. Таков базисный взгляд академичности.

И вдруг – громкое возражение оппонентов, то есть апологетов главенства индивидуальности: художник не должен быть рабом реальных форм, он сам по себе целый мир! Индивидуальность, непохожесть на других – Бог искусства! В душе художника рождается, живёт и воплощается в произведение свой мир, внутренние художественные идеи, индивидуальный взгляд, оценивающий действительность. Задача современного художника – провокация, высказывание, заставляющее зрителя по-новому смотреть, по-новому думать, по-новому чувствовать. Какая живопись, какой рисунок – это всё устарело!

Гармония и красота – внешние формы реального мира, они сковывают искусство идеей содержания, а в искусстве нового времени только оригинальная, индивидуальная форма имеет значение, они альфа и омега художественного творчества.

Как нам это воспринимать?

Для нас, очевидно, что искусство без индивидуальности – ремесло, а индивидуальность без мастерства – не искусство. Так что, видимо, следует рассмотреть взаимоотношение формы и содержания на нейтральной территории, откуда видны оба непримиримых лагеря...

Французский искусствовед и философ Поль Валери писал: «Шедевры всегда банальны!» При всей оценочной неожиданности, эта фраза не так уж парадоксальна – действительно, шедевры потому и становятся в глазах зрителей шедеврами, что ими восхищаются многие, а то, что нравится многим, становится общим местом, банальностью. Заметим, в великих произведениях мы восхищаемся художественностью формы, а не содержанием как таковым. Собственно, содержанием искусства является в первую очередь эстетические переживания, а их диапазон не так уж и велик: радость и восхищение, любовь и тревога, печаль и трагизм, комизм и ирония, возмущение и отвращение. Любая литературная основа произведения изобразительного искусства укладывается в этот диапазон. Так что хотим мы или не хотим, но вынуждены признать: в искусстве форма может варьироваться бесконечно, она богаче содержания, в известном смысле она первична. В этом сторонники академичности и сторонники индивидуальности могут согласиться друг с другом. И дискутировать о степени глубины содержания бессмысленно, как бесполезно спорить о том, какой символ патристичнее: берёзка или военные победы (мы говорим об искусстве!).

Сосредоточиться на форме.

Если произведение задевает за душу зрителя, волнует её, заставляет испытывать эстетические переживания в любом из оттенков – задача художника выполнена. И с этим представители обоих лагерей тоже могут согласиться. Так в чём же камень преткновения? В мастерстве, в профессионализме! Не может профессиональный художник спокойно смотреть на то, как совершенно беспомощное, по-детски неумелое, не имеющее ни композиции, ни цвета, ни рисунка произведение позиционируется с точки зрения индивидуальности в первых рядах современного искусства. Выходит, художник может назвать себя всякий, для этого не надо учиться? Попробуйте играть на скрипке без обучения, не получится. А в изобразительном искусстве получается! Причём ломка привычных форм дилетанту даётся легче, чем академически обученному художнику. Да, академичность мешает индивидуальности, часто лишает его смелости выражения. И в этом индивидуальность как базовый принцип искусства одержит победу.... Но это пиррова победа! Индивидуальность ради индивидуальности, оригинальность ради оригинальности разрушает эстетическую основу искусства, разрушает профессионализм и по-нашему мнению, принижает его. Тупик?

Но ведь есть примеры, когда профессионализм, академическое обучение не помешали стать яркой индивидуальностью: вспомним С. Дали и П. Пикассо.

Причём, интересно, что Дали по художественной форме был ближе к академичности, а Пикассо – к «хулиганской» индивидуальности. И ни того, ни другого не упрекнёшь в дилетантской неумелости, в композиционной беспомощности. Они оба великие художники.

Мы ясно понимаем, что в художественной практике нашего времени новое искусство имеет возможности использования технических достижений цивилизации – компьютера, кино, фотоаппарата, видеотехники и т.д. И это прекрасно, потому что горизонты искусства раздвигаются до бесконечности. Но художественные базовые взгляды напрямую влияют на результат, конечную форму произведения искусства, его зрительскую оценку.

Когда ведутся споры об искусстве, обычно переходят в конечном итоге к конфликту «реализма» и «абстракционизма» (направления условны). Этого аспекта мы не затрагиваем вообще, потому, что «академические» ценности произведения – композиция, колорит, гармония деталей – универсальны. Любой вид изобразительного искусства и архитектуры, пренебрегающий этими базовыми ценностями не может сложиться в художественное произведение, будет просто набором случайных элементов, т.е. хаосом. И совсем неважно, «Джоконда» ли Леонардо это или «Композиция №7» Кандинского – речь идет о картине как таковой, имеющей компоновку, цвет и другие признаки картины. Индивидуальность и академичность в обоих случаях

присутствуют, здесь они не противоречат друг другу, здесь сопоставляются только разные формы профессионального взгляда на способ художественного выражения.

Базисные позиции искусствоведения «старого» и искусствоведения «нового» сталкиваются не в вариантах формы, а в отвержении формы вообще, когда высказывание подменяет художественность.

Столкновение двух полюсных взглядов (упрощая до предела – «красота» или «высказывание») вынуждает нас сделать вполне определённый вывод: идти надо от академичности к индивидуальности, преодолевая (если надо) каноны, но отвергать академичность, принося её в жертву индивидуальности – путь к пропасти.

Художник должен уметь рисовать!

Список литературы

1. Виппер Б.Р. Введение в историческое изучение искусства М: АСТ- ПРЕСС КНИГА, 2004 - 368 с.
2. Григорий Стернин От Репина до Врубеля. Издательство: ГАЛАРТ, М., 2009 – 208 с.
3. Мочалов Л.В. Пространство мира и пространство картины. Издательство: Советский художник, М., 1983 – 376 с.
4. Поль Валери. Об искусстве. Издательство: Искусство, М., 1976 – 622 с.
5. Рескин Джон. Лекции об искусстве / пер. с англ. М., БСГ-ПРЕСС, 2006 – 309 с.

ИСТОРИКИ КНР ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ РЕСУРСАХ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА «ДВИЖЕНИЯ ЗА НОВУЮ КУЛЬТУРУ»¹

Верченко А.Л.

Институт Дальнего Востока РАН

Начало XX в. ознаменовалось для Китая серьезными общественно-политическими потрясениями: серия революционных восстаний завершилась в 1911 г. Синьхайской революцией, которая свергла монархию и установила республиканскую власть. Однако революция, как отмечал Сунь Ятсен, «одержала лишь частичную победу». Даже формально провозглашенные демократические права в кратчайшие сроки были сведены на нет. Ситуация усугубилась политической нестабильностью, попытками Юань Шикая восстановить монархию, его пассивной внешней политикой, принятием им унижительных японских «21 требования» позицией западных держав во время Первой мировой войны. Это привело к росту национального самосознания и создало благоприятную среду для развития идеологических течений, направленных на обновление страны. Передовая китайская интеллигенция настойчиво искала выход из глубокого кризиса, в котором страна оказалась под властью бэйяньских милитаристов. Одним из направлений деятельности по обновлению общества стало «Движение за новую культуру», начало которого китайские историки традиционно связывают с выходом в свет первого номера журнала «Новая молодежь в сентябре 1915 года. Цель данной статьи – дать обзор некоторых, наиболее репрезентативных, китайских публикаций, касающихся начального этапа «Движения за новую культуру».

На протяжении последних 100 лет обществоведы КНР неустанно с большим вниманием изучают «Движение за новую культуру», вскрывают его интеллектуальные ресурсы. Историки признают, что движение отвечало требованиям времени и вошло в историю страны как важнейшее событие в духовной и идейно-политической жизни, дало импульс для нового этапа развития в первую очередь гуманитарной сферы: науки, образования, культуры, в том числе литературы и языка, сыграло большую роль в развертывании патриотического «Движения 4 мая» 1919 г., способствовало социальным преобразованиям в Китае, о чем пишет Фэн Чжаньюань. Он дает периодизацию движения, разделив его на два этапа: до и после Октябрьской революции. На раннем этапе главным содержанием движения были демократия и наука, идейная и литературная революция, в ходе которой интеллектуалы пытались заменить старую культуру и мораль новыми, добиться обновления общества путем восприятия современной западной цивилизации, изменения традиционного общества. Все идеи черпались на Западе. России в списке демократических и прогрессивных стран не было, ни о каком заимствовании идей речи идти не могло. На втором этапе, отмечает автор, передовые элементы китайской интеллигенции убедились в порочности капиталистического строя, в

¹ Работа выполнена в рамках международного гранта РГНФ (2016-2018 гг.) «Идейно-культурное влияние России на "Движение за новую культуру" в Китае (1915-1925). № 16-21-10001

большинстве своем разочаровались в ценностях буржуазной демократии и обратились к принесенным Октябрьской революцией идеям марксизма и ленинизма.

Другой китайский автор, профессор университета Чжуншань Юань Вэйши определяет «Движение за новую культуру» как процесс, направленный на идейную и культурную трансформацию китайского общества. Он полагает, что движение началось в 1830-х гг. и продолжается до сегодняшнего дня, когда оно, как прежде, должно впитывать все передовое из мировой культуры, способствуя социальному прогрессу Китая. Автор прослеживает пять этапов развития «Движения за новую культуру» и выявляет его сходства и различия с просветительскими идеями в Англии и Франции.

Китайские ученые всегда вели продуктивное изучение «Движения за новую культуру». Исследования традиционно активизировались к юбилейным датам, когда выходили сборники документов, новые монографии, научные статьи, воспоминания. Об этом движении непременно упоминалось в статьях, посвященных «Движению 4 мая» 1919 г. Одни историки считают, что просветительские идеи «Движения за новую культуру» слились позже с патриотическими и политическими требованиями «Движения 4 мая», другие полагают, что первое продолжало существовать как отдельное культурно-литературное направление, выполнявшее цели реформы в сфере культуры, и шло параллельно с политическим (Чжао Либинь). Сегодня Ли Синьюй, например, определяет «Движение за новую культуру» как идейно-культурное дополнение политических преобразований, устанавливавшее отношения между китайской и мировой цивилизацией, как движение за освобождение человека, за его права и свободы.

Одна из первых работ, освещавших роль и значение «Движения за новую культуру», вышла в КНР в 1957 г. Молодые тогда историки Дин Шоухэ, Инь Сюи и Чжан Бочжао подготовили книгу «Влияние Октябрьской революции на Китай», в которой отдельный раздел посвящен «Движению за новую культуру», ставшего, как пишут авторы, продолжением Синьхайской революции в сфере идеологии, развитием борьбы нового со старым, культуры Запада с китайской традиционной культурой. Отмечается, что идеологи движения идеализировали достижения западной цивилизации и пытались перенести ее опыт на китайскую почву, что приводило к «углублению борьбы в сфере идеологии, борьбы между капитализмом и феодализмом», к перемещению борьбы из области военного искусства в сферу идеологических дискуссий и споров. Анализируя теоретические пристрастия сторонников разных идеологических течений в Китае, авторы выделяют: (1) консерваторов, стоявших за феодальную этику конфуцианства (Кан Ювэй), (2) либералов, согласных на компромисс – сохранение национальных особенностей с учетом положительных сторон культуры Запада (Цянь Чжисю и др.), (3) радикальных демократов, ставивших целью освобождение от пут идеологии, присущей феодализму (Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Лу Синь). Отмечая важность появления на идеологической арене последних как новой силы, авторы книги указывают на большую последовательность выдвигаемых ими идей по сравнению с теми, которые ставили перед собой лидеры Синьхайской революции. Лозунгами «Движения за новую культуру» были «демократия» и «наука». Радикальные демократы взялись за пробуждение самосознания нации, хотя, как правильно отмечают Дин Шоухэ, сфера их влияния первоначально была ограничена интеллектуалами, студентами и молодежью, стремившимися к обновлению общества. Приходят на ум слова: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но они разбудили...». Они действительно начали пробуждать нацию, заставили многих мыслящих китайцев задуматься во имя будущего страны о вреде невежества, замкнутости, пассивности, косности, суеверий, слепой веры в некие древние каноны и т.д. Отдельные суждения в книге выглядят излишне критическими и пропагандистскими, хотя это вполне объяснимо, если учесть политическую ситуацию в КНР в конце 1950-х годов. Главный вывод авторов: «движение подготовило идеологическую основу для быстрого восприятия в Китае Октябрьской революции и социализма». Дин Шоухэ продолжал изучать «Движение за новую культуру» и «Движение 4 мая» в течение многих лет своей научной деятельности в головном историческом центре КНР – Институте новой истории Академии общественных наук Китая. Он расширил перечень тем, внес новые направления исследования, сумел привлечь новые источники (документы, мемуары, публикации из центральных и местных газет того времени), получив таким образом возможность проводить более глубокие исследования и делать более объективные выводы.

Надо отметить, что в 1950-60-е годы китайские историки выделяли много недостатков в «Движении за новую культуру», как-то: его ограниченность, нежелание покончить с существовавшим социально-политическим строем, невозможность выдвинуть требования, отражавшие волну широких народных масс, и выйти за рамки идей буржуазной демократии, отсутствие веры в социализм. После начала политики реформ и открытости (1978 г.) в исторической науке также произошли сдвиги. Возобновились исследования «Движения за новую культуру» на более широкой источниковедческой базе.

Признавая единодушно важную роль движения, ученые продолжают вести дискуссии по поводу его роли в истории, степени идейной зрелости интеллектуалов, вставших во главе движения, роли отдельных руководителей движения, участия в нем отдельных социальных групп, взаимосвязи движения за новую культуру с «Движением 4 мая». Появились серьезные исследования о руководителях движения, например, о Чэнь Дусю: работы Дин Шоухэ, статья Чжан Тунлэ в журнале «Лисюэ юэкань» в 1998 г. «Взгляды Чэнь Дусю на восточную и западную культуру в период «Движения за новую культуру». Первой наиболее полно и всесторонне анализирующей идеи Ли Дачжао работой стала монография Люй Минчжо «Изучение взглядов Ли Дачжао», в которой представлены взгляды Ли Дачжао по вопросам истории, философии, культуры, литературы, образования в разные периоды, в том числе в период «Движения за новую культуру». Отмечается, что именно в ходе движений за новую культуру и «4 мая» он прошел путь от идеализма к марксизму, стал убежденным коммунистом. Чжан Вэньшэн в монографии «Взгляды Ли Дачжао на историю» отмечает, что их формирование на основе материализма началось именно в период «Движения за новую культуру». Известный китайский историк, преподаватель Пекинского университета Оуян Чжэшэн посвятил несколько работ изучению взглядов Ху Ши и Цай Юаньпэя. В монографии «Историческая интерпретация «Движения 4 мая» он пишет, что «Движение за новую культуру» не возникло из ничего – оно развивалось на китайской почве не только под ударами культуры Запада и других внешних факторов, но и благодаря трансформации, которая произошла в «китайской гуманистической традиции». Получившие классическое образование руководители движения (Ху Ши, Чэнь Дусю, Лу Синь, Цай Юаньпэй), сумели понять важность преобразований и возглавили движение за реформы в науке, за обновление страны в целях ее укрепления. Оуян Чжэшэн подчеркивает, что эти лидеры не стремились разрушить старую культуру, а призывали к «возрождению культуры», с уважением относились к тому положительному, что было в традиционной культуре. Чжэн Шицзюй видит корни «Движения за новую культуру» в идеях Лян Цичао, отношение которого к движению автор характеризует как «наличие общего при сохранении различий». Лян Цичао и его последователи, по мнению Чжэн Шицзюя, поддерживал молодежное движение, идеи демократии и подъема науки, духовное раскрепощение и идеологическую свободу, но не разделял мнение о том, что наука может стать панацеей от всех китайских бед, а научный дух и методы Запада способны обновить китайскую культуру. Во многих работах китайских историков, представляющих, как академические институты, так и вузы, поднимается проблема противоречий между защитниками национальной культуры и сторонниками вестернизации. Чэнь Ваньсюн в работе «Происхождение «Движения 4 мая» и «Движения за новую культуру» признает, что их корни следует искать в «Ста днях реформ» и считает, что оба движения возникли как попытка преодолеть глубокий общенациональный кризис в Китае, добиться изменений в общественной психологии, начать обновления в стране. Он полагает, что не следует сводить оценку движений к определению его результативности, а необходимо признать смелость и способности тех интеллектуалов, которые созрели до протеста против устоев старого общества. Автор склонен полагать, что и тогда, и сейчас интеллигенция играет большую стимулирующую роль в китайской истории и определяет «Движение за новую культуру» как период формирования первого поколения современной интеллигенции. Эти же мысли о роли интеллигенции содержатся в статье Ли Синьюя «Что такое «Движение за новую культуру?»».

По мнению Чэнь Ваньсюна, вернувшиеся из-за границы студенты принесли культурный радикализм, который стал основным содержанием движения и вступил в противоречие с идеями защитников традиционной культуры. В статье «Идеи вестернизации до и после Синьхайской революции» Чжао Либинь пишет, что учившиеся в Европе и Японии студенты ощущали преимущества западного общества и государственного устройства и видели в европеизации единственный путь для преодоления национального кризиса и спасения страны. Уместно отметить, что многие китайские историки отмечают связь Синьхайской революции и «Движения за новую культуру»: Гун Шуфэн, Чэнь Ваньсюн, Ху Шэн. Чжао Либинь отмечает всплеск стремления к обновлению в обществе после революции в среде молодежи и интеллектуалов. Студенты считали Китай отсталой страной, идеализировали достижения Запада, видели в Японии (именно там училось больше всего китайской молодежи) пример удачного внедрения европейской культуры в жизнь восточного общества и выступали пропагандистами распространения достижений Запада в противовес собственной национальной культуре. Китай был мало знаком с западной интеллектуальной мыслью, воспринимал ее через преломление в призме японской действительности, и даже заимствовал в период «Движения за новую культуру» отдельные термины из японского языка. Это движение, по мнению автора, было вызвано изменениями в общественной психологии и возникло в ответ на углубление национального кризиса и поставило перед страной вопрос, по какому пути двигаться, чтобы добиться прогресса. Расстановку интеллектуальных сил в Китае анализирует Чжао Либинь. Он считает, что для достижения общей цели – спасения родины – сторонники разных идеологических течений видели разные пути: анархисты У Яхуэй и Ли

Ши из редакции парижской газеты «Новый мир» резко протестовали против всего традиционного, выступали за революцию; студенты, обучавшиеся за рубежом, были настроены более умеренно и предполагали внесение изменений в культуру и государственный строй путем заимствования элементов западной модели; общественность внутри страны выступала за умеренное обновление.

Анализ некоторых последних публикация позволяет сделать вывод о том, что после начала политики реформ китайские историки проделали серьезную исследовательскую работу, направленную на продолжение углубленного, расширенного и более объективного изучения «Движения за новую культуру».

Список литературы

1. Дин Шоухэ, Инь Сюйи, Чжан Бочжао. Влияние Октябрьской революции на Китай. Пекин, 1957. 180 с. (кит.яз.)
2. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т.VII. Китайская Республика (1912-1949). М., 2013. 863 с.
3. Ли Синьюй. Что такое «Движение за новую культуру?» // Цзиньдай ши яньцзю. 2005.№ 2. С.3. (кит.яз.)
4. Люй Минчжо. Изучение взглядов Ли Дачжао. Хэбэй. 1983. 343 с.
5. Становление советско-китайских отношений (1917-1950). Владивосток. 1987. 197 с.
6. Сунь Ятсен. Избранные произведения. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 1985.784 с.
7. Фэн Чжаньюань. Просветительские идеи «Движения за новую культуру» и его современные оценки // Цицикар. 2012. 53 с. (кит.яз.)
8. Чжан Вэньшэн. Взгляды Ли Дачжао на историю. Пекин. 2006. 304с. (кит.яз.)
9. Чжао Либинь. Идеи вестернизации до и после Синьхайской революции // Синьхайская революция и Китай XX века. Материалы Международной научной конференции. В 2 ч. Пекин. 2010. Ч. 2. С. С.1625-1643. (кит.яз.)
10. Чжэн Шицзюй. Лян цичао юй синь вэньхуа юньдун (Лян Цичао и «Движение за новую культуру») // Цзиньдай ши яньцзю. Пекин. 2005. № 2. С. 1-37. (кит.яз.)
11. Чэнь Ваньсюн. Происхождение движений «4 мая» и за новую культуру. Сянган. 1978. 197 с. (кит.яз.)
12. Юань Вэйши. Об уточнении основных вопросов «Движения за новую культуру» и патриотического «Движения 4 мая». (кит.яз). Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь. 2010. № 4. URL: www.china-review.com/LiShiPinDaoA.asp=25623

СЕКЦИЯ №5.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)

СЕКЦИЯ №6.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)

СПЕЦИФИКА СОВМЕСТНОГО ТВОРЧЕСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТА В ПРОЦЕССЕ ДИЗАЙН ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Удалова Н.Н.

Омский государственный институт сервиса, г.Омск

Образование - совместное творчество преподавателя и студента! Это не просто красивые слова. Этот тезис отражает выработанное в науке представление об идеальном состоянии образования.

Преподаватель влияет на мотивацию студента через свои профессиональные качества, отношение к своей профессии и преподаваемой дисциплине, внешний вид и особенности речи, через организацию развивающего педагогического взаимодействия и условий для адекватного восприятия информации.

Студент привносит в образовательный процесс собственные ценности и установки, навыки самостоятельной работы, готовность воспринимать и способность к анализу и обобщению материала. Проверяет усвоенные знания на практике.

Сложный творческий процесс дизайн проектирования обусловлен взаимодействием трех компонентов преподавания: преподавателя, студента и преобразуемой под их воздействием проектной модели объекта. На начальном этапе обучения педагог и студент в процессе дизайн проектирования находятся в отношениях «ведущего» и «ведомого», что соответствует малой творческой подготовке студентов. Педагог активно воздействует на проектируемую модель объекта и тем самым на студента, однако общение несовершенно – обратные связи слабые (Схема 1). Недостатки такой структуры обучения наиболее сильно проявляются на старших курсах и нуждаются в их преодолении.

Схема 1.

В настоящее время в цепи педагог – проектная модель – студент необходим переход к системе взаимодействия – партнерства, к ориентации на совместную творческую деятельность, основанную на усилении обратных связей. Целенаправленное взаимодействие обучающего и обучаемого через проект осуществляется в акте коммуникаций. Педагог и студент оказываются деятельными участниками этой взаимодействующей системы – обмен информации через проектное решение предполагает налаживание взаимных контактов (Схема 2).

Схема 2.

Механизм обратных связей между учеником и педагогом обеспечивает выполнение необходимых операций – целесообразное поведение студента при минимуме «помех» – погрешностей в понимании студентом советов педагога. Взаимопонимание между партнерами основывается на использовании профессиональных средств, языков, закодированных сообщений, понятных обеим сторонам коммуникационного процесса обучения. Педагог-дизайнер, направляя студенту информацию, учитывает потребности и интересы студента исходя из эстетических, психологических и ценностных установок. На информацию педагога студент отвечает собственной информационной реакцией, что подтверждает наличие состоявшегося между ними акта общения. Вместе с тем рекомендации педагога несут в себе элемент убеждающего воздействия, которое направлено на обучение проектной процедуре, решению возникающих в процессе проектирования проблем, выработке мыслительных навыков.

Система сотрудничества и партнерства направлена на овладение профессией и стимулирует самостоятельную поисковую, творческую и познавательную деятельность студента, который несет ответственность за принятие решения. От активности воздействия педагога и студента на объект деятельности

зависит результативность проектирования. На всех уровнях подготовки для студентов должна быть создана обстановка доброжелательной поддержки и пристального внимания педагога к их профессиональному становлению.

Коммуникативный процесс интегрирует познание, общение и деятельность. Однако в условиях дизайн проектирования происходит не только продуктивный обмен информацией, но и преобразование, творческая интерпретация информации, направленная на эстетическое формообразование проектной модели, зрительно воспринимаются функциональный смысл создаваемого объекта, его «структурная тема», художественный образ и через них – идейное содержание произведения. За педагогом остается профессиональная критическая оценка создаваемой проектной модели. Совместное активное сотрудничество между учащимся и обучающим образует многосторонний взаимообогащающий процесс.

Учебное дизайн проектирование организуется педагогом-дизайнером в направлении творческого самосовершенствования студентов и поиска ими новых знаний.

Преподавание дизайн проектирования заключается в консультации и руководстве творческой работой студентов, в осмыслении и переработке программного материала, передаче студенту информации различными способами. Главные из них – речевые сообщения, ссылка на аналог, наброски на полях чертежей, схемы или непосредственное исправление эскиза студента. Деятельность педагога в процессе учебного проектирования заключается в снижении содержащихся в проектных эскизах студентов случайностей, неопределенности и неупорядоченности.

Специфика обучения дизайнера состоит в преобладании самостоятельной поисковой деятельности учащегося, что обеспечивает развитие способностей и овладение творческим методом проектного моделирования. В творческой деятельности объединяется преобразовательная и познавательная активность студента, формируются его ценностные ориентации. В процессе дизайнерского проектирования собственные поиски студента корректируются дизайнером-педагогом, что повышает продуктивность творческой деятельности. Советы педагога, направленные на развитие проектного замысла, раскрывают перед студентом пути творческой разработки программы. Полученную информацию студент преобразует в проектное решение.

Сообщение педагога может относиться ко всей группе учащихся, тогда студент применительно к своему решению должен преобразовать информацию и сделать из нее соответствующий вывод. Педагог разбирает учебное задание, ситуацию и вырабатывает вместе со студентами целевую установку. Организуя работу в группе, педагог ставит перед студентами общие задачи в соответствии с этапами творческого процесса, раскрывает содержание и противоречивый характер проектирования, побуждает студентов к творческой деятельности. Педагог использует различные методы на разных этапах обучения, демонстрирует свое профессиональное мастерство, предвидит пути возможного развития проектного замысла, проверяет, контролирует работу студента и оценивает его проектные предложения.

Задача преподавателя- подключать мотивационную сферу, если хотите этически просвещать и программировать поведение личности специалиста на истинно творческую деятельность в той или иной жизненной ситуации. И решается эта задача как раз на этапе экспериментирования, когда рассматриваются разные варианты и выбираются наиболее интересные, когда проявляется "совокупность всех необходимых свойств педагога, установок и обстоятельств, обеспечивающих сознательный выбор действий и правильное их осуществление"(1.С. 77).

Список литературы

1. Яковлев Е.В. Педагогическая концепция: методологические аспекты построения. М.:ВЛАДОС,2006, 239 с.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭВОЛЮЦИИ ГЕЙМ-ДИЗАЙНА КАК ПРОЕКТНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Казакова Н.Ю.

Московский Государственный Университет Дизайна и Технологии, г.Москва

Аннотация: В статье выделяются основные эволюционные этапы развития аппаратной части устройств, являющихся доминирующими платформами для воспроизведения различных игровых проектов за более чем полувековую историю существования индустрии интерактивных развлечений. На основании данных изменений прослеживаются закономерности, обуславливающие появление как инновационных форм взаимодействия

программной и аппаратной части с пользователем, так и изменение стоящих перед гейм-дизайном задач в рамках проектной культуры.

Ключевые слова: гейм-дизайн, игровая деятельность, геймплей, платформа, виртуальная реальность, цикл зрелости технологий, индустрия интерактивных развлечений, состояние потока.

TECHNOLOGICAL ASPECT OF GAME DESIGN EVOLUTION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE PROJECTING CULTURE

Kazakova N.Y.

Moscow State University of Design and Technology

Abstract: The present article highlights the main stages in the evolutionary changes in specifications of devices, which are considered to have been leading game platforms in the course of more than half a century long history of game industry. Regularities underlying the appearance of innovative forms of user-program interaction, as well as the constant modification of the scope of problems that game design as a project-oriented discipline faces at a given period of time are revealed in the present study.

Key words: game design, play activity, gameplay, gaming platform, virtual reality, hype cycle, game industry, the state of flow

Гейм-дизайн является процессом принятия решений о содержании и форме игрового процесса, правил, его регламентирующих, а также творческое проектирование визуальной составляющей игрового проекта. На сегодняшний день данная крайне высокотехнологичная дисциплина, находясь на стыке информатики, цифрового и медиа-дизайна, является одним из крупнейших потребителей инновационных технологий, и в то же время способствует их появлению за счет разработки все более требовательных к аппаратной части игровых проектов.

Технологические изменения, сопутствующие развитию дисциплины и частично ей иницируемые, являются первопричиной постоянной эволюции формальных и структурных аспектов игрового процесса.

Начиная с момента своего появления в середине XX века индустрия интерактивных развлечений демонстрирует крайнюю восприимчивость к появлению улучшающих и обогащающих игровой опыт технологических инноваций и активно их использует для повышения уровня интерактивности игровой деятельности.

Так, первые компьютерные игры, такие как «Space war!», разрабатывались для мейнфреймов, крайне дорогостоящих универсальных серверов, сотрудниками научных лабораторий, что делало их практически недоступными для массового потребителя. Игровые проекты, разработанные на данном этапе развития игровой индустрии (1972-1978 гг.), получили название «примитивных» из-за существенно ограниченных возможностей аппаратной части, выразившихся в использовании не способных хранить сколь-нибудь значительный объем информации магнитных пленок и дискет и воспроизведении геймплея на экране осциллографа. Вынужденно примитивная визуальная составляющая компенсировалась при этом аддитивным геймплеем, характеризовавшимся необходимостью проявлять высокую скорость реакции и координации.

Этап, получивший название «Золотой век» видеоигр (1978-1982 гг.), был обусловлен резким ростом популярности аркадных автоматов, вызванным появлением таких разработок как «Pac-Man» и «Space Invaders». Следующий виток развития гейм-индустрии был вызван появлением компьютерной мышки, сделавшей возможной принципиально новый способ взаимодействия с программой, в особенности, в играх жанра «шутер». Выход на рынок массового потребления клавиатуры обусловил появление новых жанров игр, таких как текстовые приключения.

Персональные компьютеры, в отличие от требовавших плату за каждый раунд игры аркад, сделали игровой процесс бесплатным, что позволило существенно увеличить его длительность, обусловив тем самым появление жанров как стратегии и симуляторы, характеризующихся необходимостью инвестировать в геймплей значительные временные ресурсы.

Оптические диски (CD-ROM) стали инновационным способом хранения большого объема информации, сделав возможным разработку мультимедиа-игр, отличавшихся интерактивностью, позволявшей активно взаимодействовать с различными игровыми объектами, и значительно улучшившимся уровнем графики. Данный этап (1990-1996 гг.) охарактеризовался и появлением игровых проектов с интерактивными видеофрагментами. Формат FMV (англ. Full Motion Video) позволял путем сжатия видеоматериала использовать видеоклипы как основу геймплея, что способствовало резкому росту продаж персональных компьютеров с оптическим приводом CD-ROM. Увеличение объема памяти также способствовало повышению привлекательности и аддитивности игрового процесса, что к середине 1990-х гг. сделало компьютер наиболее популярной игровой платформой, и по

сей день сохраняющей этот статус в играх жанров «MMORPG» (многопользовательские онлайн игры), стратегия и шутер от первого лица.

Выпуск игровой консоли «PlayStation» обозначил начало этапа высокотехнологичных игр, продолжающийся по настоящее время и характеризующийся стремлением к гипер-реалистичности визуальной составляющей, возможности обмениваться созданным пользователем контентом посредством различных онлайн сервисов и социальных сетей, а также все возрастающим спросом на расширенные возможности взаимодействия пользователей друг с другом в режиме мультиплеера в качестве доминирующих трендов. При этом осознание важности постоянного повышения технических характеристик в сознании массового пользователя уступило место стремлению к участию в игровом процессе проектов, отличающихся простотой механики, низким порогом вхождения и несколько упрощенному привлекающему внимание визуальному ряду, что объясняет глобальный рост популярности казуальных игровых проектов, доминирующих в сегменте мобильных устройств и распространяемых посредством площадок цифровой дистрибуции, таких как «AppStore» и «Play Market».

Еще одной отличительной характеристикой данного этапа является стремление крупнейших игроков индустрии интерактивных развлечений перевести игровой процесс в плоскость виртуальной реальности, что будет способствовать более быстрому и полному погружению пользователей в «поток состояние», отличающееся абсолютной концентрацией на определенном виде деятельности (в данном случае, игровой) и высокой мотивацией к достижению в ней успеха, что является залогом стремления пользователя к многократному повторению и продолжению игрового опыта.

Разработка оборудования и программного обеспечения для погружения в виртуальную реальность была начата компанией «Reflection Technologies» еще в 1992 году, а состоявшийся в 2012 году анонс прототипа очков виртуальной реальности «Oculus Rift» от компании «Oculus VR, Inc» вызвал мировую сенсацию, за месяц собрав методом крауд-фандинга (англ. crowd funding) колоссальные суммы на запуск концепта в производство, что наглядно продемонстрировало востребованность данной технологии, которая затем, однако, претерпела спад популярности и сегодня опять находится на этапе технологического совершенствования. Многочисленные исследования, посвященные возможности разработки игровых проектов при использовании VR-очков и шлемов, выявили существенные недостатки данной технологии. Так, в динамичных игровых проектах, где приходится часто менять направление взгляда и активно перемещать свой игровой персонаж, например, в «файтингах» и «шутерах», у пользователей практически мгновенно появляются симптомы укачивания, такие как тошнота, головокружение и даже кратковременная спутанность сознания. Данный эффект называется синдромом укачивания или DIMS (англ. Doom induced motion sickness) и обусловлен перегрузкой вестибулярного аппарата вследствие невозможности сфокусировать взгляд на крупном статичном объекте в течение достаточно продолжительного времени.

При этом, несмотря на скорость появления инноваций и диверсификацию представленных на рынке игровых платформ, необходимо крайне дальновидно и продуманно подходить к отбору используемых в игровом проекте фундаментальных технологий, используемых в игровой механике и визуальной составляющей. Данное требование обусловлено необходимостью понимания принципов «цикла зрелости технологий», обуславливающего тот факт, что появление получившей широкий общественный резонанс технологии, вызывает с течением времени значительные флуктуации в её восприятии массовым потребителем. Данный цикл запускается триггером, т.е. моментом публичного представления технологии. Далее следует этап «пика завышенных ожиданий», характеризующийся абсолютной уверенностью потребителей в способности данной технологии улучшить уровень их жизни, что сменяется резким избавлением от иллюзий и вступлением в этап «преодоления недостатков», в рамках которого постепенно выявляются теоретические и прикладные способы применения данной технологии. После этого, массовое сознание переходит в фазу, именуемую «плато продуктивности», на которой происходит принятие технологии вместе с пониманием её особенностей.

Таким образом, понимание принципов данного цикла позволяет на начальных этапах разработки игрового проекта определить оптимальные технологические решения, что позволит минимизировать финансовые и иные риски.

Изучение эволюционных изменений индустрии интерактивных развлечений позволяет выявить тенденции развития гейм-дизайна как вида проектной деятельности и с достаточной степенью уверенности спрогнозировать вектор его дальнейшего развития для разработки инновационных проектов при использовании передовых технологий, что призвано способствовать получению значительного конкурентного преимущества.

Список литературы

1. Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. [Text]. - New York: Harper and Row, 1990.

2. Dille F., Platten J. The ultimate guide to video game writing and design. – Random House, Inc., New York, 2007. – С. 11-13
3. Goldberg H. All your base are belong to us. How fifty years of videogames conquered pop culture. – Three Rivers Press, 2011. – С. 127
4. <http://www.gartner.com/newsroom/id/3146617>
5. Mitchell B. Game Design Essentials. – John Wiley & Sons, 2012 – С. 143
6. Parkin S. An illustrated history of 151 video games. – Anness Publishing Limited, UK, 2012. – 255 с.
7. Казакова Н. Ю., Назаров Ю. В. История возникновения гейм-дизайна как самостоятельной формы визуального искусства. Жанры видеоигр и основные этапы их разработки // Дизайн и технология – 2015, №43 – С.91-99

ФИЛОСОФИЯ ПОЗИТИВИЗМА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ФОРМООБРАЗОВАНИЯ В ДИЗАЙНЕ

Д-р иск., проф. Назаров Ю.В., асп. Попова В.В.

Московский государственный университет дизайна и технологии, г.Москва

Из всех актуальных ныне направлений проектной мысли, плодотворно «работающих» внутри дизайнерской профессии, только функционализм выдержал проверку временем и сохранил свою популярность и востребованность в профессиональной среде. Думается, это не случайно, не зря отцы основатели нашей профессии создали факторную модель, определяющую методологические приоритеты при разработке любого материального объекта – от стула до городской среды. Благодаря этому нововведению функционалистов, свершенному уже почти 100 лет назад, на первое место в иерархии проектных предпочтений выдвинулись удобство пользования объектом и его соответствие своему назначению. Работая в «идеальных», практически лабораторных условиях, пионеры функционализма в доконсьюмерскую эпоху создали методику проектного подхода, и по сей день используемую в архитектурно-дизайнерской практике. Эти принципы сохраняют свою актуальность и поныне, особенно, когда речь идёт о проектировании социально значимых объектов. Минувший легендарный период определил собой характеристики и особенности уже нового, сегодняшнего этапа развития проектного творчества. Но основы данного подхода появились не вчера, и даже не в 20-х годах XX века. Их идеологические и теоретические корни следует искать в философии античных рационалистов, а также их последователей – просветителей «Золотого века» и вслед за ними – неистовых апологетов позитивизма. Попробуем и мы, следуя за историческими вехами развития философской мысли, проследить генезис теоретической концепций и попытаемся обнаружить в истории принципы и рассуждения, сходные функционалистской парадигме и принадлежавшие корифеям философской науки.

Основы рационального, позитивистского подхода возникли и получили своё развитие ещё в античной Греции. Благодаря усилиям корифеев философской мысли – Платону, Аристотелю, Гераклиту, Демокриту и Пармениду впервые была сформулирована возможность познаваемости природных и общественных процессов, предложен математический метод для изучения различных природных и общественных явлений, получивший новый толчок в сегодняшнюю компьютерную эру. Дизайнерские школы XX века обязаны античным учёным разработкой научной парадигмы о связи слова и мышления. На этой научной платформе основано освоение студентами архитектурных и дизайнерских вузов факторной модели, а также использование методов строгой проверки при выработке проектных предложений.

Эпоха Возрождения способствовала развитию устоев протестантизма, в первую очередь в северной и центральной Европе. Разрушающийся христианский канон открыл дорогу рациональному мышлению, упрощению подходов к таинствам, демократизации процедуры священнослужения и локализации иррациональных устоев веры. Развивающийся капитализм не мог ограничивать себя сдерживающими религиозными установками, что потребовало реформации Святого Учения и адаптации его принципов к требованиям развивающейся буржуазии. Оставалось совсем немного до победы научного подхода над сакральными, метафизическими представлениями и возврату философской мысли к идеям познаваемости мира и позитивистскому подходу к трактовке явлений действительности.

Позитивная философия отличается от науки тем, что она цельна и существует в законченной форме. Наука - это отдельные категории. Абстрактное знание – математика, абстрактно-конкретные физика и химия. Движение по линии наименьшего сопротивления. Теория эволюции основана на механике Ньютона. Эволюционный

процесс движения, от однородного к разнородному, от хаоса к порядку, от неопределенности к определенности. В конечном итоге, в любой естественной системе силы должны уравновешивать друг друга. Эволюционная стадия сменяется стадией стабилизации. Позитивизм как философское направление пытался обеспечить полное и четкое разделение научных и метафизических утверждений. Неудача этой затеи могла привести к выводу о необходимости более последовательного проведения линии антиметафизического философского анализа, не исходящего из каких-либо философских предпосылок беспрограммного, и в то же время обращенного преимущественно на факты обыденного языка. Ведь именно естественный, обычный язык казался тем средством, которое способно излечить от метафизических псевдо проблем скорее и надежнее, чем основательно обремененная метафизикой наука. Но признание провала логико-позитивистской программы могло сопровождаться и иным выводом. Не бессмысленна ли сама идея принципиального противопоставления философских и специально научных проблем? Может быть, не следует пытаться извлечь науку вообще от всякой философской метафизики, а лишь попробовать освободиться от дурной метафизики в частности, позитивистской в пользу той, которая соответствует практике и логике функционирования современного научного знания? Положительный ответ на этот вопрос в той или иной степени в зависимости от того, насколько радикальные выводы делаются из него, выводит за рамки позитивизма в строгом смысле слова. Он ориентирует на исследование философско-методологической проблематики науки в отличие от ориентации философии, приверженной лингвистическому анализу. Отход от доктрины логического позитивизма в понимании взаимоотношения философии и науки и в методологическом исследовании научного знания практически осуществлялся её сторонниками с разной степенью последовательности. Карл Раймунд Пóппер — австрийский и британский философ и социолог, один из влиятельнейших философов науки XX столетия (1902-1994), сыгравший в свое время значительную роль в становлении ряда идей логического позитивизма, не только отошел от позитивизма, приняв своеобразную платонистическую реалистическую концепцию, но в известной мере вышел за рамки аналитической философии т.е. философии, ориентированной на анализ языка, подчеркивая, что философские проблемы не сводятся к анализу языка. Наконец, идеи, развивавшиеся в последние годы XX столетия Томасом Сэмюэлем Куном (1922-1996) — американским историком и философом науки, по мнению Стэнфордской философской энциклопедии - одним из самых влиятельных философов науки XX столетия, к которым тяготели Пол Карл Фэйерабенд (1924-1994) — учёный, философ, методолог науки и некоторые другие философы, носят антипозитивистский характер, ибо из тезиса о революциях в науке и существовании разных типов научного знания делается вывод об отсутствии какой-либо внеисторической демаркации научных и метафизических проблем. Сама парадигма, определяющая характер того или иного исторического типа научного знания, рассматривается в их трудах не просто как структура искусственного или естественного языка, а как нечто связанное с функционированием культурных институтов данного общества. При всех слабостях и недостатках взгляды Т.Куна и примыкающих к нему методологов имеют явную антипозитивистскую ориентацию. Таковы некоторые итоги и тенденции эволюции позитивистской философии. Эта философия не только не обладает сегодня крупными и влиятельными концепциями, но в значительной мере утратила уверенность в себе, охотно допуская возможность и даже неизбежность других, даже откровенно метафизических, направлений. Представление о возможности устранить из науки специфически-философскую мировоззренческую проблематику и превратить философию в разновидность специальной технической дисциплины оказалось мифом. Эволюция аналитической мысли показала, что невозможно философствовать вне широкого мировоззренческого контекста. К тому же не существует одного единственного, от века данного способа разрешения философских проблем. Несмотря на то, что нормы и идеалы позитивистского философствования изменялись весьма существенно, незыблемым оставалось требование мыслить ясно, разумно, рационально, максимально аргументировано и доказательно, с учетом всех тонкостей языковой сферы. Выделенный инвариант многолетних философских исследований объясняет главное содержание аналитической философии, комплекса разнообразных путей философствования с опорой прежде всею на анализ и язык. Придание философии аналитических черт явилось значительным достижением позитивистской мысли. Отказ от аналитичности философии представляется в наши дни анахронизмом, возвратом к давно преодолённому этапу философского знания.

Следует отметить, что многие проектные принципы функционалистов уходили своими корнями в философию Огюста Конта (1798-1857) — французского философа, родоначальника позитивизма, основоположника социологии как самостоятельной науки. Его научное кредо выразилось в пяти принципах:

1. реальное в противовес химерическому;
2. полезное в противовес негодному;
3. достоверное в противовес сомнительному;
4. точное в противовес смутному;

5. организующее в противовес разрушительному.

Сравните хотя бы данный манифест с творческим кредо основоположника функционализма Вальтера Гропиуса (1883 – 1969): «Каждый предмет должен до конца отвечать своей цели, то есть выполнять свои практические функции, быть удобным, дешёвым и красивым». И, хотя «битва» функционалистов разворачивалась в основном на архитектурно-дизайнерском поприще, интеллектуально-духовное влияние позитивистов и рационалистов прослеживается в их творчестве постоянно, поскольку мастера проектного творчества жили в культурно и духовно насыщенном европейском пространстве и не могли не ощущать влияния своих идейных учителей из числа ведущих светил мировой философской мысли. Совпадение не случайно, ведь подобное взаимовлияние происходило и в античный период, и во времена Ренессанса, и в эпоху Просвещения, и в Новой истории. Философия позитивизма и в нынешний период не перестаёт оказывать своё идейное влияние на проектную деятельность, что нашло своё образное воплощение в направлении «минимализма».

Философия и практика, позитивизм и минимализм, многое из затронутого в данном исследовании по-прежнему волнует сознание учёных и практиков. На ограниченном пространстве нашей работы не удалось затронуть все аспекты этой интересной научной проблемы. Главным выводом, на наш взгляд, является понимание основательности проблемы позитивизма, признание её конструктивной роли в культурном развитии человечества, стремление этой научной концепции распознать жизнестроительные ресурсы философии, её навигационный потенциал. Что же всё выявленное в исследовании может на практике дать дизайну? Прежде всего на фоне полной идеологической апатии подобный научный подход придает обоснованность многим талантливым экспериментам, возвращающим нас в мир рациональности, экономии, экологии и разумной достаточности. Слишком много в последнее время необоснованно расходуется бесценных, невозполняемых ресурсов, понапрасну тратятся дорогие материалы, транжируются дефицитные средства. Минимализм ко всему прочему – это и некий отказ от безумного потребления в том виде, в котором его сегодня навязывает нам массовая культура.

И тем ценнее осознавать, что ещё в античной древности великие умы человечества предупреждали нас о грозящей катастрофе, искали и находили путём умозаключения рациональные выходы из критических ситуаций. Нам следует вслед за корифеями философии и дальше развивать открытое для исследователей направление позитивистской мысли, невзирая на раздающуюся со всех сторон скептическую хулу и проявляющееся стремление к безудержной гонке за сменой моды.

Есть и другие этические нормы, завещанные нам мудрыми предками и ещё не исчерпавшие своего доказательного потенциала. К подобным вечным теориям, безусловно, относится и предмет нашего исследования – позитивизм, ставший доказательной основой многих прогрессивных концепций дизайнерского формообразования, получивших своё развитие в XX веке. Думается, что и наступивший XXI век не минует встречи с увлекательной позитивистской философией и продемонстрирует нам в будущем её неисчерпаемый жизнестроительный потенциал.

Список литературы

1. Е.Ф. Губский, Г.Б. Кораблева. Краткая философская энциклопедия. М.; Прогресс, 1994. – 574с
2. Иконникова А.В., Мастера архитектуры об архитектуре, М., «Искусство», 1971 г., с. 322.
3. Конт О. Дух позитивной философии Слово о положительном мышлении. СПб.: Вестник издания, 1910. -80с
4. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. -840с

СЕКЦИЯ №7.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)

ИГРА КАК ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНО ОДАРЕННЫХ УЧАЩИХСЯ

Волосков И.В., доктор философии, профессор, академик

ЧОУ ВПО Национальный гуманитарный институт социального управления

Аннотация: в статье рассматриваются игровые технологии организации учебно-воспитательного процесса, а также этапы моделирования игры в процессе работы с гуманитарно одаренными учащимися

Annotation: The article discusses gaming technology organization of the educational process as well as the stages of simulation games in the process of working with gifted students Humanities

Введение нового государственного образовательного стандарта требует модернизации современного образования, его новых ориентиров. Анализ документов показывает, что в современном образовательном процессе делается акцент на гуманизацию образовательного процесса, создание благоприятных социокультурных условий для формирования личности, воспитание социально активного гражданина [2].

Гуманитарно одаренные учащиеся [1] выделяются в среде старшеклассников своей эрудицией, наличием собственной жизненной позиции, социальной активностью. В отличие от других детей, привыкших к традиционной монологической системе учитель-ученик такие дети с радостью вступают в диалог, демонстрируют свои знания и эрудицию, обозначают собственное мнение и готовы его аргументировать. Получая социально-психологическую, информационную поддержку со стороны учителя, такие дети социально активны, с радостью участвуют в олимпиадах, конкурсах, выполняют поручения учителя, становятся лидерами команд и микрогрупп в условиях интеллектуальных игр. В группе они выделяются заинтересованностью к усвоению новых знаний и стремлением к самореализации.

Игровая деятельность положительно воспринимается обучающимися. Специфика игры как формы организации учебно-воспитательного процесса - формирование конкуренции. Игра может проводиться в форме интеллектуальных соревнований, а также поисковой работы по решению задач-ситуаций. Игра как соревновательная, конкурентная деятельность, где учитель выступает не только как организатор, ведущий (модератор), но и арбитр, оценивающий ответы детей и команд, выделяющий сильные и слабые стороны каждой позиции, выносящий вердикт о победе той или иной команды, отдельного ребенка. Игра не только обобщает знания обучающегося, развивает навыки применения знаний к определенной ситуации, вопросу, заданию, но и вносит вклад в воспитание личности, формирование активной жизненной позиции, способности ее аргументировать, отстаивать, активно взаимодействовать с другими участниками команды, демонстрировать и дополнять за счет других учащихся имеющиеся знания.

Технология организации и проведения игры включает в себя разные формы и этапы. Формами проведения интеллектуальной игры может выступать олимпиада, брейн-ринг, деловая игра.

Олимпиада как форма проведения игры предполагает, что учащиеся работают индивидуально или в командах, им дается время на выполнение заданий разных уровней сложности, каждый участник игры (учащийся или команда) отвечает на задание, предложенное модератором, ответ сразу оценивается в зависимости от сложности задания или корректируется модератором или другими участниками. В итоге побеждают те учащиеся или команды, набравшие большое количество баллов. В случае равенства баллов модератор предлагает дополнительные задания.

Брейн-ринг как форма проведения игры в большей степени моделирует ситуацию соперничества. На данную форму организации игры выносятся задания повышенной сложности, требующие проявления собственной позиции учащихся, их эрудиции. Модератор предлагает командам задание и дает право ответа той, которая быстрее той, которая быстрее реагирует, дает наиболее точный и аргументированный ответ. Побеждает та команда, которая набирает большее число баллов. Баллы выставляются в зависимости от сложности задания.

Отмеченные формы игры активизируют не только познавательную сферу учащихся, мотивируют их на развитие эрудиции, самостоятельный поиск знаний, но и учат взаимодействию в команде, коммуникабельности, возможности обмена знаниями. Отмеченные познавательно-воспитательные особенности игры формируют предметное мышление, а также такие важные качества, как коммуникабельность, социальная активность, эрудированность. Формирование личности в школьной среде в направлении таких характеристик требует от современного образования ФГОС третьего поколения.

Технология организации игры предполагает не только выбор формы, отвечающей текущим педагогическим задачам, но и разработку концепции игры, состоящую из следующих этапов:

- подготовительный (выбор формы игры, отбор заданий, корректировка правил игры, уточнение системы оценивания, подготовка перечня ситуативных вопросов)

- проведение игры (ситуативная корректировка организационного этапа, наблюдение за ходом выполнения заданий, ситуативное реагирование на ход игры)

- подведение итогов игры, самоанализ (что получилось? Почему в процессе игры пришлось корректировать подготовительный этап? Какие задачи не удалось реализовать и почему? Каким образом необходимо скорректировать модель игры?)

Реализация отмеченных этапов позволяет совершенствовать технологию организации интеллектуальных игр, постоянно искать новые методы и формы.

Список литературы

1. Волосков И.В. Диалог как метод обучения гуманитарно одаренных учащихся// Перспективы развития современных гуманитарных наук.-Вып.2.-Воронеж,2015.-С. 13-16
2. Информационно-аналитические материалы по механизмам синхронизации и внедрения стандартов и стратегий развития дошкольного и общего образования, а также модернизации системы подготовки и повышения квалификации педагогических работников.-М.: МГУТУ им. К.Г. Разумовского, 2015.-100с.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)

СЕКЦИЯ №8.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ Г.ТОБОЛЬСКА В 1880–Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ТОБОЛЬСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»)

Костецкая Е.В.

Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал)
Тюменского государственного университета в г.Тобольск

Богатые материалы о местной истории и культурной жизни содержат региональные периодические издания. Изучение газетных материалов дает представление о культурной жизни и уровне вовлеченности населения в сферы культуры. Газета «Тобольские губернские ведомости» является источником сведений о жизни губернского города и дает представление об учреждениях, которые участвовали в формировании культурной жизни.

Газета с первых дней своего существования «Тобольские ведомости» регулярно публиковали сообщения о работе образовательных учреждений, библиотек, выставок, освещая события культурной жизни края. Часто культурные мероприятия проводились в учебных заведениях – в Тобольской классической гимназии, в Мариинской женской школе, в Тобольской духовной семинарии. Такие мероприятия носили благотворительный характер. В Мариинской женской школе проходили концерты и собрания «в пользу бедных воспитанниц», которые состояли «из магических фокусов, чревовещания, гимназических игр, механических и туманных картин» [6].

В Тобольской классической гимназии проводили маскарады «в пользу учеников гимназии с тем условием, чтобы вырученные деньги внести за право учения беднейших из них» [14]. С 1888 года маскарады проходили с призами за наиболее оригинальные костюмы. В качестве призов дарили золотой браслет, альбом с бархатной отделкой, чернильные приборы. В текущем номере газеты представляли подробный отчет по устройству маскарада.

Учащиеся учебных заведений ставили спектакли. Известно, что в зале Общественного собрания в январе 1884 года студентами Тобольской гимназии были поставлены комедия «Игра в любовь» и комедия-водевиль «Гони любовь хоть в дверь, она вылетит в окно» [3]. Все спектакли проходили на «отлично».

Культурным событием в жизни тоболяков были научно-популярные лекции учителей гимназии (чаще всего словесников). Например, 6 сентября 1883 г. «в 2 часа пополудни в Губернской классической гимназии в присутствии и.д. Губернатора А. И. Дмитриева–Мамонова и всех учителей и учащихся, прочитана была учителем русской словесности Г.А. Цебтаевым лекция о значении в русской литературе почившего вдали от горячо любимой родины И.С. Тургенева...» [2].

Кроме лекций, популярностью у местных жителей пользовались и другие формы культурно-образовательных мероприятий, проводимые педагогами и учениками губернской гимназии. В 1882 г. прошло «литературное утро, посвященное исключительно воспоминаниям эпохи покорения Сибири и первых завоевателей ея» [9]. Частыми были литературные вечера, где молодежь собиралась раз в неделю у одного из своих товарищей, читали Гоголя, Лермонтова, Некрасова и декламировали отрывки из лучших драматических пьес. В гимназии организовывались детские, танцевальные вечера.

Событием становилось открытие памятника. Так, в 1882 г. в актовом зале гимназии был установлен бюст Александра II для того, чтобы сохранить в сердцах потомков живое воспоминание» [4]. Ежегодно Тобольская губернская классическая гимназия праздновала свой юбилей, который всегда проходил «оживленно, разнообразно и весело» [10].

Особенно пышно прошел столетний юбилей, подробное описание которого было издано отдельной книгой [5]. Весь день был разделен на три части. Первая часть состояла из молебствия, вторая – был представлен краткий отчет о состоянии Тобольской гимназии и третья – раздача наград ученикам. В 1889 году во время празднования Тобольская гимназия сделала закладку нового для них здания. Тобольск беспокоился о состоянии зданий, в которых учились.

В «Тобольских губернских ведомостях» с гордостью сообщали о появлении сибирских университетов. В 22 июля 1888 года открылся Сибирский университет в Омске. Из Ведомостей известно, что набор осуществлялся только на один факультет – медицинский, но и это событие вызывало радость на лице у сибиряков [16]. Через несколько выпусков сообщалось об открытии Императорского Томского университета: «И так: да здравствует славный храм науки – новый рассадник просвещения» [11].

В 1886 г. в Тобольске начала свою работу библиотека. С этого момента каждый месяц библиотека предоставляла отчеты и результаты работы. Через два года директор библиотеки А. Суханов написал «Письмо в редакцию» [15], где сообщил, что 15 октября кончается второй год существования библиотеки и рассказал о наиболее популярных у сибиряков книгах и журналах. Большой спрос был на сочинения Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, на повести и рассказы Э. Доде («Дочь каторжника» и др.). Наряду с книгами научного содержания спрашивали «Историю цивилизаций» Г.Т. Богля, «Историю России» С. М. Соловьева, «Исторические этюды» И.М. Шамнова. Также большой спрос был на детские издания и журналы «Вестник Европы», «Русская мысль», из газет выбирали – «Сибирскую газету», «Петербургский музей», «Новое время».

В 1888 году в ведомостях объявили, что 24 сентября состоялось торжественное освящение законченного здания Тобольского музея. На этой церемонии было произнесено много добрых слов и замечено, что старый Тобольск оживил этим сооружением свою былую славу просветителя Сибири [13]. Музей каждый месяц предоставлял в местную газету отчеты о своей деятельности, в которых сообщалось о развитии музейного дела в губернском центре. При активной деятельности формировались культурно-просветительская, фондовая и экспозиционная работа музея. Музей был центром культурной жизни г.Тобольска. В разное время его посещали известные люди. В честь гостей устраивались праздничные гуляния, литературно–музыкальные спектакли.

Регулярно в газете появлялись сообщения об известных культурных деятелях, чья судьба была связана с Тобольском. В 44 выпуске «Тобольских губернских ведомостей» можно увидеть письмо Безсонова П., который пишет о значении Юрия Крижанича в истории Сибири [1]. Рассказывает о трудах известного богослова, писателя, историка, которые были написаны им за годы, прожитые в Тобольске («О русском государстве», «О крещении»), чьи работы были переданы Историческому музею Тобольска на память об этом замечательном человеке.

Культурная жизнь города неразрывно связана с именем Д.И. Менделеева. В 12 номере «Тобольских губернских ведомостей» за 1881 г. можно встретить «Прощальную речь профессора Д.И. Менделеева». В конце прощальной речи студенты попросили не оставлять их. На их просьбу Д.И. Менделеев ответил фразой «устал, я изнемог» [8]. Газета не раз публиковала на своих страницах слова прославленного земляка, профессора Менделеева. Так, в 1889 г. было напечатано поздравление Д. И. Менделеева в адрес Тобольской мужской гимназии, в котором он ей желал «многих веков процветания» [12].

В связи со смертью Ф.М. Достоевского «Тобольские губернские ведомости» откликнулись на трагическое событие некрологом: «В среду, 28 января в 9 часов вечера скончался от разрыва артерии известный писатель Ф. М. Достоевский» [7]. В памятной заметке сообщалось, что Ф. М. Достоевский, замешанный в известном политическом деле, был сослан на каторжные работы на четыре года, по истечении срока оставлен в Сибири в военной службе рядовым. В Сибири были написаны повести «Дядюшкин сон», «Село Степанчиново и его обитатели» и прочие, «вошедшие в «Полное собрание сочинений». Тяжелые испытания, посланные судьбою Достоевского, не остались без влияния на его литературную деятельность, и прежде всего им обязана русская литература, вывезенная из Сибири, – замечательным этюдом катаржно-острожной жизни и нравом под названием «Записки из Мертвого дома».

Во второй половине XIX века центрами культурной жизни г. Тобольска становятся учебные заведения, библиотеки, музеи, театр, газета, которые начинают играть значимую роль в развитии всего региона. Несмотря на то, что в 1880-е гг. газета «Тобольские губернские ведомости» теряет талантливых авторов, она отражает реалии сибирской культурной жизни и продолжает активно участвовать в формировании культурного облика сибирской провинции.

Список литературы

1. Безсонов П. Записка о значении Юр. Крижанича в истории Сибири // Тобольские губернские ведомости. – 1888. – № 44. – С. 14-15.
2. Голодников К. Местная хроника // Тобольские губернские ведомости. – 1883. – № 37. – С. 4.
3. Голодников К. Разные известия // Тобольские губернские ведомости. – 1884. – № 4. – С. 4.
4. Голодников К. Местная хроника // Тобольские губернские ведомости. – 1882. – № 27. – С. 1.
5. Голодников К. Местная хроника // Тобольские губернские ведомости. – 1889. – № 24. – С. 13-14.
6. Местные известия // Тобольские губернские ведомости. – 1881. – № 7. – С. 5.
7. Местная хроника // Тобольские губернские ведомости. – 1881. – № 9. – С. 6.
8. Местная хроника // Тобольские губернские ведомости. – 1881. – № 12. – С. 5.
9. Местные известия // Тобольские губернские ведомости. – 1882. – № 51. – С. 1.
10. Местные известия // Тобольские губернские ведомости. – 1883. – № 49. – С. 3.
11. Местные известия // Тобольские губернские ведомости. – 1888. – № 34. – С. 12-13.
12. Местные известия // Тобольские губернские ведомости. – 1889. – № 25. – С. 13-14.
13. М.Д.С. Местная хроника // Тобольские губернские ведомости. – 1888. – № 40. – С. 10-11.
14. Панов П. Местные известия // Тобольские губернские ведомости. – 1881. – № 8. – С. 4.
15. Суханов А. Письмо в редакцию // Тобольские губернские ведомости. – 1888. – № 42. – С. 12.
16. Тобояк. Тобольск // Тобольские губернские ведомости. – 1888. – № 29. – С. 22.

НОВЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РЕМЕСЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Некрасов С.Н., Молчанов В.А., Чупин Ю.Н.

Уральский государственный аграрный университет, г.Екатеринбург

Ремесло - одна из наиболее древних форм производственной деятельности человека, которую можно определить как мелкое ручное производство, основанное на применении ручных орудий труда и личном мастерстве работника, позволяющем производить высококачественные, часто высокохудожественные изделия. Можно выделить несколько исторических форм ремесленничества, соответствующих этапам эволюции разделения труда:

- а) домашнее ремесло — в условиях натурального хозяйства;
- б) ремесло на заказ — в условиях разложения натурального хозяйства;
- в) ремесло на рынок.

Расцвет ремесел приходится на Средние века, когда мастера одной или сходных специальностей начали объединяться в цехи. Цехи делились по профессиям, причем разделительные признаки основывались не на характере производства, а на выпускаемой продукции, различаемой по функции.

Исторически ремесленники ценились не только за искусную работу, но и за знания. Они не только производили готовую продукцию, но и умели скоординировать между собой поставщиков, других ремесленников и потребителей. Промышленная революция и технологические нововведения поставили под угрозу выживание ремесленных мастерских. Появились крупные фабрики с массовым производством, которые производили большие партии стандартизированной продукции. Промышленность благоприятно восприняла массовое производство, и к середине 20-х годов XX века крупные вертикально-интегрированные компании стали доминировать на американском рынке.

Стремительный технологический прогресс и экономические преобразования в конце XX века послужили толчком к появлению новых высокотехнологичных фирм, конкурирующих с производителями товаров массового спроса. К началу XXI века массовое производство во многих сферах перестало служить гарантом успешной деятельности компаний. Технологии, проявившиеся в массовом распространении персональных компьютеров и Интернета, усилили глобализационные процессы и привели к ужесточению всемирной конкуренции. Рынки раскололись на отдельные ниши. Потребители стали требовать товары, произведенные с учетом их индивидуальных потребностей. Усилилось значение оперативности реагирования производителей, маневренности и инновационности. Размер производства и экономия на масштабе перестали быть основой конкурентоспособности фирм.

Сегодня ремесленные производства продолжают занимать серьезные ниши в пищевой, ювелирной промышленности, в производстве кожаных изделий (начиная от кожгалантереи и заканчивая производством конной упряжи).

Кроме того, ремесленники востребованы в сфере строительства. Это индивидуально-проектное строительство, обустройство усадеб в сельской местности, а также все сопутствующие производства — ковка, обработка камня, изготовление керамики и пр. Все большим спросом пользуется производство мебели по индивидуальным заказам. Во всем мире функционирует множество различных производств, в которых соединены современные технологии и творчество мастеров. Примером могут служить известные предприятия по производству ножей в немецком городе Золинген.

Согласно единой терминологии ЕС, ВТО и ООН ремесленная деятельность - это вид профессиональной деятельности по производству товаров, работ, оказанию услуг преимущественно потребительского назначения мелкими партиями, штучно, в том числе по индивидуальным заказам, с использованием особых знаний, специальных технологий, навыков, умений, традиций, секретов. Рассмотрим современное состояние ремесленного производства на примере ведущих европейских стран — Франции, Германии и Италии. В настоящее время во Франции насчитывается более 20 тысяч ремесленных предприятий, занимающихся 217 различными видами деятельности. Наибольшее количество ремесленников — от 35 до 40% занято в строительстве. Конечно, они не выполняют общих строительных работ, а специализируются на отдельных строительных операциях. Больше всего ремесленники заняты штукатурными, цементными, бетонными работами и кирпичной кладкой, столярными, плотничьими и слесарными работами, малярными, декоративными и электроустановочными работами. Большинство строительных ремесленников являются субподрядчиками крупных строительных фирм, которые снабжают их материалом, сырьем и инструментом. Вторую по величине группу образуют ремесленники, занятые ремонтом всевозможных товаров, начиная от телевизоров и кончая автомобилями и мотоциклами. В эту же группу входят водители такси и такие предприятия сферы услуг, как парикмахерские и прачечные, где большинство ремесленников — женщины.

Третью по величине группу составляют ремесленники пищевой промышленности. Самые многочисленные из них — булочники и кондитеры, а также владельцы мясных и колбасных лавок. Широкое распространение и живучесть этих ремесленных предприятий связана с очень узким локальным рынком, скоропортящимся характером продукта и привычкой клиентов к своим постоянным поставщикам. Некоторые ремесла выходят не только на национальный, но даже и на международный рынок. Примером могут служить кожаная и металлическая галантерея, изготовление золотых и серебряных изделий, игрушек, ювелирных украшений, изделий из бронзы, керамики и т.д. С развитием туризма интерес ко всему самобытному, присущему лишь данной стране, данному региону резко возрос; возросло и предложение ремесленной продукции этого типа.

Во Франции с ремесленным сектором связано более 2 млн. человек, т.е. примерно 10% активного несельскохозяйственного населения, что превышает активное сельскохозяйственное население в некоторых странах. В эту численность включаются ремесленники, владеющие предприятием, их наемные работники, помогающие члены семьи ремесленника.

Ремесленники на рынке конкурируют не только с мелким, но и с крупным бизнесом. Наиболее успешно ремесленники выдерживают конкуренцию там, где нет серийного производства, особенно в сфере услуг. Сами ремесленники, согласно результатам опроса, видят свои преимущества в высоком качестве предлагаемых товаров и услуг. Действительно, индивидуальный ремесленник в большей мере может удовлетворить специфические потребности клиента, создать товары категории «люкс», удовлетворить самые изысканные вкусы потребителя. Речь идет о ювелирных, скорняжных работах, изготовлении нестандартной мебели. Для таких работ требуется труд очень высокой квалификации и вместе с тем умение быстро приспособиться к моде. Ремесленные предприятия пищевой промышленности выдерживают конкуренцию крупных фирм в результате близости к потребителю, каждодневности спроса, стремления иметь постоянных поставщиков.

В Германии ремесла — наиболее многообразная отрасль экономики: мелкие и средние ремесленные предприятия являются традиционной опорой германской экономики. На 962 тыс. предприятиях этой отрасли трудятся около 4,8 млн. человек. На них прошли профобучение 483 тыс. учеников. Это означает, что почти 12% всех работающих заняты в сфере ремесел, и что здесь приобретают профессию около 30% всех учеников - ремесленников.

В Италии ремесленные предприятия также вносят существенный вклад в обеспечение занятости и экономического роста. 33% всех предприятий являются ремесленными, они обеспечивают рабочие места для 21% населения и 15% ВВП страны. Кроме того, Италия — страна с самой большой долей производственных малых и средних предприятий. Специализация - характерная для Италии черта. В то время как многие другие развитые страны существенно сократили производство и экспорт традиционной трудоемкой продукции,

переориентировавшись на выпуск высокотехнологичных товаров, итальянские предприятия, несмотря на их малый размер и «старую» специализацию, преуспели в завоевании солидной нише на мировом рынке. Такого результата удалось добиться благодаря специализации модной и качественной продукции.

Согласно прогнозам на ближайшее десятилетие, возросшее значение ремесла может породить такой феномен как «новая ремесленная экономика». По крайней мере, будут развиваться две основные тенденции. Это приспособление крупных предприятий к изменяющимся потребностям рынка и рост значения малых предприятий, способных гибко и точно удовлетворять потребностям рынка. В то же время конечный результат ремесленной деятельности будет во многом таким же, как и столетия назад: ремесленники будут не только производить товары, но и формировать экономику, причем не только на локальном и национальном уровне, но и на глобальном уровне, используя преимущества глобальной ремесленной кооперации.

Новое поколение ремесленных производств будет более совершенно, чем их предшественники. Они будут оснащены последними технологиями, будут иметь доступ к местным и глобальным потребителям, смогут конкурировать в любой отрасли. Эти фирмы будут динамичными, гибкими, зачастую для достижения поставленных целей будут сотрудничать с крупными компаниями. Эксперты полагают, что большая часть новых ремесленных фирм будет основана на знаниях, с опорой на человеческий капитал для решения комплексных проблем и развития новых идей, товаров, услуг и бизнес-моделей. Предполагается, что на них будут заняты высококвалифицированные специалисты, которым будет предоставлена свобода для творчества и маневренности, а также гарантирован высокий уровень оплаты труда.

«Новая ремесленная экономика» будет стремительно развиваться за счет малых предприятий и частных предпринимателей. Ремесленники будут создавать новые организационные структуры и предоставлять новые возможности поиска баланса между работой и личной жизнью.

Конечно, сложно судить, насколько оправдается этот прогноз. Но одно ясно точно - ремесла не являются пережитком средневековья или отраслью, ориентированной исключительно на туристов. Спрос на продукцию ремесленных мастерских возрос благодаря высокому качеству, экологичности и индивидуальности предлагаемой ими продукции. И сегодня ремесленное производство, в наибольшей степени отражающее национальную специфику той или иной страны, может стать одним из мощных конкурентных преимуществ.

Для России с ее многонациональным населением и богатыми культурными традициями ремесленничество может стать опорой развития малого промышленного предпринимательства. Издревле наша страна славится такими ремесленными промыслами, как резьба по дереву, изготовление предметов православного искусства, кузнечное дело, производство текстиля и фарфора и пр. Однако, после 1917г. число ремесленников и кустарей в России резко сократилось, они были объединены в промышленную кооперацию. Сохранились лишь несколько всемирно известных народных художественных промыслов: Гжельская керамика, Дымковская игрушка, Палехская миниатюра, Хохломская роспись.

Возрождение древних традиций народного промысла в России может дать мощный экономический, образовательный, социальный, культурный, демографический эффект. Широкая сеть мелких ремесленных организаций и рост количества ремесленников создают благоприятные предпосылки для развития эффективной конкуренции на рынке. Их гибкость и мобильность дают возможность решить целый комплекс хозяйственных и социальных задач — от более полного удовлетворения населения сравнительно дешевыми и необходимыми в повседневной жизни товарами народного потребления до расширения занятости.

Развитие ремесленничества — один из путей решения проблемы занятости в сельском хозяйстве. Учитывая сезонность сельскохозяйственных работ и то обстоятельство, что одновременно с поднятием эффективности сельского хозяйства возникает необходимость обеспечения работой незанятого и высвобожденного аграрного населения, на передний план выдвигается организация несельскохозяйственной деятельности в сельскохозяйственной местности. Это во многом будет способствовать равномерному использованию трудовых ресурсов в течение года, повышению уровня занятости в селах.

Ремесленничество важно и с точки зрения развития туризма, а также поднятия престижа национальной культуры на международной арене. Ремесленничество, как деятельность с большим экспортным потенциалом, приобретая экспортную направленность, будет способствовать экономическому росту и увеличению объемов внешнего товарооборота.

В современных условиях ремесло обогащается новыми знаниями, материалами и технологиями, а также новыми возможностями коммуникации, кооперации и специализации. Все эти качества позволяют вписать ремесленничество в систему инновационной экономики, которая строится в современной России.

Список литературы

1. Александрова Т.Л. Некоторые черты современного ремесленничества в России / Т.Л. Александрова // Возрождение ремесленничества в Уральском регионе: социальные предпосылки, проблемы и пути их решения: сборник научных статей / Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2010. С.5–14.
2. Водянова И.Н. Новая ремесленная экономика / И.Н. Водянова // Общество и экономика.-2011.-№-11–12.- С.208–212.
3. Гончаров С.З. Креативность ремесленной деятельности / С.З. Гончаров // Третьи Худояровские чтения. Нижний Тагил: Медиа-Принт, 2012. С. 14–16.
4. Чупина И.П. Влияние ремесленничества на культурный потенциал народа / И.П. Чупина // Материалы УП Международных Ильинских чтений «Нравственный путь развития России» - Екатеринбург, 2009. С. 173 – 179.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО: РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ КОСМОСА ДУШИ

Дружинина И.А.

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ, г.Казань

В мироздании целостно организованного космоса, предполагается сосуществование человека мыслящего как «вещь среди вещей», но жизнь определяется не только телесной составляющей, но и душой и духом человека – плодами работы космических сил. Происходит не просто эволюция – культурное одушевление материи неживой и мыслящей, развитие духовной составляющей. Эти процессы – взаимодействие космических явлений на планете Земля.

О космической эволюции биологического вещества писали представители ноосферной концепции развития культуры: А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский, Л.Н. Гумилёв.

А.Л. Чижевский придавал большое значение энергии солнечных лучей. Энергию солнечного луча уподобляется в эволюционном процессе резцу скульптора, который творит лик и образ органической жизни на Земле. Из мертвого и неподвижного вещества энергия этой ближайшей звезды высекает великолепную пластичность органических образований. Это действие сродни рождению произведения искусства.

В своих работах ученый сравнивает лучистую энергию Солнца с добрым гением древних миров, который одаряет вещественные образования движением, чувством и мыслью. Весь органический мир планеты А.Л. Чижевский рассматривает как Вселенское творчество, отражение космических процессов, что созвучно миропониманию в античной культуре и философии. По словам Платона, Космос – прекраснейшая из вещей, а его демиург – лучшая из причин. Если человеку свойственны возвышенные помыслы, он охватывает мыслью цельность бытия и времени. Он считал, что вещественное бытие противоположное истинному бытию или миру идей. Это бытие вещей подавляет нашу любовь, мешая осуществлению ее смысла. «Тот мир, в котором это бывает, не есть настоящий; его нравственная негодность становится сносной для ума, если не для чувства, лишь благодаря его метафизической неподлинности или обманчивости: в неистинном натурально происходит недолжное... Человеку, ищущему не материальной выгоды, а истинного знания, нечего делать в этом мире» [5]. Свойство неподлинного вещественного бытия – двойная непроницаемость. Во-первых, непроницаемость во времени, когда всякий последующий момент бытия не сохраняет предыдущий, а исключает или вытесняет его собой. Во-вторых, непроницаемость в пространстве, когда два тела не могут занимать одновременно одного и того же места. Задача развития мирового духовного процесса – победить двойную непроницаемость тел и явлений; соотнести внешнюю реальную среду с внутренним единством идеи. То есть дух, душа, сознание не находятся в мире вещей, они являются идеальными.

Возникают вопросы: в чём уникальность для природы мысли человека, его души и духа? Сознательная материя лишь тончайшая пленка? Но раз мысль существует, значит, в природе она необходима. «Наше душевно-духовное бытие сильно зависит от культурного символа, даже больше, чем можем себе это представить. Символическое наполнение в нашей жизни присутствует постоянно – это могут быть тончайшие информационные потоки из космоса, которые не улавливаются современными приборами». [2, с.77]

К.Э. Циолковский писал о том, что в мире неизмеримо больше камня, чем мысли, больше огня, чем мозговой материи. Постановка этих вопросов приближает нас к основной проблеме сути всего существующего. То, что в природе существует сознание человека, познающее само себя – это чудо, величайший исключительный факт, изучение и постижение которого продолжается и может продолжаться бесконечно долго. Но если

существует этот феномен в природе, то он необходим, а не является только случайно возникшим в результате долгой эволюции и борьбы за существование. Эволюция повторяется в пренатальном (от оплодотворения до рождения) периоде развития человеческого зародыша. Электрические импульсы, схожие с сигналами головного мозга, врачи-пренатологи прослеживают уже с третьей недели развития. То есть мозговая материя плода практически сразу после зачатия начинает развитие. На пятой неделе можно определить, какое количество клеток и клеточных ансамблей головного мозга будет иметь ребёнок от рождения. В процессе взросления будет меняться только размер, сложность клеток и нейронных цепей. Примерно на восьмом месяце развития плода в пренатальном периоде мозг зародыша становится тяжелее в два раза, намного усложняются межклеточные структуры. Чем сильнее стимуляция этих клеток, тем сложнее система нейронных связей, тем лучше будет развит мозг человека. Например, мама слушает классическую музыку, и/или они вместе с папой читают книги вслух, ещё не родившемуся ребёнку.

Врач и физиолог Н.П. Бехтерева в своей книге «Здоровый и больной мозг человека» пишет, что клетки и клеточные ансамбли исходно полифункциональны, то есть готовы служить и движению, и эмоциям, и интеллекту. Это открытие позволяет утверждать об огромных резервах сознания и мозга. Далее автор приводит ряд вопросов, над которыми учёные всего мира работают и сегодня. Они не потеряли своей актуальности. «Где же эти резервы, когда они особенно нужны? Можно ли управлять ими? Существуют ли в мозгу механизмы профилактической защиты? Предположительно да, но как ими воспользоваться врачу?» [1].

Число мозговых клеток, имеющихся у ребёнка при рождении и развитии в перинатальном периоде, позволяет определить его потенциал, но итоговый уровень интеллекта определяется количеством и качеством межклеточных связей. Интенциональностью сознания возможно объяснение наличия души. Высокая настроенность души даёт возможность истинного культурного развития жизни.

Поэтому чем больше в семье уделяется времени и внимания развитию в пренатальный период, тем больше вероятность того, что у родившегося ребёнка будет яркий интеллект. Также доказано, что развитие эмоциональной и духовной сфер влияет на рост клеток мозга.

Мишель Монтень – французский философ эпохи Возрождения приводит известные слова Ювенала: «ты можешь обнаружить страдания души, скрытой в больном теле, как можешь обнаружить и её радость. Ведь лицо отражает и то и другое». [4, с.134] В его знаменитых «Опытах» именно душа человека, в которой есть место для познания культуры, наполнит тело здоровьем. Также благодаря этому изменится и внешность, ведь с одной стороны философия присущи гордый покой, а с другой живость и весёлость, выраженные в «удовлетворённости и добродушии». [4, с.134].

Восходящий характер эволюции отметил А.В. Сухово-Кобылин – русский самобытный и оригинальный мыслитель. Он выделил три стадии развития человечества: земное или теллурическое человечество, которое заключено в границах земного шара. Вторая стадия – солярная (солнечная). Человечество расселяется в солнечной системе. Третья – сидерическая, человечество расселяется во всей Вселенной. К.Э. Циолковский называет эру рождения, эру становления и эру терминальную. Рассуждения Сухово-Кобылина и К.Э. Циолковского относятся к грядущим поколениям, которые придут через миллионы и миллиарды лет на смену нам. Л.Н. Гумилёв развил идею пассионарности – стремления и движения к достижениям, жизненная сила духа. Человека к духовной деятельности влечёт различная мотивация: познавательный интерес и самореализация, стремление к лидерству и ответственность, стремление быть полезным и любимым. «Духовная реальность выступает высшей формой проявления сознания человека, так как она оказывается вместилищем ценностных отношений человека к природе, обществу, людям. Духовность служит носителем нравственной системы ценностей, эстетического восприятия действительности, поиска предельных метафизических оснований мира». [3, с.216].

Определения понятию «душа» можем найти в современных психологическом и философском словарях. Авторы статей, которые анализируют смысл этого понятия, отмечают, что «душа» – синоним термина «психика». Например, «душа – понятие, отражающее исторически сложившиеся воззрения на психику человека и животных; в религии, в идеалистической философии и психологии душа – нематериальное, независимое от тела животворящее и познающее начало». [6, с.134]

Но, считаю, что самое точное определение для этого понятия может дать культурология. Душа – культурное начало человеческого существа, одухотворяющее его жизнь, дающее цель и смысл познанию.

Для человека свойственны три составляющих: дух, душа, тело. Но важнейшими для его развития является душа.

Список литературы

1. Бехтерева Н.П. Здоровый и больной мозг человека Электронный ресурс. Код доступа: http://www.samomudr.ru/d/Bextereva%20N.P%20%20_Zdorovyj%20i%20bol'noj%20mozg%20cheloveka.pdf. Дата: 25 января 2016 г.
2. Культурология (для технических Вузов): учебное пособие / И.А. Дружинина, Т.Т. Сиразеева – М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2014.–160 с.
3. Дружинина И.А., Солодухо Н.М. Переход от эмоций к духовности в «разрезах бытия» // Вестник КГТУ им. А.Н.Туполева – 2013, – №3.– С. 214-217.
4. Монтень М. Опыты. Избранные главы / Пер.с фр.– М.: Правда,1991.– 656 с.
5. Соловьев В.С. Платон // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXIIIа. СПб., 1898. С. 844.
6. Шапарь В.Б. Новейший психологический словарь / В.Б. Шапарь, В.Е. Россоха, О.В. Шапарь – Изд. 3-е – Ростов н/Д: Феникс, 2007.– 806 с.

СЕКЦИЯ №9.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)

СЕКЦИЯ №10.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)

ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА. ПРЕДКИ А. ВАМПИЛОВА ПО ОТЦОВСКОЙ ЛИНИИ

Юрченко О.О.

Бурятский государственный университет, г.Улан-Удэ

Российский писатель Александр Валентинович Вампилов занял особое место в жизни каждого, кто знаком с его творчеством, признанным синтезом новой драмы с опытом мировой драматургии. И как любое феноменальное явление художественный мир А. Вампилова требует особого подхода к его постижению. В данном случае мы попытаемся изучить истоки творчества драматурга, выделить наиболее яркие данные из жизни и деятельности прародителей Александра Вампилова как основу его нравственных и творческих способностей.

В постижении неповторимого внутреннего мира, психологического уклада драматурга Александра Вампилова исследователи его биографии и творчества все чаще обращаются к изучению родословной драматурга. В творческом сознании писателя Александра Вампилова гармонично сочетаются особенности менталитета двух народов - бурятского и русского. Представлены эти народы фамилиями Вампиловы, Медведевы, Копыловы.

Наименее полным, подчас противоречивым было описание отцовской, бурятской ветви генеалогического древа А. Вампилова. Скучные в литературоведении сведения об отце – Валентине Никитовиче Вампилове – с середины 90-х годов существенно пополнены, благодаря, прежде всего, достижениям Иркутского областного Фонда А. Вампилова, Кутуликского музея им. А. Вампилова. Появились работы, в которых авторы исследуют роль бурятской культуры в формировании личности драматурга. «Александр Вампилов по отцу – бурят. Восхищаясь талантом Вампилова, мы обычно не отдаем себе отчета в том, какая могучая и неведомая нам этнокультурная традиция стоит за его плечами, какую мощную психофизику предков он унаследовал», - пишет Е.М. Гушанская в своей статье «Предки Александра Вампилова в Петербурге» (1, 320). «Сам Вампилов, будучи

поразительно одаренным человеком ... о своей психофизической природе не задумывался, в расчет не принимал», - отмечает Гушанская. Ее статья является одним из немногих научных изысканий, имеющих целью рассмотреть, как на генном уровне проявилась творческая искра, присущая роду Вампиловых, проследить природные корни таланта одного из самых видных драматургов XX столетия.

В данном исследовании мы использовали данные, представленные нам сестрами А. Вампилова по отцу, Серженной Валентиновной и Ириной Валентиновной Вампиловыми, которые собрали уникальные материалы о предках драматурга в беседах со старейшинами рода Вампиловых.

Вампиловы являются уроженцами села Аларь, которое находится в Иркутской области. Их род пошел от бурятского племени хонгодоров (от «хон» - лебедь), поселившегося в Приангарье в конце XVI-го - начале XVII веков. Одним из первых в Аларь прибыли представители таких этнических групп этого племени, как роды бадархан, болдой, наймангут, буруутхан. Вампиловы являются хонгодарами из рода буруутхан, сначала обосновавшимися в деревне Кимильтей (за станцией Зима Иркутской области), затем – перебравшимися в улус Аларь (2).

Родословная А. Вампилова по отцовской линии прослеживается до начального предка клана Вампиловых – Вампила Базоева, сына Базака. Фамилия Вампилов – производное от тибетского имени Вампил, означающего, по одним источникам, - «распространяющий могущество духа», по другим – «состояние возвышенного чувства, одухотворенности». О Вампиле известно немного: крестьянин, который был посвящен в духовное звание и стал казначеем, а впоследствии - настоятелем Аларского дацана, ширетэ-ламой. Само слово «ширетэ-лама» (высокообразованный) свидетельствует о том, что прапрадед А. Вампилова был человеком неординарным для своего времени. Еще до посвящения в духовное звание Вампил родил двух сыновей: Пуухэ и Вандана. Его младший сын – Вандан, по свидетельству его младших родственников, был «веселый, ловкий парень, который везде старался быть первым. При разделе имущества он остался с отцом и впоследствии получил наследство» (3, 7). Вандан Вампилов «получил духовное образование в Цианитской школе (религиозно-философская школа) и впоследствии занял должность ламы (духовного лица) в том же Аларском дацане; но в 1847 году он оставил монашескую жизнь и сделался простым мирянином» (1, 323). Вандан (после крещения – Владимир) женился на Шархуунай (после крещения Наталья Балюевна), женщине красивой и сильной, родившей ему 11 детей. Среди них – Будихала (Никиту), деда Александра Вампилова.

Вандан (Владимир) был «гульбой» (головой) Аларской думы, успешно выполнял свои обязанности: составлял статистические сведения о количестве скота, посевов, урожая хлеба, следил за состоянием лечебного дела, просвещения. Вандан Вампилов вывел новый сорт пшеницы с повышенной урожайностью, был активным членом комиссии по Всероссийской переписи населения 1892 года. Был знатоком культуры Востока – Монголии, Тибета, Индии, владел языками этих стран.

Все одиннадцать детей Вандана Вампилова: Елоосэ (Игнатий), Сагаадар (Семен), Егор, Сабо (Савелий), Опо (Иосиф), Будихал (Никита), Роман, Найдан (Николай), Баяртон (Борис), Дулгар (Варвара) и Анна – окончили Аларское двухклассное училище. Почти все они, за исключением трех сыновей, занимавшихся крестьянским трудом, получили в царское время техническое или гуманитарное, медицинское образование. Правительство Царской России наградило Вандана Вампилова, члена Аларской думы, примерного семьянина, золотой медалью и возвело в сан дворянина.

Будихал (Никита) Владимирович Вампилов (1875-1910 гг.) – дед Александра Валентиновича, был трудоголиком, мастером на все руки: слесарем, краснодеревщиком, плотником, сапожником, шорником и оружейником. Отличался среди сверстников своим остроумием, юмором, стремлением к справедливости. Он был недурен собой: высокого роста, стройный, большеглазый, с шевелюрой черных непокорных кудрей. Именно его характер и кудрявые волосы передались по наследству Александру Вампилову. Получивший религиозное воспитание, Никита Вампилов, так же, как отец и дед, стал ламой аларского дацана. Был женат на Пелагее Манзыровне Степановой, замечательной женщине, воспитавшей четырех сыновей. Никита Вампилов умер рано, в возрасте 36 лет, от последствий удара лошади в грудь.

Александр Вампилов знал об отце только по рассказам матери и родных. О многом, касающемся его отца, его жизни, работы, характера, было поведано, конечно же, матерью Анастасией Прокопьевной, но, пожалуй, более конкретными, точными были сведения, которые сын получал от дяди Володи - Владимира Никитича Вампилова. Многие свои каникулы проводил Саша у него и у тети Сони, жены Владимира Никитича. Именно в доме Владимира Никитича студент Александр Вампилов более обстоятельно, чем дома, в Кутулике, пополнял свои знания по русской и зарубежной литературе (дядя имел богатейшую библиотеку), по публицистике (у него была подписка на многие газеты и журналы). Чтение произведений Островского, Гоголя, Сухово-Кобылина, О'Генри, О'Нила, Теннесси и др. писателей утвердило Александра Вампилова в правильном решении вопроса о главном направлении в его творчестве.

Старший сын Вампиловых Никиты (Будихала) Владимировича и Пелагеи Манзыровны - Валентин Никитович Вампилов (отец А. Вампилова) - родился 4 ноября 1898 г. в селе Аларь Иркутской области.

После окончания двухклассной школы он поступил в Иркутскую учительскую семинарию, которую окончил с золотой медалью. Затем Валентин Никитич поступил на юридический факультет Иркутского университета. Октябрьскую революцию студент Вампилов принял восторженно, посвятил революционным событиям стихи, которые он читал на улицах Иркутска, стоя на бочке.

Но в связи с тем, что он женился, затем стал отцом четырех детей, ему пришлось прервать учебу и вернуться в Аларь. Валентин Никитич был женат на Мохосоевой Марии Ефимовне, девушке трудолюбивой, доброй, красивой, известной в округе под именем «красивая Маня». Но она, как всякая бурятская девушка в то царское время, умела только читать по слогам, расписываться. И этот факт сыграл роковую роль в ее судьбе: когда Валентин Никитич встретил свою вторую жену, Мария Ефимовна (по рассказу матери Валентина Никитича – Пелагеи Манзыровны) сама отпустила его к Анастасии Прокопьевне Копыловой, рассудив, что у них, учителей, много общих интересов, и мужу ее будет лучше с Анастасией Прокопьевной. Это был акт великого милосердия, доказательство истинной, самоотверженной любви.

Вампилов Валентин Никитич был видным представителем бурятской интеллигенции, известным своей просветительской деятельностью, учителем в самом высоком понимании, которого выделяли его богатый интеллигент, истинное благородство человека, скромного, демократичного, с хорошо развитым чувством собственного достоинства.

Валентин Никитич страстно любил литературу, театр. Он знал русскую классику в таком объеме, что его брат Цыбен Никитич испытал полный восторг, когда в Москве, куда Валентин Никитич приехал на курсы преподавателей словесности, подходя к каждому памятнику, читал стихи Пушкина наизусть. Наизусть он знал всего «Евгения Онегина». И не случайно самого младшего сына Валентин Никитич назвал именем своего любимого поэта – Александр. Прошло 70 лет с тех пор, как учитель словесности Кутуликской школы произнес юбилейный монолог в честь 100-летия А.С.Пушкина, но спустя 70 лет об этом событии говорили, вспоминали с восторгом и благодарностью наши земляки.

Свою любовь, осознание значимости литературы Валентин Никитич выражал действенно, конкретно. Так, его юбилейное слово о великом поэте было подкреплено постановкой сенок из трагедии «Борис Годунов» на сцене Дома культуры поселка Кутулик. Сохранился раритетный снимок с этого спектакля, на котором представлены исполнители главных ролей в костюмах, заимствованных в иркутских театрах. Валентин Никитич уже имел опыт в режиссуре: еще в юные годы, когда он работал учителем в Аларской школе, он ставил «Злоумышленника» по рассказу Чехова, сценки из пьесы «Бедность не порок» А. Островского.

Валентин Никитич был полиглотом, как его дед, дядя в прошлых веках. Кроме бурятского и русского, он знал латинский, греческий, французский и немецкий языки. Был репетитором по немецкому языку у сына иркутского губернатора. Немецким языком Валентин Никитич овладел благодаря общению с немецкими пленными, нашедшими приют в отчем доме Вампиловых. Они же, немцы, научили некоторых аларцев, в том числе и братьев Вампиловых, делать кирпичи, буженину, сыр, колбасу.

Бесценными свидетельницами, самоотверженными собирательницами информации о предках А. Вампилова стали Ирина Валентиновна (1925-2003 гг.) и Сержена Валентиновна (1929-2015гг.). Вампиловы, сестры А. Вампилова по отцу. С.В. Вампилова так рассказывает об аресте отца: «Помню, как папа, несколько месяцев скрывавшийся от властей в глухих деревушках Аларского района, в одну из январских ночей 1938 г. появился в нашем доме. И во время беседы с мамой за чашкой чая он произнес монолог, запомнившийся мне на всю жизнь: «Скрывался, скрывался и вдруг подумал: а что я сделал против советской власти? Ничего. Совесть моя чиста, и я решил вернуться домой». Посидели они с мамой, поговорили по душам, и он пошел к другой семье, к тете Тасе, к детям на школьную квартиру. Утром же, 17 января 1938 года, он был арестован Аларским райотделом НКВД по Иркутской области».

9 марта 1938 года в органах ГПУ Валентин Никитович был расстрелян. Вампилов Валентин Николаевич, беспочвенно, клеветнически обвиненный в контрреволюционной панмонгольской, диверсионно-повстанческой деятельности, был реабилитирован посмертно Военным трибуналом Забайкальского Военного округа 19 февраля 1957 г. Похоронен он в районе села Пивовариха на мемориальном кладбище, открытом в 1989 году.

Как вспоминает Сержена Валентиновна Вампилова, Андриян Иринчеев, еще один аларский страдалец, чудом оставшийся в живых, вернувшись домой, в Аларь, поведал горестную историю первой жене Марии Ефимовне, матери Пелагее Манзыровне, дочерям его и многим землякам своим: «Бадмушке (Валентину) втыкали иголки под ногти. Но он не подписал все, что ему зачитывали, показывали. Я же подписал и поэтому вернулся домой».

Могущество духа рода Вампиловых не подвело Валентина Никитича, но, к безмерной горечи – трагедии, не стало на Земле человека, умного и благородного, величественного в своей простоте, доброте, демократичности, учителя – словесника, новатора, блестящего оратора, примерного сына, семьянина.

Заслуженный артист Бурятии и Российской Федерации П.Н. Николаев после просмотра одной из пьес А. Вампилова в Иркутском драматическом театре сказал: «Что ни говорите, по семени и плод. Бадма (Валентин) был человек с божьей искрой. Он был умелым постановщиком. И как учитель выделялся среди своих коллег-литераторов обширными знаниями, мастерством».

Будда говорит: «Будьте добрыми при жизни, в награду за это от вас родятся другие, более добрые, от них – еще более добрые и прекрасные люди, и так с каждым поколением все больше добродетели будет скапливаться в мире, и мало-помалу на земле установится всеобщая добродетель».

Сведения о родословной А. Вампилова «свидетельствуют не просто об истории семьи, но и о безупречном мужестве и благородстве его предков, об их участии в судьбоносных исторических ситуациях» (1).

Список литературы

1. Гушанская Е.М. Родственники Александра Вампилова в Петербурге (судьбы старшего поколения) / Печать и слово Санкт-Петербурга Петербургские чтения-2007): сб. науч. тр. – СПб.: СПГУТД, 2008. – 336 с.
2. Зимин Ж.А. Аларские хонгодоры: Историко-этнографический очерк. – Иркутск, 1996. – 28 с.
3. Вампилов Б.Н. От Алари до Вьетнама. – М.: Наука, 1986. – 236 с.

МОТИВ ОБОРОТНИЧЕСТВА В ПЬЕСЕ-СКАЗКЕ Е.Л. ШВАРЦА «ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО»

Любимова Е.А.

ЕИ КФУ (Елабужский институт Казанского федерального университета), г.Елабуга

Оборотничество является архетипичным мотивом, который очень ярко отразился в литературе, в частности, в пьесах-сказках Е.Л. Шварца. Понятие «архетип» активно используется в разных отраслях науки – психологии, философии, мифологии, лингвистике. В числе прочих наук этот термин широко употребляется в современном литературоведении, поскольку поиск первоэлементов, схем, формул, мотивов, лежащих в основе мировой культуры, мифологии и мифопоэтических текстов, задает новый ракурс изучения художественного произведения, позволяя не только выявить его взаимосвязи с мировой культурой, но и определить доминантные черты авторского сознания.

В пьесе-сказке Е.Л. Шварца «Обыкновенное чудо» интересен образ ключевого героя, который из юноши-красавца превращается в оборотня - медведя. В нём заключён союз человека с неземными силами, рождающий в сознании читателя определённые ожидания, эмоциональное восприятие его как части неизведанного и непознанного мира. В силу этого, образ можно рассмотреть как фольклорный архетип, наделённый огромной психической энергией, встреча с которым влечет за собой трансформацию индивидуального кода рецепции.

Цель данной статьи – проследить архетипические мотивы оборотничества в пьесах-сказках Е.Л. Шварца.

В произведении Шварца «Обыкновенное чудо» явно возникает тотемический культ: «Мотив оборотничества, очевидно, базируется на практике охотничьей маскировки, а также на некоторых тотемических и анимистических воззрениях: о воплощении души человека в животном (растении, предмете), о человеческой или животной ипостаси аграрных божеств, духов злаков, плодородия» [1, с.230]. Оборотничество подразумевает перемену облика персонажа: чаще всего это временное превращение, с последующим возвратом к первоначальному (подлинному) миру. В оборотничестве отразились представления о двойной зооантропоморфной природе мифологических персонажей – тотемных первопредков и культурных героев (таковы, например, сокол Муллиан – в австралийской мифологии; пёс Маху – в мифологии папуасов Новой Гвинеи; богомол Цагн у бушменов)» [1, с. 232]. У славян медведь был самым почитаемым зверем, поэтому считался покровителем рода, так называемым священным животным. Несмотря на то, что чаще всего в теме оборотничества звериным образом является волк, Шварц обращается к образу медведя. Учитывая священность данного животного для славян, можно предположить, что образом медведя автор подчёркивает чисто национальный менталитет, отражённый в специфике характера главного героя. И в самом деле, многие его поступки необъяснимы рассудком, но при этом понятны в чисто эмоциональном плане. В то же время Шварц, встраивая тотемный образ в модель оборотничества, создает своеобразного сверхчеловека, который тесно связан

с миром животных, поэтому наделен волшебными качествами. Мотив медведя-человека воплощает в себе охранительные и очистительные функции.

В пьесе Е.Л. Шварца «Обыкновенное чудо» главный герой – юноша-медведь, как и многие герои сказок («Иван Бикович») имеет волшебное происхождение – он дитя «волшебного эксперимента», поэтому оборачивается человеком, причём происходит это до начала истории, в результате активных действий Хозяина. Сам Медведь рассказывает Хозяйке следующее: «Меня семь лет назад превратил в человека ваш муж. И сделал он это прекрасно. Он у вас великолепный волшебник. У него золотые руки, хозяйка» [3, с. 340]. Автор подчеркивает довлеющее начало в герое человеческого – портрет представлен двумя-тремя штрихами и подчеркивает исключительно внешность героя: «одет изышно». Однако это рождает конфликт внутреннего и внешнего «Я»: герой задумчив и скромн. Несмотря на то, что прошло уже много времени, Медведь всё ещё продолжает осваиваться в сложных человеческих законах и искренне говорит: «Быть настоящим человеком – очень нелегко» [3, с. 345].

Возникает весьма интересный момент в трактовке оборотничества у Шварца: зверь превращен в человека без его ведома ни в результате преступления или проклятия. Все это обуславливает то, что по своей сути Медведь у Шварца лишен звериного, угрожающего человеческому миру начала: поведение Медведя и его облик не несут звериных черт, он не стремится поработить человека, поэтому Хозяйка, встретив героя испытывает дискомфорт, произнося его имя: «Какое неподходящее прозвище! Нет, что вы... Почему? Вы двигаетесь так ловко, говорите так мягко» [3, с. 346]. Звериный страх пробуждается в нём тогда, когда он узнаёт, что прекрасная незнакомка является принцессой, а значит, её поцелуй вернёт ему звериный облик. Здесь вновь прослеживаются тотемные охранительные функции, так как Медведь стремится оградить людей от зла, которое способен причинить как зверь. С этим связано и отсутствие в пьесе тотемного почитания священного зверя.

Как правило, оборотничество является знаком рубежа между мирами – для перехода из одного состояния в другое нужно повернуться, перевернуться, повернуть кольцо или какой-либо другой волшебный предмет (обычный мотив волшебных сказок). В пьесе «Обыкновенное чудо» данную роль выполняет Хозяин. Оборотничество героя в произведении раскрывает противопоставление истинного ложному.

Оборотничество героя пьесы «Обыкновенное чудо» генетически связано с фольклорными обрядом «перехода» – свадебным обрядом, где оборотом является смена статуса, «сопровождающая пересечение пространственных и временных рубежей: при прибытии в место обитания своей суженой (часто относящейся к хтоническому миру) герой принимает облик ребёнка, реже – старика (приближается к рубежу “смерть-рождение”), так он переживает действительное или мнимое состояние немощности (“полусмерти”) и сохраняет “обращённый” облик до полного утверждения в новом статусе – статусе мужа» [2, с. 115]. Весьма распространен в свадебном обряде оборот жениха или дружки в медведя, образ которого издавна почитался в брачной символике (брачное ложе было принято организовывать на медвежьей шкуре) как пожелание молодым благополучия и потомства. Таким образом, свадебный обряд для юноши это, с одной стороны, инициация. А образ медведя, включенный в контекст данного обрядового действия носит тотемный характер: охранить молодоженов от несчастливой, бедной жизни.

В «Обыкновенном чуде» главный герой носит внешне человеческий облик, однако внутренне остаётся медведем, который страшится любви и ответственности и ведёт себя как медведь, как зверь, убегающий без оглядки вперёд. Так, во время бегства вновь встретившись со своей возлюбленной, Медведь произносит следующий монолог: «Бежать, бежать скорее! Она сердилась и бранила меня, а я видел только ее губы и думал, думал об одном: вот сейчас я ее поцелую! Медведь проклятый? Бежать, бежать! А может быть, еще раз, всего только разик взглянуть на нее? Глаза у нее такие ясные! И она здесь, здесь, рядом, за стеной. Сделать несколько шагов и... (Смеется.) Подумать только – она в одном доме со мной! Вот счастье! Что я делаю! Я погублю ее и себя! Эй ты, зверь! Прочь отсюда! В путь!» [3, с. 371].

Сюжеты, где один из брачных партнёров предстаёт в виде зверя, часто встречаются в сказках, основанных на брачных обрядах. Причём отторжение звериного образа связано с испытаниями второго партнёра, который отправляется за своей суженой или суженым в потусторонний мир («Царевна-лягушка», «Финист ясный сокол», «Аленький цветочек» и др.). Для того чтобы достичь гармонии и счастья, Медведю необходимо пройти испытание – поцелуй, после которого он может принять медвежий облик. Поцелуй в пьесе – это лишь элемент свадебной обрядности, который должен ознаменовать изменения героя. Таким образом, через преодоление этого страха и через рискованный поступок ради любви Медведь становится счастливым со своей Принцессой и окончательно очеловечивается. Как правило, во всех сказках, поцелуй служит преображению. В контексте пьесы Шварца поцелуй, напротив, не преображает внешний облик героя, или преображает совсем ненадолго: «Охотник. Но я видел, видел, как он превратился в медведя! Хозяин. Ну, может быть, на несколько секунд, – со всяким это может случиться в подобных обстоятельствах. А потом что? Гляди: это человек, человек идет по дорожке со своей

невестой и разговаривает с ней тихонько. Любовь так переплавила его, что не стать ему больше медведем» [3, с. 399].

Для Шварца важно иное преображение героя – внутреннее, преодолевая страх он взрослеет, становится настоящим мужчиной. Таким образом, поцелуй у Шварца является испытанием силы любви героя, где над звериным страхом одерживает победу человеческое чувство любви.

Как и в фольклорных сказках, связанных со свадебным обрядом, до конца избавиться от медвежьего прошлого юноше удастся только, пройдя испытание – поцелуй принцессы. Однако от архетипического свадебного сюжета история в «Обыкновенном чуде» имеет ряд отличий:

- Испытание проходит, и сам Медведь, и его возлюбленная, а не только лишь одна из сторон, как это должно было быть в фольклорном сюжете.

- Испытание носит скрытый характер, так как герою необходимо преодолеть свой страх перед тем, что он должен превратиться в медведя после поцелуя принцессы и пойти ради любви до конца. Принцессе тоже, после того, как она узнаёт о содеянном волшебстве, необходимо принять Медведя таким, какой он есть, и смириться с этим.

- Оба героя не отправляются в иной мир, поэтому обряд инициации временной смерти здесь отсутствует.

Таким образом, мотив оборотничества в мифологии базируется на практике маскировки во время охоты, а также на тотемических воззрениях и является приметой иного мира, как переходного состояния. В пьесе-сказке Е.Л. Шварца «Обыкновенное чудо» образ ключевого героя связан с превращением юноши-красавца в оборотня. В нём заключён союз человека с неземными силами. Оборотничество Медведя в пьесе «Обыкновенное чудо» генетически связано с фольклорным обрядом «перехода» - свадебного обряда. Так, чтобы достичь счастья в любви, главному герою необходимо сделать подвиг и поцеловать Принцессу, что может навсегда его превратить в Медведя. Переступая этот страх и перерождаясь, главные герои воссоединяются.

Список литературы

1. Неклюдов С.Ю., О кривом оборотне, в кн.: Проблемы славянской этнографии, Л., 1979; Вундт В., Миф и религия, СПб (б. г.), с. 227-255.
2. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1988. 784 с.
3. Шварц Е.Л. Все произведения. Проза. Пьесы. М.: Астрель, 2012. 1024 с.

ПОЧЕМУ СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ ТАК МАЛО ЧИТАЕТ

Морозова Т.В.

Севастопольский государственный университет, г.Севастополь

В статье определяется проблема, связанная с чтением современной молодёжи, а также сравнение количества читающих в 20 веке и 21 веке. Обзор причины упадка читателей в 21 веке. Особое внимание уделено причинам, из-за которых нынешняя молодёжь стала меньше читать.

Ключевые слова: современная молодёжь, чтение, библиотеки, упадок, интеллектуальное развитие.

За последнее десятилетие все больше людей стали задаваться вопросом: «Почему современная молодёжь так мало читает?!». Связано ли это с развитием компьютерных технологий или с массовой деградацией нынешнего поколения? Как влияют компьютерные игры, различные фильмы: триллеры, боевики, ненормальные заграничные мультфильмы на психику и развитие детей, или же всё это зависит от воспитания родителей? Или же это всем известная акселерация, влияние радиоактивного фона (после аварии на ЧАЭС), электромагнитное излучение(огромное количество электроприборов в каждом доме, мобильные технологии),употребление в пищу большого количества ГМО-содержащих продуктов, глутамата натрия, вызывающего привыкание? А может быть злоупотребление подростками слабо и сильноалкогольных напитков, а также курение, и не только табака. Давайте разберем данную проблему в этой статье.

Возьмём промежуток с конца девятнадцатого по начало двадцать первого века. Если рассматривать этот промежуток времени и попытаться сравнить процент читающего населения в 19 веке и 21 веке, то естественно, что в 21 веке он будет намного больше, потому что в конце 19 века была массовая безграмотность. Читать могли только люди аристократических кровей. В данной таблице приведено количество безграмотных людей по губерниям:

Грамотность сельского населения по губерниям в первой половине 1880-х годов

Губернии	Процент грамотных к населению	Процент учащихся к населению	Общий процент грамотных
Петербургская	17,2	2,5	19,7
Тверская.	14,4	2,4	16,8
Новгородская.	9,3	1,6	10,9
Вятская.	8,6	1,7	10,3
Пермская.	11,7	2,5	14,2
Смоленская.	11,5	1,9	13,4
Московская.	17,6	3,1	20,7
Рязанская.	7,2	1,6	8,8
Тамбовская.	4,6	1,2	5,8
Саратовская.	12,6	3,1	15,7
Самарская.	10,5	2,9	13,4
Орловская.	7,1	1,9	9,0
Курская	6,2	1,6	7,8
Воронежская.	6,6	1,3	7,9
Черниговская.	4,0	1,3	5,3
Харьковская.	4,8	1,4	6,2
Полтавская.	4,7	1,3	6,0
Екатеринославская	9,7	2,5	12,2
Херсонская.	6,2	-	--
Бессарабская.	2,5	0,8	3,3
Таврическая.	16,3	4,2	20,5
В среднем по 21 губернии	8,7	2,1	10,8

Согласно этим данным, в среднем грамотные и учащиеся составляли 10,8% всего населения. В основном люди стали получать образование после октябрьской революции и прихода Ленина к власти. Исходя из того, что сравнивать процент читающего населения в 21 и 19 веках бессмысленно, мы рассмотрим временной отрезок, расположенный намного ближе. В 50-60х годах 20 века можно наблюдать сильный прогресс в данной области по сравнению с концом 19 века. Поскольку различные технологии не были развиты в это время (компьютеры, телефоны), а также не было различных фильмов со сценами насилия, нецензурной лексикой или даже сценами содержащими эротику, у людей попросту не было другого развлечения, а также это был единственный способ всесторонне развиваться для молодёжи, потому что интернета также не было. Если брать людей, молодость которых проходила в эти времена и нынешнюю молодёжь, то сразу можно понять, что старшие поколения намного начитаннее (если брать в общем количестве). В семидесятые годы 80% семей читали вместе с детьми! (Сегодня только 7%). В настоящий момент по опросу нынешней молодёжи, мы узнали то, что 49% молодёжи, к которым мы подходили, признались в том, что не прочитали ни одного серьёзного произведения в своей жизни. К серьёзным произведениям мы относим: «Война и Мир» Л.Н. Толстого, «Идиот» Ф.М. Достоевского, «Преступление и наказание», «Мастер и Маргарита» Булгакова и т.д. Это действительно очень странно! Ведь большинство из перечисленных книг дети проходят еще в школе, в средних и старших классах. Здесь, конечно, сильно задумываться не надо, потому что современному ребёнку интереснее, быстрее и легче посмотреть фильм либо прочитать краткое содержание в интернете, но и это не всегда получается. В основном, в свободное время или время, которое нужно уделять на прочтение какого-либо произведения, они занимаются своими делами:

компьютерные игры, просмотр фильмов, в конце концов занятие спортом, но это полезное времяпрепровождение, его мы трогать не будем.

Впрочем, в разных странах ситуация с читательской активностью молодых неодинакова. В Нидерландах, например, отмечается рост интереса к чтению художественной литературы среди молодых покупателей. А во Франции чтение вовсе не сделалось любимым занятием студентов, которые в среднем читают ежедневно по 40 мин. Помимо конспектов и газет они читают одну-две книги в месяц. И оцениваются произведения ими в первую очередь с точки зрения "полезности" для учебы. Замечено, что чем толще книга, тем меньше у нее шансов быть прочитанной французскими студентами. Романы практически обречены: их читают лишь 23% опрошенных. Это объясняется тем, что такое чтение требует сосредоточенности, а подобное усилие над собой не каждому под силу. Отсюда - каждый второй студент не может назвать автора "Трех мушкетеров", а каждый третий не видит никакой связи между романами "Жерминаль" и Эмилем Золя. Читать они предпочитают современных авторов. Среди опрошенных 9% заявили, что выберут книгу, если выдастся свободный вечер; остальные предпочитают проводить вечера с друзьями, слушать музыку или смотреть телевизор. А 3% студентов признали, что "не читают ничего и детей и подростков России в течение последних десяти лет произошли существенные сдвиги, связанные с отменой единых программ по литературе и чтению и изменениями книгоиздательского репертуара. Из круга чтения детей и подростков почти исчезли книги о войне, о революции. На первом месте в начале 90-х годов у мальчиков - научная фантастика, у девочек "романы из взрослой жизни". Это, по мнению Л.П. Михайловой, вполне сопоставимо с данными исследования 1925-1926 гг., проведенного отделом детского чтения Института методов внешкольной работы, но мало напоминает круг детского чтения 70-80-х годов. На втором месте у всех опрошенных стоит приключенческая литература. В чтении девочек-подростков героиню-активистку (например, Динку В. Осеевой) сменяет образ "настоящей женщины". Вообще у этой возрастной группы девочек в круге свободного чтения не было зафиксировано ни одной книги детского репертуара. Читатели довольно четко делятся на любителей и противников научной фантастики. Текст научно-фантастического типа содержит описание вымышленной ситуации, происходящей в некотором гипотетическом будущем или в вымышленном мире. Исследователи полагают, что эта ситуация служит аналогом парадоксально переосмысленной действительности. Научно-фантастический текст содержит в себе и элементы текста научного. Конструирование той или иной ситуации в этом тексте связано с описанием естественно-технических и/или социально-психологических проблем, которые могут возникнуть в ближайшем будущем⁵⁰. При этом, как правило, используются необычные, "странные" теории и предлагаются нетривиальные с точки зрения обыденного сознания пути их реализации. Эти особенности построения научно-фантастических текстов определяют наличие в них таких элементов, как термины, квазитермины и квазиреалии. В.П. Белянин обнаружил, что обретение все большей свободы и раскованности в поведении человека сочетается с ростом его интереса к чтению научной фантастики и, наоборот, большая сдержанность, регламентация поведения коррелируют с низким уровнем интереса к научной фантастике.

В 90-е годы мотивация чтения, разнообразие которой скрывалось за однотипными обращениями к художественной литературе в различных целях, в том числе познавательных, стала дифференцироваться. Распределение читателей на поклонников художественных и нехудожественных средств передачи того или иного интеллектуального содержания все более заметно. Получать искомую пищу для ума в более открытой форме, не "отягощенной" художественными образами, пришлось по вкусу значительной части интеллектуально ориентированных читателей так называемого рационального типа. В 70-е годы в России внимание к чтению книг породило книжный бум, который создавался за счет появления нового читателя (мигрантов из села) и выразился в том, что сразу многим не хватало одних и тех же писательских имен, изданий. В 90-е годы книжный (читательский) бум вызвал появление новой литературы.

Отсутствие очевидной связи между группами читателей, объединенных по признакам их литературных предпочтений, и уровня активности чтения с социально-демографическими их характеристиками дает законные основания В. Дубину и Л. Гудкову говорить о размывании все 90-е годы статусно-иерархической структуры читательской аудитории. А это означает, что снятие идеологических ограничений на печатную продукцию, изменения в образе жизни людей лишают художественное слово и чтение их особого статуса в нашей стране.

Конечно, самооценка затрат времени на чтение книг не всегда достаточно объективна. Точность данных обеспечивает лишь специальный хронометраж или дневник бюджета времени. Однако и те материалы, которыми мы располагаем, свидетельствуют о большей привычке женщин читать, книги, а мужчин — периодические издания.

В таком разграничении просматривается- и неидентичность мотивов чтения мужчин и женщин. Этот чрезвычайно сложный вопрос заслуживает отдельного анализа, поэтому рассмотрим его в общих чертах.

Выявляя буквально по крупицам особенности мужского и женского чтения, рассыпанные по страницам научных публикаций, и опираясь на результаты исследований НИИ книги, мы пришли к следующим выводам. Участники самых разных опросов среди причин обращения к книге называют, как правило, две - дело и развлечение. При этом деловые мотивы ближе мужчинам, женщины же чаще связывают чтение с удовольствием. Для них характерны скорее гедонистические устремления, а для мужчин - прагматические. Результаты зарубежных исследователей в целом совпадают с нашими. Логично заключить, что женщин привлекают нетленные ценности, каковыми являются лучшие образцы литературы всех времен и народов, а мужчины охотнее читают материалы на злобу дня.

В связи с этим обращает на себя внимание типология чтения, разработанная А.С. Павловой на основе соотношения интереса и деловых мотивов. Так, рационально-женскому типу присущ интерес к историческим произведениям, искусству, поэзии, русской классике, языкознанию и литературоведению, что сочетается иногда с деловыми мотивами. Рационально-мужской отличают деловые мотивы в отношении всех литературно-художественных жанров, а показатель интереса к тематике ниже средневыборочного. В силу своей многофункциональности любое произведение может удовлетворять разнообразные потребности: информационные, эстетические, рекреационные, познавательные и др. Поскольку все больше познавательной информации звучит по радио и с экранов телевизоров, то применительно к этой функции у чтения существуют серьезные конкуренты. Но нельзя не учитывать, что оперативные материалы из периодических изданий; других источников массовой информации выполняют и особую коммуникативную функцию. Они способствуют удовлетворению читательских стремлений к отождествлению себя с другими людьми, также знакомыми с этой информацией. Девушкам и женщинам нравятся поэтические произведения с высоким эмоциональным накалом, будоражащие их мысли и чувства. Юношам импонирует, в первую очередь, гражданственность, политичность поэзии. Близость содержания стихов своим переживаниям они ставят на второе место. Замечено, что девушки начинают увлекаться поэзией в среднем на два года раньше, чем юноши, и делают это серьезнее. Основной мотив их обращения к стихам - удовлетворение потребности в эмоциональном общении (90%). Ту же причину указали 68% юношей.

Состояния чтения 70-80 годов в России

В последние 15 лет проведен ряд централизованных и региональных исследований чтения, результаты которых дают богатый материал для анализа культурных процессов в стране, развития теории и практики книжного и библиотечного дела. Однако исследователь, желающий по печатным источникам ознакомиться с современным состоянием чтения в СССР, оказывается в сложной ситуации. В библиографическом указателе «Книга. Чтение. Библиотека» (М., 1998) учтено около 150 публикаций по этой тематике (как по специальным исследованиям чтения, так и по исследованиям образа жизни, культуры, свободного времени, где также затрагивались проблемы чтения) за 1976-1985 гг., причем приведенный там, список работ не является исчерпывающе полным. Обобщение всей этой информации, предполагающее использование в необходимых случаях вторичного анализа,- дело дальнейшей специальной работы. Она чрезвычайно осложнена использованием различных шкал и методик в разных исследованиях, проведением их в разных регионах и разных социальных слоях и т.п. Поэтому в данном статистико-социологическом обзоре предпринята попытка лишь изложить бы основные количественные итоги важнейших исследований и сделать наиболее простые, «лежащие на поверхности» обобщения. Это пока не сопоставление, а лишь свод имеющихся данных.

В обзоре характеризуется чтение взрослого населения страны. Приводятся сведения по следующим показателям:

- распространенность чтения (доля читающих в населении);
- интенсивность чтения (Объем читаемого)
- чтение в бюджете свободного времени;
- общественные библиотеки;
- домашние библиотеки;
- содержание чтения.

Ранее не публиковавшиеся данные, полученные в исследованиях Сектора социологии чтения библиотечного дела Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина, приводятся без ссылок на источник.

Чтение в бюджете свободного времени

Судьбы чтения в современную эпоху во многом определяется широким распространением аудиовизуальных средств массовой коммуникации (СМК)-радио, телевидения. Не затрагивая сложных проблем функциональной специфики каждого из коммуникационных каналов, остановимся лишь на той сфере, где всё они встречаются и так или иначе взаимодействуют друг с другом,- свободном времени. Поскольку его объем

подвержен лишь небольшим изменениями, то рост временных затрат на один вид досуговой деятельности ведёт к уменьшению времени, затрачиваемого на другие.

Сопоставление времени, уделяемого чтению и просмотру телепередач, говорит о том, что проблема «книга-телевизор» решается в пользу последнего. Так, в небольших городах к числу ежедневных читателей книг можно было отнести 21% опрошенных, к ежедневным телезрителям. Среди сельских читателей РСФСР, смотревших накануне опроса телепередачи в течение 2ч, оказалось 43%, среди читавших что-либо столько же времени - лишь 13%.

По данным исследований свободного времени в Ленинграде (70-е гг.), доля регулярно смотрящих телепередачи в пять раз выше доли регулярно читающих. Было выявлено, что 65,1% свободного времени городские жители проводят у телевизора.

По данным обследований ЦСУ РСФСР при резком росте временных затрат на радио и телевидение наблюдается небольшое снижение объема времени, затрачиваемого на чтение.

Чтение в российском обществе до последнего времени было неоспоримой национальной ценностью. Сегодня исследователи, характеризуя современную ситуацию, отмечают, что чтение утратило свое традиционное значение, произошло падение интереса к книге, снижение уровня культуры чтения, значительно изменились картина массового чтения, его престиж, читательские пристрастия и привычки, обуславливая тем самым снижение влияния книги на формирование духовности подрастающего человека, негативные симптомы в системе нравственных приоритетов населения. Констатацию этого печального факта, этих безрадостных истин уже лет десять никто не оспаривает.

Причины обозначенных явлений нельзя описать однозначно, однако можно выделить некоторые из них. Это затяжные социально-экономические реформы, крайняя неравномерность в экономическом развитии регионов, трудности в издании и распространении книг и сравнительно высокие цены на них в условиях бедности большинства населения. Кроме того, среди факторов изменения статуса чтения в последние годы можно отметить и то, что принципиально иной стала культурная и медийная среда. Сведения о самых различных ситуациях, с которыми можно столкнуться в жизни, «рецепты» поведения в гораздо большей степени сообщают кино и телевидение, чем любые книги. К началу третьего тысячелетия у среднего российского читателя, по-видимому, иссякли поводы обращаться к книге. Книга из разряда единственного источника знания перешла в категорию одного из тысячи.

На смену временам когда чтение в России было чуть не единственным способом проведения тихого досуга, книги пользовались спросом, читатели испытывали искренний и неподдельный интерес к литературе, пришел век, в котором чтение перешло в разряд занятий, без которых легко можно обойтись. В конкурентную борьбу с литературой за свободное время граждан вступили Интернет, компьютерные игры, а еще больше телевидение, обнажая идеологическое противостояние: телевидение создает единую унифицированную картину мира, литература - многогранную и разную.

Без идеализации тех времен можно сказать, что и тогда читателями не становились все поголовно. Но при этом читатель имел специфический социокультурный статус либо он был изгоем и его травили, либо признанным консультантом по житейским вопросам и его уважали, либо и то и другое, во всяком случае, отношение к читающему проявлялось определенно и конкретно. Сегодня, когда досуговое чтение встало в ряд других способов времяпрепровождения, более современных и актуальных, перестало существовать и специфическое отношение к читающему. Пристрастие к чтению перестало быть проявлением нонконформизма, способом отличаться от других, и даже чтение ради «бегства от действительности» уступило множеству других, вполне доступных способов ухода от реальности: на вечеринку, дискотеку, в Интернет, в наркотический или алкогольный омут...

Однако проблема эта выходит за пределы возможностей библиотек. В целях содействия духовному и интеллектуальному развитию населения посредством чтения необходима целенаправленная программа действий, объединяющая усилия органов государственной власти, издательств, средств массовой информации, общественных организаций, благотворительных фондов, промышленных и финансовых структур, а также всех тех, кто разделяет тревогу общественности за состояние книги и чтения. Понятно, что реализация такой программы потребует тщательнейшей проработки всех технических и финансовых вопросов, но именно здесь находится сфера, где «инвестиции» станут шагом в стабильное цивилизованное будущее.

В заключении мы можем сказать, что в XX веке были времена, когда книги читали все. В начале XX века большинство людей было неграмотным, но предвоенные годы начали появляться первые публичные библиотеки в городах и селах. С увеличением числа библиотек в послевоенное время, увеличилось число книг и соответственно читателей в СССР. (1945-1990 гг.). В общем, до распада СССР, наша страна считалась самой читающей в мире. Это вызвано тем, что в нашу страну все самое современное приходило чуть позже (радио,

телевидение, компьютеры и т.д.). Правда опять же, стоит и отметить, то что эти годы характеризовались как «авторитарное правление», т.е. властью одного. И естественно читатель был ограничен в своем выборе чтения. Так как идеологию правящего правительства навязывали еще и с помощью библиотек. А после распада СССР в нашей стране люди стали значительно меньше читать, особенно молодежь. Постоянно читают в нашей стране люди пенсионного возраста и учащиеся.

Немаловажно отметить и то что у людей всегда остаются востребована художественная литература, а в частности чтение романов - это больше присуще женскому полу и детективов - это больше присуще мужскому полу. Современные библиотеки оснащаются электронной техникой, имеется Интернет, доступ к литературе очень широк, что привлекает массу читателей. Библиотека всегда останется необходимой и нужной для читателей.

Список литературы

1. А.Г. Рашин Население России за 100 лет (1813 - 1913) Статистические очерки. <http://istmat.info/node/86>
2. Дайновская С.Е. Ещё раз о домашней библиотеке. // Кн. Обозрение. 1982. №52.
3. Книга и чтение в системе ценностей общества XXI века. - Улан-Удэ, 2007. - 168с.
4. Свободное время и духовное богатство личности. - Минск: Наука и техника, 1983
5. Фирсов Б.М. Пути развития средств массовой коммуникации. - Л: Наука, 1977
6. Читающий мир и мир чтения. - М.: Рудомино, 2003
7. Чтение в России - 2008. Тенденции и проблемы. - М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. - 80с.
8. Чтение и время: Меняющийся мир- меняющийся читатель-меняющаяся библиотека: матер. межрегио. Науч- практ. конф. - Брянск.
9. Чтение в библиотеках России; информационное издание/РНБ- сост Л.В. Глухова. - С.П.-б; изд-во РНБ. ОП, 2002. - 88с.
10. Шереги Ф.Э. Структур читательских предпочтений // Социол. исслед. 1986. №3

ПРОЗА ПОЭТА: ТЕНДЕНЦИИ ИМПРЕССИОНИЗМА И КУБИЗМА В ПРОЗЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА И Б. ПАСТЕРНАКА 20-ЫХ ГГ. XX В.

Пелихова А.А.

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Поэтическое отношение к прозаическому слову объединяет прозу Мандельштама и Пастернака, в основе создания которой лежит принцип поэтической мысли. Если поэт берется писать прозу, под давлением ли внешних обстоятельств или внутренней потребности иным образом самовыразиться, то, несомненно, его проза должна испытывать на себе влияние накопленного поэтического опыта, в результате чего и возникает такой феномен, как проза поэта, с ее особенным вниманием к слову. Словоцентризм этой прозы был наследием "серебряного века". Именно модернизм впервые указал на слово как на минимальную полноценную единицу художественного образа. Именно он с непривычной для классической русской литературы рациональностью завел разговор о неких самодовлеющих величинах словообраза, о материальном, т.е. звуковом или графическом его основании, о чувственно воспринимаемой форме, в которой осуществлен «материал», и о концептуализации обозначаемого, т.е. наделении его произвольным смыслом. Таким путем "серебряный век" как бы утвердил необычную для реалистической эстетики формализацию материально-духовных составляющих художественного образа. «Скрытый рационализм модернизма проявился в том, что научные изыскания или мечтания он превращал в практическое руководство к творчеству, шел не от сердца и от жизни, а от ума" (6, с. 32).

Новые возможности поэтического обращения с прозаическим словом еще раньше предложил Андрей Белый. Образцом разорванности образов и эпизодов были его прозаические творения – «Симфонии», «Петербург», «Серебряный голубь». Он стремился преобразовать, интенсифицировать письменную литературную речь. Проза Белого стала первой подобной прозой поэта XX века, повлиявшей на прозаическое творчество многих писателей. Но все же главным в его прозе, как в любой прозе поэта, является перенос тех находок в области языковых средств, найденных и отработанных им в поэтической «лаборатории», в прозаическое творчество. Эти средства (у каждого поэта свои) – фонетические, лексические, фразеологические, синтаксические – привнесли свою особую заряженность, прозаическому языку обычно не свойственную. Характерной особенностью любой прозы поэта являются сгущения, «уплотнения» смыслов. Они оснащают прозу

новыми гранями, несут с собой открытие незнакомого мироощущения их автора, а для читателя составляют дополнительную возможность присутствия при некоем эксперименте. Таковы «Детство Люверс» и «Воздушные пути» Б. Пастернака, «Египетская марка» О. Мандельштама, созданные в 20-ые годы XX века.

Особая организация повествования в прозе поэта наводит некоторых исследователей на мысль о тесной связи этой прозы с искусством, особенно с живописью (подобно тому, как это бывает при исследовании поэтических произведений). Сопоставление прозы и живописи проводится по принципу нахождения аналогий в художественной структуре, в манере подачи материала. Первым обратил на это внимание Р. Якобсон. Он сопоставил поэтику прозы Б. Пастернака с кубическим и кубофутуристическим направлением в живописи: «Поэтический космос, которым управляет метонимия, размывает контуры предметов – так апрель стирает границу между домом и двором в «Детстве Люверс»; из двух аспектов предмета он делает две самостоятельные вещи – так в той же повести дети считали одну улицу за две, потому что привыкли смотреть на нее из разных мест. Оба свойства – взаимопроникновение объектов (метонимия в собственном смысле) и разложение одного объекта (синекдоха) – роднят Пастернака с кубическим поиском в пластике, когда пропорции сдвигаются и расстояния трансформируются» (9, с. 332). Тыняновская трактовка «Детства Люверс» также отсылает к восприятию кубической живописи как на реконструкцию предмета из граней и осколков: «Вещи, пропущенные через психологический ток... разбиваются на грани, на осколки – и потом вновь склеиваются... Все дано под микроскопом переходного возраста, искажающим, утончающим вещи, разбивающим их на тысячи абстрактных осколков» (8, с. 161).

Современные исследователи продолжают намеченную Р. Якобсоном линию, находя кубистические принципы изображения в пастернаковской прозе 20-х годов. «Кубисты перенесли центр изображения с красок на предметы в движении. Предметы распадаются у них на отдельные части, становящиеся более важными, чем сами предметы. Такое синекдохическое понимание характерно и для поэтики Пастернака» (3, с. 52). Замечание это справедливо, поскольку явления у Пастернака представлены через посторонние признаки, например, чемоданы в «Детстве Люверс» повествуют об отъездах отца, хлопанье дверей и странная ночная суматоха – о преждевременных родах матери, черный цвет мостовой говорит о близости вокзала. Синтаксис строится не по причинной линии, т.к. важна только одна сторона целого, как в эллиптических диалогах между Женей и братом. Кубистически, как взаимопроникновение друг в друга, изображается и пространство в повести, так, например, лампы из Жениной спальни находятся на улице, в саду, а сад, наоборот, перепрыгивает в комнату.

Сущность кубического принципа заключается в построении целого (текста или картины) из отдельных соположенных картин, которые не связаны логикой здравого смысла. В начале главы «Посторонний» в «Детстве Люверс» каждый новый абзац вводит новую сцену, ничем не связанную с предыдущей, точно так же, как в начале повести «Воздушные пути». Такое фрагментарное видение основано тем не менее на действительном, хотя подчас очень странном наблюдательном пункте, которым может быть, например, верхняя полка в купе вагона, вид из движущегося поезда, мчащегося назад. С точки зрения художника, Пастернак изобретает для себя все новые точки наблюдения. Ю. Лотман определяет это явление следующим образом: «...внетекстовым регулятором текста является зрительный облик мира» (2, с. 87).

Хотя явления действительности кажутся поначалу составленными из разных аспектов, в конце концов подчеркивается целостность впечатления, т.к. «в пастернаковском герое помещается центростремительный наблюдательный пункт, из которого отдельные части складываются в единое целое» (3, с. 54). Здесь речь идет об одном из определяющих признаков прозы поэта: судьба личности раскрывается в ассоциативных сцеплениях субъективной памяти главного героя, события имеют внутреннюю связь в сознании героя, что в конечном счете ведет к разрывам в повествовании. Такая особая стратегия организации повествования создает «специфический пастернаковский свободный композиционный ряд, что приводит его к кубистической дезинтеграции и одновременно к преодолению ее» (3, с. 54). Влияние кубизма и кубофутуризма на прозу Б. Пастернака частично можно объяснить его участием в поэтической группировке футуристов с вытекающими отсюда последствиями в виде определенных принципов обращения со словом.

Но влияние живописных школ на прозу Пастернака не ограничивается только кубизмом и кубофутуризмом. Т. Левина в процитированном ранее эпизоде про Мотовилиху из «Детства Люверс», где поэт использует принцип «отстранения» вещи и затем медленного нахождения имени, слова для него, видит «импрессионистическое выплывание, возникновение вещи из пятна» (2, с. 84). По ее мнению, приведенный отрывок насыщен тем опытом узнавания, который принес живописный импрессионизм. Все же живописные приемы, такие как отстранение вещи (кубическое или импрессионистическое) и нахождение имени для нее, переименование как воспроизведение реальности такой, как она предстает в озарении первого впечатления, т.е. «изображение» – не конечный смысл искусства для Пастернака. Ему важно, когда чувство бессмертия сопровождает пережитое, поскольку поэт говорил: «Изображение всегда казалось мне выходом из затруднения, а

не самоцелью. Цель же я видел всегда в пересадке изображенного с холодных осей на горячие, в пуске отжитого вслед и внагонку жизни» (7, с. 175). Полнота переживания мгновения, испытанного художником, должна войти в сферу бессмертия. В этом, как писал сам поэт в своей ранней статье «Черный бокал», «цель истинного футуризма, где должно произойти преобразование временного в вечное, импрессионизм должен в сердцевинной метафоре футуризма быть импрессионизмом вечного» (7, с. 357)

Итак, в прозе Б. Пастернака можно найти импрессионизм, растворяющий предмет в сияющей живописной массе, кубизм, свободный от прямой перспективы, секущий на геометрические фрагменты равно предметы и фон, превращающий их в единую субстанцию из граней и углов, и кубофутуризм, ввергающий эту субстанцию в движение.

Импрессионизм как художественное течение охватил многие направления в искусстве, в том числе повлиял и на поэтическую прозу. Особенно заметно его влияние в «Египетской марке» Мандельштама, что позволило некоторым исследователям назвать его прозу импрессионистической

Поэтическое построение текста этого произведения соположено с импрессионистическим принципом в живописи, в которой «преобладают черты конструирующей действительности, составления целого из мазков, когда из живописи убираются традиционные композиционно-пластические склейки рисунка и светотени, по мере возможности «сгущается» ее традиционный «синтаксис», и по-новому мыслимая картина предстает как чистое построение из отдельных красочных пятен, исходя из учета их взаимных цветовых притязаний» (2, с. 66).

Думается, что интерес Мандельштама к импрессионизму в прозе – далеко не внешний, поскольку ограничивается только использованием обилия красок и упоминанием школ живописи, например, барбизонской: «А я не получу приглашения на барбизонский завтрак, хоть и разламывал в детстве коронационные фонарики и наводил на песчаный сосняк то раздражительно-красную трахому, то синюю жвачку, то лиловую кардинальскую ночь» (5, с.107). Связь поэта с этим художественным течением коренится более глубоко и заключается в общности принципа подачи или изображения материала: употребление коротких отрывистых фраз, внешне не связанных друг с другом и являющихся звеном повествования, чередование ярких цветовых мазков, мелькание эпизодов петербургской улицы и домашней жизни – все это напоминает технику наложения мазков на полотнах художников-импрессионистов. Таким образом, можно сказать, что в прозе Мандельштама, как и в прозе Пастернака, открыто декларируется эстетика импрессионизма, доказывая тот факт, что для прозы поэта как литературного явления характерной особенностью является определенная взаимосвязь прозы и художественного направления живописи по принципу нахождения аналогий в художественной структуре и в манере подачи материала.

Список литературы

1. Грушицкая М.А. Некоторые черты импрессионизма в русской литературе рубежа XIX – XX веков. // Вестник Омского университета. – 2014 - № 3 (73) - С. 87-88.
2. Левина Т. «Страдательное богатство». Пастернак и русская живопись 1910-х-начала 1940-х гг. // Литературное обозрение. - 1990 - № 2 - С. 84-90.
3. Левитин Е.С. Мир Пастернака / Е.С. Левитин. - М.: Советский художник, 1989. – 206 с.
4. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Статьи и исследования / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1996.
5. Мандельштам О. Стихотворения. Проза / Сост., вступ. ст. и коммент. М.Л. Гаспарова. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. – 736 с.
6. Московская Д.В. в поисках слова: «странная» проза 20-30-х гг. // Вопросы литературы. – 1999 - № 6 - С. 31-65.
7. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т.4. Повести; Статьи; Очерки / Сост., подгот. текста и коммент. В.М. Борисова и Е.Б. Пастернака. – М.: Худож. лит, 1991. – 910 с.
8. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов.- М.: Наука, 1977. – 576 с.
9. Якобсон Р. Работы по поэтике / Р. Якобсон. - М.: Прогресс, 1987. – 464 с.

ПЬЕСА «ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ В ЧУЛИМСКЕ» А. ВАМПИЛОВА: СИНТЕЗ ЭПИЧЕСКОГО И ДРАМАТИЧЕСКОГО

Юрченко О.О.

Бурятский государственный университет, г.Улан-Удэ

Творческая судьба Александра Вампилова насчитывает 11 лет. Начало ее положено в 1961 г., когда в Иркутске под псевдонимом А. Санин была издана книга юмористических рассказов «Стечение обстоятельств». Завершением творчества можно считать драму «Прошлым летом в Чулимске» (1970), которая замыкает поиски художника, пытавшегося соединить две несоединимые «реальности», и начинает, на наш взгляд, новый этап в обретении синтеза эпического и драматического начал.

Первоначальное название пьесы – «Валентина» - по имени главной героини (Вампилов изменил название пьесы, так как тогда была уже известна пьеса М. Рошина «Валентин и Валентина»). Валентина – «чудная» для окружающих ее людей: она упорно, изо дня в день чинит палисадник и калитку, через которые, ломая их и сокращая путь, ходят почти все посетители чайной, «не утруждая себя «лишним шагом» (1, с.291). Калитка находится не там, где привыкли ходить люди, где им удобнее, вот почему они ломают палисадник, который как раз «мешает рациональному движению». Но Валентина продолжает «чудить» на протяжении всей пьесы и завершается она тем, что с помощью старика-эвенка Еремеева «восстанавливает» в который раз порушенный забор палисадника. Бытовая деталь вырастает в образ-символ, по-чеховски емкий и поэтический. Валентина как бы заставляет людей помнить о правильном пути, настоящей дороге, которая неудобна, трудна и непроста, но которая ведет к высоте, не имеющей ничего общего с удовлетворением только насущных нужд.

То, как действующие лица подходят к чайной, где работает официанткой Валентина, сам их выбор дороги к старинному купеческому дому, в котором и находится чайная, становится как бы лакмусовой бумагой, позволяющей определить степень их нравственной приземленности и глухоты. Соответственно этому все действующие лица могут быть поделены на три группы: первая – Валентина, Еремеев – люди-праведники, носители идеи сохранения в обыденной жизни высокого, светлого начала; вторая – Пашка, Мечеткин, Помигалов, Дергачев, Хороших, - те, кто ходит прямо через палисадник, кто считает занятие Валентины «чудным», а ее желание видеть палисадник целым – блажью, детством; третью группу составляют Шаманов и Кашкина. Кашкина ходит то «правильно», то обходит его. Шаманов всегда обходит палисадник по тротуару, даже помогает его чинить, хотя считает это «напрасным трудом». То есть в нем, разуверившемся во всем: в любви, в работе, в самой жизни, можно увидеть заложенный автором потенциал к перерождению.

В уста Кашкиной Вампилов вкладывает характеристику Шаманова как человека «благоразумного», то есть следующего принятым стереотипам, не способного на поступок, сугубо рационального. И действительно, все реплики Шаманова в начале пьесы сопровождаются ремарками «вяло, равнодушно», «вялый жест». На все серьезные вопросы Кашкиной о его чувствах к ней он иронизирует, отгораживается от ее любви, не пускает к себе в душу, дискредитирует иронией важность своего ответа, самого вопроса.

«К а ш к и н а. ...Если бы я тебе изменила, сделал бы ты что-нибудь вообще, а если бы сделал, то что именно?

Ш а м а н о в (со вздохом). Что бы я сделал?.. Ну, известное дело. Я бы тебя застрелил. Или бы задушил. Ты что предпочитаешь?.. В свою защиту я бы сказал, что ты замучила меня нелепыми вопросами. Суд бы меня оправдал. А вообще я хочу на пенсию» (1, с.310).

Его слова о желании уйти на пенсию по-настоящему искренни, поскольку единственно чего ему хочется - это полностью отключиться от всего, едва ли не умереть. Следователь Шаманов, этот еще один бывший молодой герой Вампилова, когда-то пытался изменить жизнь к лучшему, но убедился в бесплезности противостоять круговой поруке властей предрежащих. Его фраза о пенсии перекликается с ключевой фразой из «Утиной охоты»: «В сущности, жизнь проиграна».

Шаманов глух, слеп к чувствам Кашкиной. Не замечает он и любви Валентины, не замечает до тех пор, пока она сама не признается ему в своих чувствах. Валентина в сцене признания называет его слепым: «Вы здесь один такой: ничего не видите... Вы слепой. Слепой – ясно вам?». Сцена эта происходит в палисаднике, где Валентина говорит о том, что собирается посадить здесь маки. Как заметила Н.В. Погосова, в контексте древнего поверья о ласточке, собирающей сок мака для возвращения зрения слепорожденным, цветок мака намекает в пьесе на возможность духовного прозрения человека (2, с.13). Именно в этой сцене Шаманов пробуждается от своей «спячки», здесь его пронзает молния идеального, слетает защитная корка безразличия. Позднее он скажет Кашкиной: «Этот мир я обретаю заново... Все ко мне возвращается: вечер, улица, лес...» (1, с.348-349). И в этом

признании уже нет всепоглощающего равнодушия, иронии и скептицизма.

Как видим, серьезность сюжетно-фабульной основы пьесы не оставляет места ироническому мироощущению, трагикомическим ситуациям. М. Липовецкий считает «Прошлым летом в Чулимске» «единственным примером современной трагедии» у Вампилова (3, с.345). Вместе с тем в сюжетной схеме пьесы и в образе героини явно прослеживается ироническое отношение к мелодраматической ситуации и модели «святой блудницы». Дело в том, что Валентина сама делает выбор, когда соглашается пойти с Пашкой на танцы, заранее понимая, что ни к чему хорошему эта прогулка ее не приведет. Увидев грубого Пашку плачущим от того, что родная мать назвала его «крапивником», то есть нежеланным, незаконным ребенком, Валентина не могла не пожалеть его. Такова миссия святой праведницы – жалеть обиженных и несчастных. Утром, изнасилованная Пашкой и избитая отцом, она вновь выходит к палисаднику и принимается его ремонтировать. Произошедшая с ней трагедия лишь укрепила ее решимость, ведь за святость достается дорогой ценой – собственной покалеченной судьбой, собственной болью.

Как и в «Старшем сыне», безнадежно провинциальный мир обнаруживает центр, придающий ему высокий духовно-религиозный смысл. Скромная Валентина вслед за незадавшимся музыкантом Сарафановым близка к святости, исцеляющей и спасающей мир, который пребывает в нравственной спячке. Об этом говорит заключительная ремарка: «Валентина и Еремеев восстанавливают палисадник». И действительно, в провинциальном глухом Чулимске произошло нечто очень важное. И хотя разбиты надежды Кашкиной на личное счастье, не осуществляются «серьезные намерения» Мечеткина жениться на Валентине, а Пашка своим вероломством убил в себе человека, происходит главное – «ежедневный стоический подвиг... среди всеобщего морального одичания» (3, с.345) не пройдет даром для всех, кто явился его свидетелем, а один из них «проснулся», начал обретать новую жизнь, смысл и истинность бытия: Шаманов решает вернуться в город, чтобы добиться справедливости. Произошло чуть ли не чудо. Как сам Шаманов признается: «А бог все-таки существует... Кто докажет мне теперь, что бога нет... Если можно объяснить чудо, то я попробую...» (1, с.353).

Пьесе «Прошлым летом в Чулимске» многое сближает с ранними эпическими произведениями Вампилова. Как и в рассказах, в ней вновь мы видим столкновение умудренных жизненным опытом людей и наивнородетского, природного идеализма. Бесхитрость «природных» людей – Валентины и старика Еремеева противостоит неблагополучному миру «взрослых», лишенных каких-либо прекраснородушных иллюзий. В отличие от предыдущей драматургии, Вампилов пытается отойти от прежнего моноцентризма – в центре пьесы уже не излюбленный молодой герой, а тип праведника, открытый им в «Старшем сыне». Как и в «Старшем сыне», побеждает вера в то, что все люди – братья, правда, за эту истину теперь заплачено дорогой ценой – поруганы чистота и целомудрие.

На этот раз отказ от иронии объясняется во многом тягой драматурга к эпической полифонии, поисками эпической структуры, приближающейся к романной форме. Дело в том, что в пьесе доминирует идея эпической взаимосвязи. В основном конфликте, связанном с упорным противостоянием Валентины духовной глухоте окружающих и прозрением Шаманова, не менее важны другие сюжетные линии и коллизии: драма Анны Хороших и Дергачева, ошибки Кашкиной и Пашки, страдания Еремеева. Уже нет двойственного характера в мотивах поведения центрального героя, хотя финал выдает двойственность авторского сознания: с одной стороны, упорство и духовная стойкость праведницы Валентины вселяют веру в осуществление высокого идеала, веру в возможность улучшить мир, научить людей ходить, не ломая палисадник, но с другой, – социальная беспомощность, бесплодный идеализм героини выдают неустойчивость этой веры. По-прежнему любящие друг друга Анна и Дергачев будут драться, отец Валентины, желая добра дочери, все так же упрямо будет устраивать ее судьбу на свой деспотический манер и т.д. Исследователи справедливо усмотрели в пьесе тягу автора к утопическим построениям, которая соседствует с противоположным, антиутопическим мироотношением (4, с.57-58).

В последней пьесе Вампилова авторская двойственность вызвана не в последнюю очередь стремлением к эпическому, романному повествованию: при всем классическом драматическом триединстве времени, пространства и действия подробно описана полудеревенская жизнь Чулимска, выведено немало внесценических персонажей, тщательно прописана прошлая жизнь, предыстория героев. Романский характер придает пьесе и незавершенность «живой становящейся действительности» (М. Бахтин), та «эстетика неопределенности», которая, сталкивая противоположные, разнонаправленные силы: утопию и антиутопию, бытописание и символику, повседневное и чудесное, безверие и веру в идеал, – рождает синтезирующий жанр драмы-романа. Даже ироническое переосмысление мифа о «святой блуднице», привнесение в трагедийную форму мелодраматических случайностей (подслушанные разговоры, перехваченные записки), соединение бытовой драмы с интеллектуальной, выразившееся в определенной условности характера героини, притчеобразности, – все это свидетельствует о некоей переходности, экспериментальности пьесы. Как справедливо заметил критик, Вампилов

«искал форму, в которой события разворачивались бы в двух планах одновременно: в жизнеподобном мире повседневности, и в условном измерении философского спора о самых важных категориях бытия: о добре, зле, свободе, долге, святости. Причем, как видно по «Чулимску», Вампилов не пытался дать прямые ответы на все эти вопросы. Он стремился превратить всю пьесу в развернутый философский вопрос с множеством возможных ответов (один ответ – позиция Валентины, другой – скептицизм Шаманова в начале пьесы, третий – его же активность в финале, четвертый – спокойствие обитателей Чулимска...)» (3, с.348). Так рождалась синтетическая форма с элементами полифонического романа, принципиально амбивалентного, нацеленного на поиски гармонии, порядка в хаосе человеческих судеб, игры случайностей и исторических закономерностей, жизни и судьбы – и это был тот путь, по которому пошел бы Вампилов, если бы случайность не оборвала его жизнь в 1972 г.

Рассматривая драму «Прошлым летом в Чулимске» рядом с ранними прозаическими опытами, можно лишний раз подтвердить вывод о синтезе эпического и драматического, о единстве идеального и рационального, утопического и антиутопического в творчестве Вампилова. Художник намеренно сталкивал крайности и противоречия, чтобы отразить какие-то важные моменты в жизни современного общества. Это столкновение, совмещение несовместимых оппозиций неизбежно должно было привести к дуальному, ироническому мировосприятию как способу видеть мир, отражать духовную атмосферу кризисного, переломного времени.

Список литературы

1. Вампилов А. Прошлым летом в Чулимске // Вампилов А. Дом окнами в поле. – Иркутск, 1981.
2. Погосова Н.В. Театр Александра Вампилова: культурологический аспект: Автореф. дис... канд.– М., 1990.
3. Липовецкий М. «Шестидесятники» как потерянное поколение: трагикомедии Александра Вампилова // Континент. – 2000. - № 104.
4. Козлова С.М. Парадоксы драмы – драма парадоксов: поэтика жанров драмы 1950-1970-х гг. – Новосибирск, 1993.

СФИНКС - «ПОЛУЖЕНА И ПОЛУЗВЕРЬ» - В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ГУМИЛЕВА И О. УАЙЛЬДА

¹Раскина Е.Ю., ²Сушко Е.Л.

¹Доктор филологических наук, доцент, научный сотрудник
Международного гуманитарно-лингвистического института (МГЛИ), г.Москва

²Старший преподаватель Международного гуманитарно-лингвистического института (МГЛИ), г.Москва

Аннотация

Образ сфинкса – «полужены- полужверя» - присутствует в творчестве О. Уайльда и Н. Гумилева. Великий поэт Серебряного века Н.С. Гумилев блестяще перевел на русский язык поэму Уайльда «Сфинкс». Однако образы и символы, близкие к уайльдовскому сфинксу, встречаются не только в переводных, но и в собственных произведениях Н.С. Гумилева. И Гумилев, и Уайльд при создании образа-символа сфинкса испытали определенное влияние поэзии Ш. Бодлера.

Ключевые слова: сфинкс, поэтический перевод, египетская и древнегреческая мифология, русская поэзия Серебряного века

Summary

The image of the sphinx - "half-woman, half-beast" - is present in the works of Oscar Wilde and N. Gumilyov. The great poet of the Silver Age, N. Gumilyov brilliantly translated into Russian Wilde's poem "Sphinx". However, images and symbols, which are close to the Wilde's sphinx, could be found not only in the translation, but in the works of N. Gumilyov. Both Gumilyov and Wilde, while creating the images and symbols of sphinx, were influenced by the poetry of Charles Baudelaire.

Keywords: sphinx, poetic translation, Egyptian and ancient Greek mythology, the Silver Age of Russian Poetry

Как справедливо указывает П.Н. Лукницкий (а вслед за ним и М. Баскер), Н.С. Гумилев пришел к творчеству О. Уайльда через символистский журнал «Весы», редактором которого был его учитель - В.Я. Брюсов. В первом же номере «Весов» была опубликована лекция К.Д. Бальмонта «Поэзия Оскара Уайльда», в которой Бальмонт обращает внимание на несоответствие русского и британского образа Уайльда. Для русских поэтов Серебряного века англо-ирландский «король эстетов» - это, прежде всего, великий поэт, отвергнутый и осужденный «великосветской чернью», тогда как для «приличного» английского общества, как и для

оксфордской профессуры, автор «Портрета Дориана Грея» - всего лишь обесчещенный человек, соблазнявший мальчиков из хороших семей и некогда принадлежавший к свету, к элите. Бальмонт подчеркивает это несоответствие, несовпадение «русского» и «английского» образа Уайльда в эпизоде беседы с профессором английской литературы из Оксфорда.

Для удобства дальнейшего анализа приведем этот эпизод полностью.

«Я был в Оксфорде и сидел в гостиной у одного из знаменитых английских ученых. Кругом было избранное общество, аристократия крови и образованности, красивые женщины и ученые мужчины, Я говорил о чем-то с одним из джентльменов, поглотившим, конечно, не одну сотню томов, и спросил его: «Вам нравятся произведения Оскара Уайльда?» Мой собеседник помедлил немного и вежливо спросил меня: «Вам удобно здесь, в Оксфорде?» Я был в первый раз в Англии и не знал еще многого об англичанах из того, что я знаю теперь. Сдержав свое наивное изумление, я ответил: «Благодарю, мне очень нравится Оксфорд. Но вы, вероятно, не поняли меня. Я говорю: я очень люблю некоторые вещи Оскара Уайльда. Вам нравятся его произведения?» Корректный джентльмен вскинул на секунду свой взор к потолку, чуть-чуть передвинулся в своем кресле и сказал немного холоднее: «У нас в Англии очень много писателей». При всей наивности я понял, что, если бы я в третий раз повторил свой вопрос, мой собеседник притворился бы глухим или встал бы и перешел бы в другой конец комнаты» [3, С. 155].

Итак, взгляд английского «приличного» общества начала XX века на личность Оскара Уайльда в процитированном выше фрагменте прочитывается довольно легко. Уайльд – это скандальный литератор, о котором вообще не следует говорить, находясь в такой святыне культуры и образования, как Оксфорд. Бальмонт, как и многие другие русские поэты и литераторы Серебряного века, был категорически не согласен с такой оценкой. Для Бальмонта (как и для Брюсова, Гумилева, Чуковского) Оскар Уайльд – это отверженный гений, великий человек, непонятый соотечественниками, но принятый на чужбине – и прежде всего в прекрасной, одаренной тонким эстетическим чувством и вкусом Франции.

М. Баскер справедливо указывает, что влияние Оскара Уайльда «сказывается в стихах и художественной прозе, в письмах и литературно-критических статьях «до-акмеистического» Гумилёва» [4]. И далее: «Однако, оно проявляется лишь частично в виде «обычных» интертекстуальных реминисценций — некоторые наиболее существенные из которых были уже отмечены нами в комментариях к «Полному собранию сочинений» Гумилёва. Оно также распространяется на менее поддающуюся конкретизации сферу идей, обще-эстетических концепций и даже вкусовых установок «эстетствующего» писателя-денди, задумавшего статью о «Костюме будущего», неоднократно поражавшего современников своим цилиндром, стильной одеждой, изысканной манерой держаться, и просто культивировавшего изящное и утонченное — от купленной в Париже книги «*librairie artistique*» до знаменитого черепахового портсигара последних лет жизни» [4].

В этой статье мы рассмотрим прежде всего осуществленные Гумилевым переводы поэзии Оскара Уайльда – в частности, знаменитый перевод «Сфинкса», а также – близость образно-символических рядов «Сфинкса» к поэзии «отца акмеизма».

Итак, поэма «Сфинкс» была написана Уайльдом в 1883 г., в Париже, когда поэт находился под несомненным влиянием Ш. Бодлера и Э.А. По. Существует, впрочем, и другая датировка «Сфинкса»: некоторые исследователи считают, что Уайльд начал писать ее в 1874 г., когда был студентом Оксфорда, а закончил и опубликовал отдельным изданием только в 1894 г. Поэма была опубликована с посвящением М. Швобу, поэту, прозаику и лингвисту, который переводил произведения Уайльда на французский язык.

Поэма начинается со строк, описывающих чудовищную кошку, появляющуюся в квартире (или в душе?) поэта: «В глухом углу, сквозь мрак неясный / Угрюмой комнаты моей, / Следит за мной так много дней / Сфинкс молчаливый и прекрасный» (перевод Н. Гумилева) [10, С. 182]. Переключки, интертекстуальные пересечения Уайльда и Бодлера очевидны. Бодлер называл Красоту непостижимым сфинксом («*un sphinx incompris*»). Такое уподобление мы находим в стихотворении «Красота» («*La beauté*»). Бодлер достаточно часто использовал образы чудовищной химеры, демонической кошки, сфинкса. В стихотворении в прозе «Каждому – своя химера» поэт повествует о чудовищах, которых грешники несут на себе.

«Под нависшим серым небом, посреди широкой пыльной равнины, где не было ни дорог, ни травы, даже ни единого ростка крапивы или чертополоха, - я повстречал множество людей, которые шли, согнувшись».

Каждый из них нес на спине громадную Химеру, тяжелую, словно мешок муки или угля, словно снаряжение римского пехотинца.

Но такая чудовищная тварь вовсе не была неподвижным грузом; напротив, она охватывала и сковывала человека своими упругими и сильными мускулами; она вцеплялась мощными когтями в грудь своего носильщика; и ее фантастическая голова вздымалась надо лбом человека, подобно тем ужасным шлемам, которыми древние воины стремились повергнуть в страх своих противников.

Я заговорил с одним из этих людей и спросил, куда они направляются. Он отвечал, что об этом неизвестно ни ему, ни другим; но очевидно, они движутся к какой-то цели, ибо их все время побуждает неодолимая потребность идти вперед.

Любопытная вещь: никто из этих путников, казалось, и не помышлял взбунтоваться против свирепого чудовища, что уцепилось за его шею и словно приросло к спине; можно было подумать, что каждый считает своего монстра неотъемлемой частью самого себя. Их лица, усталые и серьезные, не свидетельствовали об отчаянии; под тоскливым куполом неба, погружая ноги в пыль земли, столь же пустынной, как это небо, они брели с покорностью тех, кто осужден надеяться вечно» [6].

Существует знаменитое этрусское бронзовое изваяние химеры, найденное в Ареццо (V в. до н.э.): посредине хребта у неё козья голова, на конце хвоста – голова змеиная, на передней части туловища — львиная. В средние века к химерам относили горгулий: в искусстве «пламенеющей готики» химеры олицетворяли собой силы зла. Особенно популярны среди поэтов и художников-символистов были химеры у оснований башен собора Парижской Богоматери.

В стихотворении Ш. Бодлера «Кошка» также изображено демоническое существо. Холодный, пронзительный взгляд кошки сравнивается с безжалостным, разящим, как сталь, взглядом женщины: «Ты как моя жена. Ее упорный взгляд / Похож на твой, мой добрый котик,: / Холодный, пристальный, пронзающий, как дротик» [7, С. 58] (перевод В. Левика).

Перед нами близкие, синонимичные образы: химера, горгулья, сфинкс, кошка. Однако бодлеровская трактовка Красоты как «непостижимого сфинкса» восходит, как нам представляется, к древнегреческой мифологии и драматургии. Древние греки, в свою очередь, заимствовали мотив сфинкса из Египта. В древнегреческой мифологии бескрылый египетский сфинкс обрел женский пол и крылья грифона.

В древнегреческой мифологии сфинкс – дитя хтонических чудовищ Тифона и Ехидны (или Химеры и Ортра), демон разрушения, чудовище с телом собаки, крыльями птицы, женской головой и лицом. Крылатая дева-сфинкс убивала юношей.

Скульпторы и художники, творившие при дворе Франциска I, изображали и ваяли сфинкса в образе женщины с поднятой головой, обнаженной грудью и серьгами в ушах. Таких прекрасных и женственных сфинксов можно найти в садах и регулярных парках королевских и аристократических резиденций Франции XVI-XVIII веков.

Сфинкс – «полужена» и «полузверь» - один из излюбленных образов-символов в творчестве Уайльда. Он сопровождал писателя и после смерти – в виде надгробного памятника работы Джейкоба Эпстайна на могиле Уайльда на парижском кладбище Пер-Лашез.

Что касается Н. Гумилева, то Николай Степанович обратился к поэме «Сфинкс» в 1912 г., по просьбе К.И. Чуковского, под редакцией которого выпускалось полное собрание сочинений О. Уайльда на русском языке. Как указывает Ю.А. Бахнова: «Размером подлинника, без разбивки на четверостишия, она впервые была переведена на русский язык А. Дейчем (1893-1972) и выпущена отдельным изданием в Киеве в 1912 г. Но именно перевод Гумилёва стал хрестоматийным для русской литературы и в настоящее время включается во все издания Уайльда» [5, С. 55].

Что привлекало Н. Гумилева в уайльдовском «Сфинксе»? Прежде всего образ «полужены»-«полузверя», inferнальный полуженский-полузвериный образ-символ. Подобные образы характерны и для творчества самого Н. Гумилева: например, образ девушки с головой гиены (стихотворение «Ужас»). Этот образ имеет египетское происхождение, как и образ уайльдовского сфинкса.

В стихотворении «Ужас» лирический герой видит перед собой полудевушку-получудовище:

«И там, где глубже сумрак хмурый,
Мой взор горящий был смущен
Едва заметною фигурой
В тени столпившихся колонн.

Я подошел, и вот мгновенный,
Как зверь, в меня вцепился страх:
Я встретил голову гиены
На стройных девичьих плечах.

На острой морде кровь налипла,
Глаза зияли пустотой,

И мерзко крался шепот хриплый:
"Ты сам пришел сюда, ты мой!" [9, С. 149].

В «Сфинксе» Уайльда в переводе Н. Гумилева «полужена-полужверь» описана так:

«Заря сменяется зарей,
И старше делаются ночи.
А эта кошка смотрит, - очи
Каймой обвиты золотой.

Она лежит на мате пестром
И смотрит пристально на всех,
На смуглой шее вьется мех,
К ее ушам струится острым.

Ну что же, выступи теперь
Вперед, мой сенешаль чудесный!
Вперед, вперед, гротеск прелестный,
Полужена и полужверь» [10, С. 146].

Огромная черная кошка – пантера – часто сопровождает в стихотворениях Гумилева лирическую героиню, недоступную и печальную деву («У ног ее две черные пантеры / С отливом металлическим на шкуре» [9, С. 146]). В процитированном стихотворении «Сады души» «двоящаяся» героиня носит венки великой жрицы («девушка в венке великой жрицы» [9, С. 146]).

В древнегреческой мифологии черные (или пятнистые) пантеры сопровождали бога вина и вдохновения Диониса. Бог вина и экстаза часто изображался сидящим верхом на пятнистой пантере. Этот дионисийский символ охотно использовал в своей поэзии и авторской мифологии Вячеслав Иванов. У Вячеслава Иванова пантеры – символ дионисийского экстаза. Пантера на вакхических изображениях соседствует с виноградной гроздью.

Наделение героини звериными или демоническими чертами характерно и для трагедии Н.С. Гумилева «Отравленная туника», где царь Трапезондский говорит:

«Я вспоминаю древнее преданье,
Которое, не помню где, я слышал,
Что женщина не только человек,
А кроткий ангел с демоном свирепым
Таинственно в ней оба совместились.
И с тем, кто дорог ей, она лишь ангел,
Лишь демон для того, кого не любит» [8, С. 198].

Глаза «осторожной кошки» появляются в стихотворении А. Ахматовой «Все мы бражники здесь, блудницы»: «Навсегда забиты окошки: / Что там, изморозь или гроза? / На глаза осторожной кошки / Твой похожи глаза» [1, С. 48].

В мифологии Древнего Египта была богиня с головой кошки – Баст (Бастет), богиня радости и веселья. Также с семейством кошачьих в египетской мифологии ассоциировались такие божества, как Сехмет, Тефнут, Мафдет и нубийская Шесемтет. Многие боги, включая Амона, изображались в образе сфинкса (или в образе крылатого льва). В 17-й главе «Книги мертвых» бог солнца Ра изображен как рыжий кот, побеждающий змея Апопа. Баст, богиня с головой кошки, сначала отождествлялась с воинственной львицей, а потом – с дикой (или прирученной) кошкой. Она изображалась в виде женщины с головой кошки, «ее атрибут – музыкальный инструмент сistr; отождествлялась греками с Артемидой» [2, С. 273].

Н. Гумилев, как и Оскар Уайльд, часто использовал в своих произведениях древнеегипетскую символику: так образ девушки с головой гиены восходит к богине войны и палящего солнца Сехмет (Сохмет), которая изображалась с головой гиены или львицы на женском теле. Полуженские-полужверинные образы характерны для поэзии Гумилева: возможно, поэтому русского поэта Серебряного века так заинтересовал уайльдовский «Сфинкс». Гумилев выбрал для перевода родственное своей эстетике произведение – и на этом его пересечения с

творчеством Уайльда отнюдь не заканчиваются. Но глубокий анализ таких интертекстуальных пересечений – тема отдельного исследования.

Список литературы

1. Ахматова А. Собрание сочинений в 2 т. М.: Правда, 1990.
2. Бадж У. Легенды о египетских богах. М: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 2001.
3. Бальмонт К. Поэзия Оскара Уайльда // Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. М.: Правда, 1990. С. 155.
4. Баскер М. Гумилев и Оскар Уайльд. Предварительные заметки // [Электрон. ресурс] <http://www.gumilev.ru>
5. Бахнова Ю.А. «Сфинкс» Оскара Уайльда в переводе Н. Гумилева // Вестник Томского государственного университета. №325. 2009. С. 50-55.
6. Бодлер Ш. Каждому – своя химера // [Электрон. ресурс] <http://www.bodlers.ru>
7. Бодлер Ш. Цветы зла. Воронеж: Иван Федоров, 1994.
8. Гумилев Н.С. Гумилев Н.С. Драматические произведения. Переводы. Статьи. Л.: Искусство, 1990.
9. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. М.: Воскресенье, 1998-2008.
10. Гумилев Н.С. Собрание переводов: в 2 т. Т. 1. М.: Терра-Книжный клуб, 2008.

СЕКЦИЯ №11.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)

СЕКЦИЯ №12.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)

«ЗАКОН» КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРАКТИКИ ИМПЕРИАЛИЗМА В ЯКУТСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВАЦЛАВА СЕРОШЕВСКОГО И СЕВЕРНЫХ РАССКАЗАХ ДЖЕКА ЛОНДОНА

Емельянов И.С.

Северо-Восточный федеральный университет, г.Якутск

В творческом наследии польского писателя Вацлава Серошевского (1858-1945) и американского писателя Джека Лондона (1876-1916) выделяется «северная» тема, которая стала для обоих авторов основой для создания наиболее значительных в художественном и идейном отношении произведений. Оба писателя были популярны в начале прошлого века, их произведения привлекали читателей новизной тематики, изображением жизни северных народов. Особую актуальность сочинения двух писателей приобрели в свете драматического опыта XX века, решительно изменившего судьбу народов Крайнего Севера. Все большее внимание стала привлекать проблема пагубного воздействия цивилизации на традиционный уклад жизни. В рассказах и повестях Д.Лондона и В. Серошевского наступление западной цивилизации символически выражено в образе «закона», репрессивного по отношению к аборигенному населению.

В якутских произведениях В. Серошевского безличным «закон» проявляется прежде всего как практика уголовной и политической ссылки, как гнет государственной машины, именно в нем для писателя и его героев воплощена вся бездушность и жестокость империализма. Суровый к якутам «закон» является причиной драматических событий в повести «В сетях» (1898), трагических в рассказе «Хайлак» (1895). Якуты говорят о законе с нескрываемым страхом, воспринимают его как нечто страшное, непонятное, в любом случае несправедливое к ним: «они замолчали, объятые мистическим ужасом перед этим таинственным существом, имеющим вид печатной бумаги, а таким живым и могущественным, что может доставить людям бесчисленные страдания. Они знали, что достаточно одного этого слова, чтобы их мужья опускали с трепетом головы... Кто знает, что там напечатано в этих книгах? Может быть, так и должно быть?..» [4, с.53]. В монологе якутского князя выражено отношение якутов к царскому законодательству: «Закон? Послушай, русский, не мы пишем

законы, а вы что захотите, то напишете. Думаю, себя не обидите?» [3, с.75]. «Закон» для местного населения оборачивается террором со стороны уголовных ссыльных. О терроре со стороны уголовников, по закону высылаемых в Якутию, говорит в этой же повести старик: «Обижали они нас, меня. Больше, чем дикие звери, медведи и волки, побили они нашего скота. Добро наше убавилось, сердца ожесточились. Точно веред выросла юрта их в нашем околотке. Женщины боялись днем даже проходить мимо нее; парни наши научились пить и играть... перестали работать, полнубили грабеж... Мочи не стало от пропаж и обид» [3, с.58]. Последствия деятельности уголовников напоминают результаты «цивилизаторской» деятельности золотоискателей в таких рассказах Д.Лондона как «Лига стариков». Серошевский правдиво показал последствия государственной политики по превращению Сибири в место политической и уголовной ссылки, вследствие чего «закон» стал восприниматься как воплощение несправедливости населением Восточной Сибири.

Институт ссылки к концу XIX века во многом перестал оправдывать одну из основных преследуемых целей, а именно ускоренное освоение восточных территорий, и превратился в абсолютно порочную практику, которая отравляла жизнь населения Сибири и осложняла межнациональные отношения. В.Г.Короленко, сам отбывавший ссылку в Якутии, писал: «Нет сомнения, что столь значительный ежегодный прилив преступного элемента крайне неблагоприятно отражается на нравственности коренного населения, почему понятным становится стремление сибиряков избавиться от ссылки, этого дамоклова меча Сибири» [1, с.358]. Оба писателя, таким образом, осуждают данную практику российского государства.

Сочинения В. Серошевского на якутскую тему показывают конфликты между якутами и ссыльными, которые обусловлены самим институтом ссылки. Традиционный уклад жизни аборигенного населения разрушается, сталкиваясь с наиболее неприглядными сторонами цивилизации. Реалистическое изображение последствий политической и уголовной ссылки в Якутию ставит художественные произведения В.Серошевского и В.Короленко за рамки простого бытописательства, обогащает их тексты социальным содержанием. Необходимо, однако, учитывать, что во время публикации текстов в конце XIX — начале XX века было невозможно прямое и открытое осуждение царизма и порочной практики ссылки в Сибирь: писателям приходилось учитывать требования цензуры.

Произведения В. Серошевского и В.Короленко оказываются близки к северным рассказам Д.Лондона, прежде всего тем из них, в которых показано столкновение «цивилизации белых» с народами Севера. Лондон относится к тем писателям, которые в целом разделяли идею о «бремени белого человека», в ряде его северных рассказов отчетливо проявляется мысль о превосходстве белых над другими расами. В то же время, будучи большим художником, Д.Лондон объективно показал печальные последствия, которые несет цивилизация народам Северной Америки. Показателен в данном отношении рассказ «Лига стариков» (1902), в котором наиболее отчетливо и, что особенно важно, с точки зрения именно аборигенного населения, обозначена проблема столкновения традиционного уклада жизни с разрушительным влиянием деятельности «белых людей». Д.Лондон показывает, что бунт «стариков» против белых обречен на поражение: новые порядки и новый образ жизни проникли глубоко, и молодое поколение забыло традиции, юноши хотят теперь быть сами как белые люди и презирают наследие предков. Общаясь с белыми, они «научались дурным речам и дерзким замашкам, пили дьявольское питье и день и ночь играли в карты; по первому зову белого человека они вновь уходили в неведомые страны. Они забыли о долге уважения к старшим, никому не оказывали почета, они глумились над нашими старыми обычаями и смеялись в лицо и вождю и шаманам» [2, с.87]. Герой рассказа старик Имбер переживает происходящее как трагедию, он видит, что навсегда уходит в прошлое его мир и специфическая этика северного народа, исчезает сам народ: «Белые люди /.../ пришли на нашу землю, чтобы присвоить ее. Они сделали нас слабыми; и мы гибнем. Они очень жадные люди. И вот на нашей земле уже не стало дичи». [2, с.88] Герой осознает правоту своего дела, но знает, что оно обречено на поражение: «Итак, сегодня погибал один старик, завтра другой, - и вот остался только я. /.../ Теперь уже нет племени Белая Рыба. Я последний старик этого племени, а юноши и молодые женщины ушли с нашей земли - кто к племени пелли, кто к племени Лососей, а больше всего — к белым людям. Я очень стар и очень устал, я напрасно боролся с Законом» [2, с.90].

Как и у В. Серошевского, у американского писателя «Закон» (the Law) является воплощением жестокого и неумолимого давления цивилизации на аборигенов Севера. «Англосаксы издавна несли закон покоренным народам, и закон этот подчас был суров» [2, с.76], - пишет Лондон. О жестокости «закона» белых размышляет герой рассказа перед приговором: «Имбер смотрел на них и думал об их обычаях и порядках, об их недремлющем Законе, который был, есть и будет до скончания веков» [2, с.81]. Закон, таким образом, является символом цивилизации, уничтожающей другой образ жизни. Д.Лондон запечатлел эту трагическую сторону победного шествия западного мира, но считал ее неизбежной. Как ни любит свои северными героями Лондон, как ни воспекает их героизм и мужество в борьбе с суровой природой (в «Северной одиссее», «Киш, сын Киша» и других рассказах), но их мир, по мнению писателя, обречен покориться победному шествию белой расы. Эта

мысль красноречиво выражена в финале рассказа «Лига стариков»: «Широколобый судья тоже был погружен в видения: перед его взором величественно проходила вся его раса — закованная в сталь, одетая в броню, устанавливающая законы и определяющая судьбы других народов. Он видел зарю ее истории, встающую багровыми отсветами над темными лесами и простором угрюмых морей. Он видел, как эта заря разгорается кроваво-красным пламенем, переходя в торжественный сияющий полдень, видел, как за склоном, тронутым тенью, уходят в ночь багряные, словно кровью пропитанные пески... И за всем этим ему мерещился Закон, могучий и беспощадный, непреложный и грозный, более сильный, чем те ничтожные человеческие существа, которые действуют его именем или погибают под его тяжестью, — более сильный, чем он, судья, чье сердце просило о снисхождении» [2, с.91].

В северных рассказах Д.Лондона отчетливо проявляется влияние идей Г.Спенсера, изображается борьба за жизнь, в которой побеждает сильнейший: законом жизни оказывается борьба за само право жить. В сравнении с рассказами Д.Лондона заметно принципиальное отличие произведений В. Серошевского: в них нет утверждений превосходства одной расы над другой, культуртрегерской роли европейца среди туземцев. Его герои равны друг другу по своей человеческой сути, к какому бы народу они ни относились.

Список литературы

1. Короленко В.Г. Сибирские очерки и рассказы. Иркутск, 1983. — 415 с.
2. Лондон Д. Закон жизни. Рассказы. Хабаровск: Кн. изд-во, 1987. — 496 с.
3. Серошевский В. В сетях. 2-е изд. СПб., М.: Книжное дело, 1903. — 140 с.
4. Серошевский В.Л. Якутские рассказы, повести и воспоминания. М.: Кудук, 1997. — 591 с.

СЕКЦИЯ №13.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)

СЕКЦИЯ №14.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)

СЕКЦИЯ №15.

ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)

СЕКЦИЯ №16.

РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ КОМПАРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РАССКАЗЕ В. ТОКАРЕВОЙ «ИЗ ЖИЗНИ МИЛЛИОНЕРОВ»

Разуваева Л.В.

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, г.Воронеж

Творчество В. Токаревой завораживает своей простотой и глубиной одновременно, покоряет своей честностью и человечностью. Ее рассказы и повести изобилуют образными сравнениями, интересными, а порой и неожиданными как по строению, так и по содержанию.

Анализ структурно-грамматических особенностей компаративных конструкций, выражающих сравнение, представляет собой синтаксическую реализацию сравнительных отношений. В абсолютном большинстве случаев образные сравнения репрезентированы соответствующими синтаксическими конструкциями с формально

выраженным союзным показателем сравнения. «Синтаксические конструкции..., передающие компаративное значение, объединяются в следующие основные типы: 1. СК, представляющие собой простое предложение. 2. СК, представляющие собой сложное предложение. 3. СК, представляющие собой расчлененное предложение (парцелированная синтаксическая конструкция)» [2; 41].

Самым простым типом синтаксической конструкции, передающей компаративные отношения, является простое предложение, содержащее сравнительный предикат, то есть сравнение, в предложении выполняющее функцию сказуемого. В качестве сравнительных предикатов могут быть существительные, прилагательные, глаголы. При этом чаще всего в качестве показателя сравнительных отношений в сравнительных предикатах выступает союз как, которому, по мнению В.В.Виноградова, в этом случае «свойственна модальная окраска метафорического приравнивания» [1; 675].

В случае выражения сравнительного предиката именем существительным данное существительное может иметь форму как именительного, так и косвенных падежей. Например: А женщины-манекенщицы – плоскогрудые и узкобедрые, как мальчики (И.п.)... [4; 20]; Рот от уха до уха, белые зубы, глаза, как у пантеры (Р.п.) [4; 25]; Возле камина – маленькая дверь в стене, как в каморке (П.п.) у папы Карло [4; 31].

Сравнительный предикат может быть одиночным и распространенным. Одиночные: Рот от уха до уха, белые зубы, глаза, как у пантеры [4; 25]. Распространенные: Возле камина – маленькая дверь в стене, как в каморке у папы Карло [4; 31].

К синтаксическим конструкциям, имеющим форму простого предложения, относятся также единицы, включающие сравнительный оборот, содержащий в себе образ сравнения. Следует отметить, что в данном случае сравнительный оборот, представляет собой обособленный член простого предложения, передающий значение сравнения. Это субстантивные сравнительные обороты, в которых в роли стержневого компонента используется существительное в именительном или косвенном падежах. Например: Именно такими словами моя дочка просила не отводить ее в детский сад и складывала перед собой руки, как во время молитвы (Р.п.) [4; 8]; Именно они [страсть, желание, влюбленность] наполняют жизнь и расцветивают ее, как фейерверк (И.п.) в темном небе [4; 13]; Морис вышел из машины и закрыл за собой шлагбаум, как калитку (В.п.) [4; 18]; Она излагала свою мысль вежливо, как на приеме (П.п.) [4; 28.] Стержневой компонент может быть и субстантивированным прилагательным: Морис с детским вниманием всматривался в наши лица, как глухонемой. Он ничего не понимал по-русски [4; 12].

В рассказе Токаревой также можно встретить малочастотную группу сравнительных оборотов, выраженных причастиями и глаголами: Камин был выложен из какого-то дикого камня, как будто высечен из горы [4; 31]; Да! – крикнула, как выстрелила, Мадлен [4; 44]; Он положил в меня свои тайны, как бросил в пруд [4; 47].

Классификация сравнений в зависимости от того, к какому слову в предложении относится сравнительный оборот, в этом тексте также выглядит достаточно полно. Встречаются прилагательные (Один кинул меня в руки второго, как мяч в волейболе [4; 9], Моя добродетель никому не нужна, как заветренный кусок сыра [4; 21], Слова сыпались, как град на крышу [4; 20]); приадективные (...и шлагбаум – легкий, полосатый, чистенький, как игрушка [4; 18], Он ласкает черную, как телефонная трубка, эфиопку [4; 29], Светилась Эйфелева башня – легкая и прозрачная, как мираж [4; 47]); присубстантивные (Рот от уха до уха, белые зубы, глаза, как у пантеры [4; 25]); приадективные (И несмотря на то что прежняя идеология рухнула, совковые идеи ввелись намертво, как пыль в легкие шахтера [4; 13]).

Прилагательных и приадективных сравнительных оборотов в рассказе «Из жизни миллионеров» большинство. Токарева с удовольствием придумывает «вкусные» образы, детально характеризующие действия и признаки героев. Через поступки и характеры мы узнаем о героях рассказа.

Синтаксические конструкции второго типа в рассказе единичны: Она закричала так, будто ее уводили на смертную казнь. – Морис! [4; 11]; Я зашла в примерочную. Мадлен присела в ожидании на корточки, как у нас в России сидят восточные люди. Отдыхают на корточках. [4; 42].

Третий тип компаративных построений, включающих образное сравнение, представлен разнообразнее второго: Это была большая любовь (Гранд амур). Как Ниагара. [4; 27]; Мне бросилось в глаза платье, похожее на халат... На Этиопе это платье смотрелось бы сумасшедшее прекрасно... А я... Как после бани. [4; 37]; Я хочу, чтобы ты была вся бежевая. Палевая. Лунная. Как сквозь дымку. [4; 39]. Строение подобных синтаксических конструкций по сравнению с ПП и СП предназначено для выражения более сложного содержания.

Парцелляция подразумевает под собой «способ речевого представления единой синтаксической структуры – предложения – несколькими коммуникативно самостоятельными единицами – фразами. Речевая парцелляция синтаксической структуры осуществляется посредством интонации (в письменном тексте ее графическими показателями – знаками препинания), однако нередко используются и другие вспомогательные приемы.

Парцеллированные сегменты – парцелляты – могут подвергаться инверсии, находиться как в контактной, так и в дистантной позиции относительно базовой части предложения или других формально и семантически связанных с ними парцеллятов» [3; 328].

В рассказе «Из жизни миллионеров» Токарева в случае расчленения компаративной конструкции в самостоятельный сегмент предложения, следующий после точки, использует чаще сравнительные обороты (Это была большая любовь (Гранд амур). Как Ниагара. [4; 27]; Мне бросилось в глаза платье, похожее на халат... На Этиопе это платье смотрелось бы сумасшедшее прекрасно... А я... Как после бани. [4; 37]; Я хочу, чтобы ты была вся бежевая. Палевая. Лунная. Как сквозь дымку. [4; 39]), но встречаются и сравнительные предложения (Не надо ничего. Я надена на плечи русский платок. Буду как матрешка [4; 12]; Мадлен смотрела с пристальным вниманием. Моя вера проникала в нее. Так смотрит раковый больной на врача, который обещает ему вечную жизнь [4; 44]).

Подобные примеры подчеркивают нестандартный подход автора к сравнению. Токарева неординарно использует подобные компаративные конструкции. Она наряду с нейтральным союзом как использует нераспространенные союзы будто, как будто: Я сидела рядом и испытывала устойчивость, как будто держалась за что-то прочное [4; 18]; ...губы горят, как будто она долго целовалась [4; 16]; Она закричала так, будто ее уводили на смертную казнь. – Морис! [4; 11]. Встречается и несоюзное оформление сравнительных отношений: Француженка, которая нами занималась, была похожа на лошадь с длинным трудовым лицом [4; 10].

Использует Токарева В. и сравнительные обороты, представляющие собой устойчивые сравнения. Например: Все-таки не очень приятно, когда тебя кидают, как мяч [4; 9]; Высока мода – это очень тяжелый бизнес и тяжелый хлеб. Этиопа устает как лошадь [4; 27]; Ко мне подошел сын Мориса – сорокалетний человек, как две капли воды похожий на отца, только красивый [4; 38].

Несмотря на присутствие в тексте устойчивых сравнительных оборотов (их немного - 3), большинство сравнений авторские (55 конструкций). 35 сравнений являются прилагательными, а значит, характеризуют, образно раскрывают, поступки героев. Действия персонажей рассказывают о самих персонажах, позволяют понять их внутренний мир.

Встречаются в этом рассказе и неподдающиеся существующей классификации компаративные конструкции, подчеркивающие авторскую индивидуальность. Например: Вот сидит человек, который сам себя сделал. Я сидела рядом и испытывала устойчивость, как будто держалась за что-то прочное. Как за перила, когда спускаешься по крутой лестнице вниз [4; 18]. Здесь настроение героини передается через сравнение, выраженное обособленным сравнительным оборотом ПП (как будто держалась за что-то прочное), а к этому обороту для усиления образа добавляется еще одно сравнение, выраженное отдельным предложением (Как за перила, когда спускаешься по крутой лестнице вниз). Или же такой интересный пример: Официант принес рыбу и стал разделять ее на наших глазах, отделяя кости. Это был настоящий концертный номер [4; 18]. Здесь сравнение отделено от предмета сравнения. Это самостоятельное предложение, не имеющее в своем составе не только союзов сравнения (как, будто, словно), но и слов, типа похожий, подобный.

В рассказе В.С. Токаревой «Из жизни миллионеров» наблюдается большое разнообразие компаративных конструкций с точки зрения их структурно-грамматической характеристики. Есть конструкции, укладывающиеся в существующие классификации и украшающие их, а есть «нестандартные», подчеркивающие исключительный талант и мастерство автора.

Список литературы

1. Виноградов В.В. О теории художественной речи. - М.: Высшая школа, 1971. – 239 с.
2. Разуваева Л.В. Сравнение как средство репрезентации художественной картины мира (на материале современной художественной прозы конца 20 – начала 21 веков) : диссертация... кандидата филологических наук : 10.02.01. Воронеж, 2009. – 204 с.
3. Русский язык: Энциклопедия / Ин-т рус. яз. РАН; Гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. – 703 с.
4. Токарева В.С. Телохранитель: Рассказы. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. – 528 с.

СЕКЦИЯ №17.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)

**СЕКЦИЯ №18.
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)**

**СЕКЦИЯ №19.
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)**

**ВОЗМОЖНОСТЬ СОПОСТАВЛЕНИЯ БЕЗЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ И
НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКАХ ПОСРЕДСТВОМ ИДЕИ ДВУХЧАСТНОСТИ**

Ульяницкая Л.А.

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
имени В.И. Ульянова (Ленина), г. Санкт-Петербург

Теоретический потенциал идеи двухчастности, высказанной в 1993 году в СПбГЭТУ «ЛЭТИ» весьма достаточен для выявления структурных параллелей между английским и нидерландским предложением, не исключая и безличные конструкции. Согласно идее двухчастности, главный или второстепенный глагольный / субстантивный член предложения представляет собой глагольный / субстантивный семифинитив, зафиксированный во временном / пространственном уточнителе или прауточнителе, причем при фиксации в уточнителе семифинитив входит с ним в известный баланс. Так, сверхслабый семифинитив фиксируется в сверхсильном уточнителе, слабый — в сильном, а сильный — в слабом уточнителе (в нарушение баланса, впрочем, сверхслабый или слабый семифинитив может фиксироваться в слабом уточнителе). Семифинитивы обладают известной прочностью: глагольные семифинитивы распределяются по прочностям 4, 3, 2 и 1, а субстантивные — по прочностям 6, 5, 0 и -1. Семифинитивы низких прочностей могут «повреждаться» в слабых уточнителях или прауточнителях, приобретая разнообразные показатели, от флективных до предложных [1. С.44-74].

Рассмотрим английскую безличную конструкцию «There is a knock at the door». В ней семантическая единица «стук» распределена в слабый семифинитив a knock (прочности 5), зафиксированный в сильном уточнителе there, отчего образуется составное подлежащее there a knock. Простое сказуемое is, образованное фиксацией сверхслабого или сильного семифинитива be (прочности 1) в слабом уточнителе does↔, не распределяет в свой семифинитив никакой семантической единицы [2. С.70-73].

Рассмотрим нидерландскую безличную конструкцию «Er wordt aan de deur geklopt». В ней семантическая единица «стучать» распределена в сверхслабый или сильный семифинитив geklopt worden (прочности 1), зафиксированный в слабом уточнителе doet↔, отчего образуется простое сказуемое wordt geklopt. Подлежащее er, по нашему мнению, является составным и образовано фиксацией слабого пустого семифинитива (прочности 5) в сильном уточнителе er. Оно, разумеется, не распределяет в свой пустой семифинитив никакой семантической единицы.

Тем самым, при сопоставлении английской и нидерландской конструкций, выражающих одну и ту же семантику, наблюдаются интересные факты:

1. Ядерная семантическая единица распределяется в пределах главных членов предложения - то в субстантивный, то в глагольный семифинитив (см. английский и нидерландский примеры соответственно).

2. Сказуемое и подлежащее не меняют характер своей сбалансированности — сказуемое образуется фиксацией сверхслабого или сильного семифинитива в слабом уточнителе, а подлежащее — фиксацией слабого семифинитива в сильном уточнителе.

3. В линейном расположении конструкции there is a knock и er wordt geklopt обнаруживают известную структурно-семантическую параллельность — десемантизированное наречие, десемантизированный глагол, семантическая часть речи (существительное или причастие).

Важно отметить, что для обеспечения структурно-семантической параллельности система германских языков допускает, как видно из приведенных примеров, смену залога.

В этой связи интересно рассмотреть нидерландскую безличную конструкцию «Men klopt aan de deur» (в английском языке такая структура не обнаруживается, но обнаруживается, как единственно возможная, во французском). В ней семантическая единица «стучать» распределена в сверхслабый или сильный семифинитив kloppen (прочности 4), зафиксированный в слабом уточнителе doet↔, отчего образуется простое сказуемое klopt.

Простое подлежащее *men* образовано фиксацией сильного семифинитива *men* (прочности 6) в слабом уточнителе *er*↔ и не распределяет в свой семифинитив никакой семантической единицы. В отличие от предыдущих примеров подлежащее сбалансировано иначе, посредством слабого уточнителя, и является, поэтому, не составным, а простым.

Следует отметить, что при переходе от английской конструкции «There is a knock at the door» к нидерландской «Men klopt aan de deur» смены залога не требуется, возможно, этим достигается своеобразная структурно-семантическая параллельность, когда активный недесемантизированный семифинитив сменяется активным десемантизированным, а простое подлежащее становится сложным. Более наглядной эта структурно-семантическая параллельность могла бы быть при воображаемом переходе от нидерландской конструкции «Men klopt aan de deur» к английской «A knock is at the door» (не существует), где эти конструкции параллельны на уровне подлежащно-сказуемой пары.

По неизвестным причинам английский язык не допускает существование конструкции «One knocks at the door», которая могла бы быть абсолютно параллельна нидерландской конструкции «Men klopt aan de deur». Вместе с тем, во французском языке допустима лишь конструкция «On frappe à la porte», абсолютно параллельная нидерландской «Men klopt aan de deur».

В отвлеченности от систем конкретных языков можно вывести подсистему безличных предложений, обобщающую вышеприведенные переходы:

«On frappe à la porte»

«Men klopt aan de deur»

(«One knocks at the door»)

«A knock is at the door», «Een klap is aan de deur»

«Er is een klap aan de deur»), «There is a knock at the door»

«Er wordt geklopt aan de deur»

В скобки взяты несуществующие конструкции.

Интересно отметить, что несуществующие конструкции «Een klap is aan de deur» и «A knock is at the door», как уже говорилось выше, представляют структурно-семантическую параллельность на уровне подлежащно-сказуемой пары, вне линейного расположения, и могут быть, поэтому, не востребованы, а конструкция «Er is een klap aan de deur» заменяется, видимо, конструкцией «Er wordt geklopt aan de deur». Конструкция «One knocks at the door» будет обсуждена ниже.

В результате подсистема безличных предложений сводится к подсистеме, строго учитывающей линейное расположение структурно-семантических элементов:

«On frappe à la porte»

«Men klopt aan de deur»

«There is a knock at the door»

«Er wordt geklopt aan de deur»

Весьма упрощенно можно сказать, что ядерная семантическая единица никогда не начинает безличное предложение.

Нидерландский язык оказывается, в некоторой степени, богаче французского и английского, располагая двумя конструкциями для выражения безличности. Применение составных подлежащих помогает сохранить линейное расположение структурно-семантических элементов. Можно предположить, что сосуществование двух безличных конструкций допустимо если только их залоговые различия. Возможно, если бы во французском языке существовал сильный пространственный уточнитель, то обнаруживалась бы конструкция «Il est frappé à la porte», наряду с конструкцией «On frappe à la porte». Возможно также, что отсутствие в английском языке конструкции «One knocks at the door» объясняется ее залоговым конфликтом с конструкцией «There is a knock at the door».

Следует отметить, что английские конструкции «Someone is knocking at the door» и «There is someone knocking at the door», семантически сходные с несуществующей конструкцией «One knocks at the door» не заменяют ее, являясь не безличными, а неопределенно-личными. В них два семантических ядра, распределенных по членам предложения весьма специфично. Так, в английской конструкции «Someone is knocking at the door» семантическая единица «кто-то» распределена в слабый семифинитив *someone* (прочности 5), зафиксированный в слабом уточнителе *there*↔, отчего образуется простое подлежащее *someone*. Простое сказуемое *is knocking*, образованное фиксацией сверхслабого или сильного семифинитива *be knocking* (прочности 1) в слабом уточнителе *does*↔, распределяет в свой семифинитив семантическую единицу «стучать». Трансформация этой конструкции в конструкцию «There is knocking someone at the door» невозможна, поскольку семифинитив *be knocking* не выдерживает давления уточнителя *there* [3. С.7].

В английской конструкции «There is someone knocking at the door» семантическая единица «кто-то» распределена в слабый семифинитив someone (прочности 5), зафиксированный в сильном уточнителе there, отчего образуется составное подлежащее someone. Простое сказуемое is, образованное фиксацией сверхслабого или сильного семифинитива be (прочности 1) в слабом уточнителе does↔, не распределяет в свой семифинитив никакой семантической единицы. Семантическая единица «стучать» распределена в сверхслабый или сильный семифинитив knock (прочности 4), зафиксированный в слабом прауточнителе ing↔, отчего образуется простой второстепенный глагольный член knocking. Весьма гипотетически эта конструкция может трансформироваться в конструкцию «Someone knocking at the door is», где семифинитив be, выдерживая давление уточнителя there↔, может выражать семантическую единицу «существовать» («Кто-то (некто), стучащий в дверь, существует»). В этой конструкции наличествуют три семантических ядра, причем два из них объединены семифинитивом someone knocking at the door.

Тем самым можно утверждать, что в германских языках перераспределение семантического ядра из субстантивного семифинитива в глагольный приводит к появлению пустой субстантивной единицы. Баланс подлежащего в романских и германских языках достигается различными способами, но не нарушается. На наш взгляд, синтаксическая функция формальных подлежащих состоит в том, что они «встраивают» смысловые подлежащие в пространственный континуум, задавая предложению своего рода пространственную модальность. Вероятно, движение семантического центра в пределах сказуемого и подлежащего может облегчать процесс семантической интерференции, наблюдаемый при контакте родственных языков. При этом подлежащее должно быть обязательно сбалансировано, а сказуемое структурно готово к сдвигу семантического центра, вплоть до перемены залога.

Список литературы

1. Антоненко А.А., Шумков А.А. Формально-логическая модель главных членов предложения в германских и романских языках. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2009. – 205с.
2. Степаненко И.С., А.А., Шумков А.А. Взаимодействие и организация глагольных и субстантивных членов предложения в германских языках. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. – 174с.
3. Шульженко Т.В., Шумков А.А. Алгоритмические основы упорядоченности главных членов предложения в английском языке. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2006. – 24с.

ДЖ. ХАРТ (– 1574) – ПЕРВЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ФОНЕТИСТ

Беспятых Н.Г.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

С возникновением в Англии литературного языка, поначалу имевшего статус особо престижного социального диалекта, начинается его влияние на территориальные диалекты, которыми усваиваются отдельные черты литературной нормы [1, с. 13], что в дальнейшем приводит к социальному расслоению местных диалектов и образованию региональных стандартов, являющихся, с одной стороны, престижным социолектом на территории своего распространения, а с другой стороны – территориальной модификацией нормы.

Х. Зинс в статье «Отношение английской аристократии к университетскому образованию в эпоху Возрождения» показывает, что аристократы долгое время не считали необходимым давать своим детям университетское образование, и в университетах обучались преимущественно представители среднего сословия. Большая часть аристократов в XVI в. не умела даже подписаться [16, с.14]; по словам английского историка Т. Маколея, уровень образованности английских лордов в то время «мало чем отличался от уровня образованности их слуг» [7, с. 436].

Изменение экономических условий и политической обстановки в стране изменило и отношение аристократии к образованию: оно становилось необходимым условием сохранения позиций в жизни государства [16, с. 16-19].

Известно, однако, что образование в семьях аристократов обычно получали лишь старшие сыновья; младших же сыновей ожидала, как правило, либо военная служба, либо коммерческая деятельность; девочки, за редким исключением, получали только домашнее образование в объеме, не превышавшем приобретения навыков чтения и письма [5, с. 16-19; 3, с. 147].

В таких условиях распространение стандарта в Англии XVI–XVII вв. должно было быть ограничено как территориально, так и социально. Если выбор ведущего диалекта, на основе которого складывается в дальнейшем национальный литературный язык, определяется конкретной исторической обстановкой и является объективным условием формирования литературного языка, то, вероятно, с момента выбора более отчетливо проявляются субъективные факторы развития – сознательная деятельность людей по его укреплению и распространению [2, с. 302; 1, с. 8-14; 4, с. 453-454].

В Англии нормализаторская деятельность в области орфоэпии и орфографии охватывает, в основном, период со второй половины XVI по конец XVIII в. и с некоторыми видоизменениями продолжается в XIX в.

Первые попытки описания произношения были предприняты в Англии Томасом Смитом и Джоном Чиком в 40-х годах XVI в. в ходе дискуссии между ними о произношении древнегреческого языка. Этот теоретический спор хотя и не касался непосредственно английского произношения, обратил внимание ученых на несоответствия между написанием и произношением в английском языке и тем самым положил начало английской фонетике как науке [15, с. 170].

Одним из первых авторов, затронувших вопросы соответствия произношения и написания, был Т. Смит, труд которого был опубликован в 1568 г. Почти одновременно с ним издает свои сочинения Дж. Харт (1551, 1569, 1570) – один из лучших фонетистов своего времени [10, с. 58; 11, с. 19].

Обычно при анализе трудов того или иного орфоэписта исследователи придают большое значение биографическим сведениям: установлению места рождения, учебы и деятельности данного автора, его социальному статусу; такие сведения позволяют делать определенные выводы относительно возможности наличия или отсутствия диалектных черт в его речи.

Сложную историю имеет изучение биографии и трудов Дж. Харта. А. Эллис, считавший Дж. Харта уэльсцем, не придавал большого значения его орфоэпическим трудам [8, ч. I, с. 35]. Однако точка зрения А. Эллиса уязвима, ведь сам Дж. Харт упоминал о том, что не знает валлийского языка и диалекта английского языка, на котором говорят в Уэльсе [6, ч. I, с. 232]. О. Есперсену удалось выяснить, что Дж. Харт являлся герольдом Честера в геральдической палате Англии и, стало быть, мог происходить только из семьи, занимавшей высокое положение в обществе [11, с. 8]. Позднее Х. Кёкеритц нашел документы, на основании которых предположил, что Харт – уроженец Девоншира, и указал на ряд диалектных черт в рекомендуемом Хартом произношении [12, с. 241]. Однако впоследствии, под влиянием исследований Б. Даниэльссона [6, ч. I], Х. Кёкеритц отказался от этого мнения [13, с. 60-66]. Б. Даниэльссон, выявивший и изучивший большое количество документов, пришел к выводу, что семья Хартов жила в Илинге – одном из районов Лондона, принадлежавшем Вестминстерскому аббатству [6, ч. I, с. 13].

Главным же в биографии Дж. Харта для лингвистов оказалось не происхождение, а его высокий социальный статус, высокая образованность, близость к королевскому двору, непосредственные связи с такими высокопоставленными лицами из окружения Эдуарда VI, как дядя короля протектор Эдуард Сеймур, герцог Сомерсетширский, секретарь протектора сэр Уильям Сесил, учитель принца Эдуарда сэр Джон Чик и др. Все это убедительно доказывается фактами, которые содержатся в изученных Б. Даниэльссоном документах [6, ч. I, с. 21-22].

Дж. Харт является автором трех книг – *The Opening of the Unreasonable Writing of Our English Toung* (1551); *An Orthographie* (1569); *A Methode or Comfortable Beginning for All Unlearned* (1570), – посвященных английскому произношению и орфографии, а его система «преобразованной орфографии» (*reformed spelling*) представляет собой, по мнению О. Есперсена не что иное, как попытку создания фонетической транскрипции, а самого Харта считает первым английским фонетистом [11, с. 22]. Дж. Харт не только предложил продуманную реформу орфографии, но и пролил свет на реальное произношение ранней елизаветинской эпохи [14, с. 115-126].

Крупной фигурой в борьбе за реформу английской орфографии был и младший современник Дж. Харта Александр Гилл. Если для Харта работа над сочинениями по орфографии и произношению была лишь одним из аспектов его деятельности, результатом его общения с представителями двора и высшего общества, то для А. Гилла – ученого-педагога – нормализаторская деятельность была неотъемлемой частью его жизни. В своей книге «*Logonomia Anglica*» (1621) он обобщил свой обширный педагогический опыт и учил правильному с его точки зрения «научному» произношению и правописанию: его требования были более консервативны, хотя его «*Logonomia*» увидела свет четверть века спустя после публикаций Дж. Харта.

А. Гилл, высоко оценивая любые, даже неудачные с его точки зрения, попытки своих предшественников привести в соответствие произношение и правописание, обвиняет Дж. Харта в стремлении к «модному», аффективному произношению, произношению «*Morsae*», которое он неоднократно и настойчиво называет неверным, утрированным. Между тем, как это явствует из текста его книги, словом «*Morsae*» (буквально:

«швабры») А. Гилл называет женщин – матерей своих учеников; их произношение он считает аффектированным и манерным [9, с. XII-XIII].

Ученики Гилла – ученики привилегированной Сент-Полз-Скул, были детьми людей знатных, представителей высшего общества. Таким образом, критика в адрес Дж. Харта оборачивается похвалой: она свидетельствует, по существу о том, что Харт выполнил стоявшую перед ним задачу и точно показал произношение высших слоев общества своего времени (той его части, которая не получила классического образования).

Список литературы

1. Баранникова Л.И. К вопросу о соответствии стихийных и сознательно регулируемых процессов в развитии национального языка и его отношении с диалектами. // Язык и общество. Саратов, 1964. С. 8-14.
2. Гухман М.М. Некоторые общие закономерности формирования и развития национальных языков // Вопросы формирования и развития национальных языков. М., 1960. С. 295-307.
3. Тревельян Д.М. Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М., 1959. 607 с.
4. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. VII. Социоллингвистика. С. 441-472. 35,453-454] 6
5. Bogenschneider H.-J. Die Englische Lautentwicklung in 17. Jahrhundert nach den Briefen der Familie Verney. Berlin, 1936. 108 S.
6. Danielsson B. John Hart's Works on English Orthography and Pronunciation (1551, 1569, 1570). Stockholm, 1955. Pt. 1. 213 p.
7. Dobson E.J. Early Modern Standard English // Approaches to English Historical Linguistics: an Anthology / Ed. by R. Lass. P. 419-439.
8. Ellis A. On Early English Pronunciation. London, 1869-1889. Pt. 1-5.
9. Gill A. Logonomia Anglica. 1619 // Alexander Gill's "Logonomia Anglica" (1619) / B. Danielsson, A. Gabrielson. Pt. I. 241 p.
10. Gimson A.C. An Introduction to the Pronunciation of English. Habana, 1975. 294 p.
11. Jespersen O. John Hart's Pronunciation of English // Anglistische Forschungen. Heidelberg, 1907. H. 22. 123 p.
12. Koekeritz H. John Hart and Early Standard English // The Malone Anniversary Studies / ed. by Th. A. Kirby and H. B. Woolf. Baltimore, 1949. P. 239-248.
13. Koekeritz H. Review of Danielsson B. J. Hart's Works, Pt. I // Studia Neophilologica. 1956. Vol. 28. P. 60-66.
14. Suárez S. D. The English Spelling Reform in the Light of the Works of Richard Mulcaster and John Hart // Sederi – Spanish and Portugies Society for English Renaissance Studies 7, 1996. P. 115-126. [Электронный ресурс: http://sederi.org/yb_07.htm]. Последнее обращение 09.01.2016.
15. Subbiondo J.Z. William Holder's "Elements of Speech (1669)": a Study of Applied English Phonetics and Speech Therapy // Lingua (Amsterdam), 1978. Vol. 46, # 2/3. P. 169-184.
16. Zins H. Stosunek aristokracji angielskiej do studio uniwersyteckich w epoce Odrodzenia // Studia z dziejow epoki Renesansce / Pod red. H. Zinsa. Warszawa, 1979. S. 11-19

ДУХ СВЯТОЙ В ПРОЗЕ СЭЛИНДЖЕРА: ПОЭТИКА РАССКАЗА «ПЕРЕД САМОЙ ВОЙНОЙ С ЭСКИМОСАМИ» (ЭСКИЗ)

Щербак Н.Ф.

Санкт-Петербургский государственный университет, г.Санкт-Петербург

Целью данной статьи является анализ рассказа Сэлинджера «Перед самой войной с эскимосами». Применяемый метод исследования обозначен нами как структурно-семантический анализ. В статье также используются некоторые положения метафизики Ж. Делеза, которые нашли отражение в книге «Различие-повторение» [1], анализируются в научных работах по теории искусства поставангарда [2, с. 54-70].

«Перед самой войной с эскимосами» входит в цикл «9 рассказов», которые строятся по принципу нарушения привычной схемы причинно-следственных связей. Результаты известного анализа рассказов Сэлинджера И.Л. Галинской показывают, что основой цикла является дзэнский коан «Одна рука», который, среди прочих загадок-коанов, был выработан дзэнскими проповедниками с целью пробуждения в учениках интуиции,

перехода от формально-логического мышления к поэтически-ассоциативному. По мнению исследователя, объединяя девять рассказов в одну книгу, Сэлинджер обобщенно воспроизводит эмоциональный, психический, духовный строй человеческого индивида, отражая основную гамму людских настроений, переживаний, страстей, то есть уподобляет произведение искусства органической природе (а в терминах древнеиндийской философии — «девятивратному граду») [3]. Некоторые критики усматривают в рассказах лишь «историю неизбывного отчаяния», «мучительных духовных тупиках, которыми полна жизнь современной Америки» [4, с.299]. Древнеиндийская трактовка намного более продуктивна, так как указывает, прежде всего, на структурную особенность прозы Сэлинджера, предпочтение им зеркально-изоморфной формы, сопоставление несопоставимых событий, уподобление художественного произведения природе и естественным законам, неподвластным человеческому познанию [3].

Как отмечает У.Эко, «для философии дзэн характерна принципиально антиинтеллектуалистская позиция, решительное принятие жизни во всей ее непосредственности, без какого-либо стремления привнести в нее какие-то объяснения, которые сделали бы ее косной и попросту убили бы ее, не давая нам возможности постичь ее в ее свободном течении, в ее позитивной прерывности» [5, с. 241]. Философия дзэн начинает интересовать Сэлинджера после войны (именно тогда и печатается рассказ). Послевоенное время отмечено полным упадком сил и надежд. Сэлинджер пишет рассказ не столько с желанием уловить дух эпохи. Философия дзэн – попытка ухода от действительности, для самого Сэлинджера — один из способов преодолеть психическое расстройство, которым он страдает после того как лично участвует в военных действиях. В конце войны Сэлинджер оказывается в Нормандии. В апреле 1945 года он был среди тех, кто освободил Кауферинг, одно из отделений лагеря смерти Дахау. Увиденное оказалось последней каплей для штаб-сержанта Сэлинджера, участвовавшего в пяти крупных операциях. После капитуляции Германии он оказался в госпитале с нервным заболеванием.

Действие рассказа «Перед самой войной с эскимосами» происходит в мае 1945 г., сразу после окончания войны. Джинни с недовольством сообщает своей знакомой Селине, что она не хочет больше оплачивать такси самостоятельно. Селина возражает, ссылаясь на то, что она частенько приносит теннисные мячи. Джинни настаивает на денежной компенсации. Следующая сцена разыгрывается в гостинице. Джинни разговаривает с Фрэнклином, который с детства страдает болезнью сердца. В армии он не служил, все военные годы работал на авиационном заводе. Теперь родители хотят, чтобы сын завершил образование, но сам он считает, что возвращаться в колледж ему уже поздно. Из разговора Джинни выясняет, что Фрэнклин безответно влюблен в ее старшую сестру, которая собирается замуж. Полагая, что девушка после тенниса проголодалась, Фрэнклин, уходя из гостиницы, дает ей сэндвич с курицей. Когда же Селина спустя какое-то время приносит деньги, Джинни отказывается их брать под предлогом того, что Селина приносила на тренировку мячи, не требуя никакой компенсации.

По словам И. Галинской «поэтическое настроение рассказа — сострадание: «скрытый смысл чувствуется непосредственно одновременно с буквальным». Исследователь также отмечает, что прием параллелизма прост: в гостинице, в промежутке между возвращением Селины и уходом Фрэнклина, появляется приятель последнего Эрик, который в ожидании товарища рассказывает Джинни о бездомном писателе, которого он, пожалев, приютил у себя и познакомил с нужными людьми. А кончилось все тем, что новый друг обокрал своего благодетеля и скрылся. Суть параллели в том, что движение чувств у Джинни к Селине и Фрэнклину идет от обиды к состраданию, а во вставном эпизоде чувства движутся в обратном порядке — от сострадания к обиде» [3].

На наш взгляд, структура данного рассказа намного более показательна и вовсе не столь проста. Неслучайно, фактически интуитивно Дж. Брайн пишет об образе Христа в лице Франклина [6], а К. Славенски акцентирует, что это «экзистенциальный по сути рассказ, посвященный спасению Джинни Мэннокс от одолевшего ее отчуждения», который «можно рассматривать как притчу, в которой отражены духовные искания автора, ищущего избавления от депрессии», «первый за три года рассказ Сэлинджера, в котором главный герой меняется в лучшую сторону» [4, с. 200]. Зеркальная изоморфность, которая лежит в основе структуры рассказа, это не просто композиционный прием или эстетическое средство, а неотъемлемый компонент смысла, который скупulously и дотошно выстроен автором на всех возможных уровнях.

Символика и семантика зеркала подробно исследовалась. Для Бахтина зеркало является способом самопознания героя через свое отражение [7]. Другие исследователи рассматривают зеркало как границу между «своим»-«чужим», «живым»-«мертвым» мирами, «внешним»-«внутренним» [8]. Организация художественных произведений В. Набокова, например, часто рассматривается как основанная на идее двоемирия, на противопоставлении взаимоотражающих миров [9]. Зеркало, таким образом, в художественных произведениях обозначает и образ-предмет, и прием, и симметричность композиции. Если для одних авторов постмодернистов, например, для Набокова, в большей степени характерен принцип зеркальности или «палиндрома» на уровне

семантики и композиционной организации, то есть бесконечная игра звуков, однокоренных «слов-кентавров», при которой возникает эффект «семантических качелей» (одновременная актуализация ряда смыслов); существование нескольких топосов, несопоставимых миров [10], то для Сэлинджера подобная зеркальная изоморфность лежит в основе композиции и, что наиболее отчетливо отличает его прозу, проявляется на уровне как семантики (часто фоно-семантики), так и на синтаксическом, прагматическом уровнях.

Следует отметить, что особо релевантным для нашего анализа является положение известного теоретика постмодернизма Ж. Делеза в отношении оппозиции «различие-повторение». «Различие и повторение» провозглашает критику «репрезентации» — традиционного философского знания, основанного на наличии познаваемого объекта, но не способного воспринимать мир в его потоке и становлении. Задачами Ж. Делеза были, среди прочих, а) выход за пределы репрезентации; б) утверждение понятия различия без традиционных тождества, отрицания, оппозиции и противоречия; в) открытие нового позитивного понятия повторения как повторения различия [1]. Делез разрабатывал метафизику, в которой множественность заменяла субстанцию, событие — сущность, а виртуальное — возможное. Различие актуализируется в сериях повторений и определяется ими: повторение есть различающее изменение серий, не повторение одного и того же (x, x, x...), а серия различий (x', x'', x'''...) [11]. Повторение для себя есть повторение, утверждение и воспроизводство различия, возвращение различающего генетического условия в реальном опыте. Повторение не может быть объяснено через репрезентацию, оно есть повторение для себя [12], [13]. Подобная трактовка различия-повторения реализуется Делезом и в других работах. Так философ обращает внимание на образ-кристалл (кристалл-время) [13]. Как отмечал Ф. Зурабишвили, понятие кристалла является перекрестьем и синтезом всех понятий делёзовской философии [14]. Кристалл — это структура, которая конституируется через двойственный образ, содержащий актуальные и виртуальные элементы. «Когда виртуальный образ становится актуальным, тогда он хорошо видим, как в зеркале, и прозрачен, подобно твердости завершённого кристалла. Актуальный образ становится виртуальным, отсылается прочь, невидимый, тусклый, мрачный, как кристалл, едва выкопанный из земли» [14, с. 95]. Кристалл — выражение, идущее от зеркала (прозрачного) к зародышу. «Это одно и то же круговращение, которое проходит через три фигуры, актуальное и виртуальное, прозрачное и непрозрачное, зародыш и среда. На самом деле, с одной стороны, зародыш — это виртуальный образ, который будет проводить кристаллизацию среды актуально аморфной; но, с другой стороны, сама среда должна обладать структурой, способной к кристаллизации, по отношению к которой зародыш играет теперь роль актуального образа» [14, с. 100]. Сходной функцией является и образ мембраны, которая ставит под вопрос биполярную модель «внутреннее – внешнее», замещает ее топологическим отношением, где каждая точка технической и жизненной среды соответствует самой себе и любой другой точке этих сред. Мембрана представляет собой также точку разделения времени, место, где разделяются прошлое и будущее [15], [16].

Данные положения, на наш взгляд, крайне важны при анализе прозы Сэлинджера. В рассказе «Перед самой войной с эскимосами» в равной степени присутствуют мотивы «обиды» или «сострадания», отмеченные И. Галинской, как и отсутствуют. Нет в нем и особого динамизма в развитии отношения главных героев к ситуации, кроме неожиданного решения Джинни не брать деньги. Что же есть? Присутствует, на наш взгляд, бесконечное множество зеркальных повторов, которые создают «кристаллическую форму», которая в силу своей структуры стремится к центру. Центром является дом Селены, куда героиня Джинни, в результате длительных переговоров, и стремиться прийти вновь, задавая вопрос в конце рассказа *I'll call you later!* («так я попозже позвоню тебе?»). В этом доме и происходит встреча, актуализируются виртуальные и актуальные миры. Холод отчуждения, свойственный героям, вернее жизненным ситуациями, на которые они жалуются («подруга не платит деньги» — жалоба Джинни, «мать больна» — жалоба Селины, «знакомый обманул» — жалоба Эрика, «до крови поранил палец» — жалоба Фрэнклина) как будто и удерживает рассказ в его кристаллической структуре.

Помимо вышеперечисленного параллелизма на уровне композиции, в рассказе присутствует мастерски написанные диалоги, которые, при ближайшем рассмотрении, оказываются примечательным с точки зрения повторов в рамках самого диалога, например, в первом из них присутствуют многочисленные эхо элементы. Обратимся к тексту, сделав оговорку что под эхо элементами в данной статье мы понимаем переспросы типа *what?* (имеющие в английском языке контактно-образующую функцию), эхо-вопросы типа *can't it wait* (подразумевающие, что говорящий услышит утвердительный ответ и т. д.):

Обращение: "Hey, Selena": . . . Переспрос. Жалоба: "What? I can't find the cover to my racket!" she moaned. Уточнение (ответ на жалобу), снова обращение: "You put it in your pocket," Ginnie said. "Hey, listen-". Благодарность: "Oh, God! You've saved my life!" Снова Обращение: "Listen," said Ginnie, who wanted no part of Selena's gratitude. Снова Переспрос: "What?" Снова Жалоба: "I don't feel like getting stuck for the whole cab fare again today," she said. "I'm no millionaire, ya know." Эхо вопрос: скрытое утверждение, оправдание, снова ответ на

жалобу: "Don't I always pay half?" she asked innocently. Утверждение, Снова жалоба (обрыв фразы): "Your father makes them or something," she said. "They don't cost you anything. I have to pay for every single little--" [17].

В русском переводе: – Слушай, Селина... – Что? – Никак не найду чехла от ракетки! – проняла она. – Он у тебя в кармане, – сказала Джинни. – Эй, послушай-ка... – О, господи! Ты спасла мне жизнь! – Слушай, – повторила Джинни, не желавшая от Селины никакой благодарности за что бы там ни было. – Ну что? – Мне это не светит — опять выкладывать все деньги за такси одной, — объявила Джинни. — Я, знаешь ли, не миллионерша. — Но ведь я всегда плачу половину, скажешь нет? — спросила она самым невинным тоном. — Нет, — отрезала Джинни. — Ты заплатила половину в первую субботу, где-то в начале прошлого месяца. А с тех пор — ни разу. Я не хочу зажиматься, но, по правде говоря, мне выдают всего четыре пятьдесят в неделю. И из них я должна... [18].

Первый диалог между героинями сплошь состоит из зеркальных повторов, синтаксических и прагматических (вопрос-ответ, вопрос-ответ; обращение — переспрос, жалоба, повторное обращение, снова переспрос; эхо-вопрос, эхо-ответ, согласие; попытка говорить на другую тему-попытка поддержать другую тему), функция которых, в соответствии с правилами вежливости, заключается в поддержание разговора: один герой говорит, второй отвечает, один герой не понимает, другой — уточняет. Повторение заключается в многократном дублировании прагматического значения. Герои не то, чтобы не хотят говорить друг с другом, напротив, каждый из них делает все, чтобы поддержать разговор. Создаваемый эффект в некотором смысле похож на эффект отсутствия действия в пьесах Чехова, в которых, собственно, ничего и не происходит. Действие у Сэлинджера (если принять во внимание тот факт, что диалог, то есть устная речь занимает большую часть рассказа) заключается лишь в том, что герои поговорили о событиях повседневной жизни, рассказали друг другу свои печальные истории, при этом, находясь в некоторой, неярко выраженной внутренней оппозиции друг к другу. Важным становится самодостаточность разговора, процесс поддержания разговора, в котором виртуальные образы прошлых событий становятся актуальными в момент речи.

Сходное соотнесение виртуального и актуального представляет собой и название рассказа, в данном случае реализующее идею бесконечности времени: собственно рассказ Сэлинджера написан сразу после войны, действие же рассказа происходит «перед самой войной с эскимосами». Подобное одновременное сосуществование разных пространственно-временных субсистем открывает возможность виртуального, замыкает систему пространственно-временных координат.

Помимо серийности зеркального повтора, отображенного в диалогах, бесконечности временных рамок в рассказе присутствует и, казалось бы, незначительное событие, которое, однако, полностью переворачивает мировоззрение Джинни и является основной доминантой повествования. Фрэнклин буквально «сует» Джинни сэндвич с курицей, который она сперва даже не хочет брать. Насколько значимо это событие (то есть, в терминологии Шмидта, ситуация, которая полностью меняет мировоззрение героя) [19], мы узнаем несколько позднее. Джинни, неожиданно для Селины, перестает требовать деньги: то, что она так рьяно просила в начале рассказа, вдруг перестает быть актуальным. А заканчивается рассказ неким ярким разрешением, подтверждением как нового «состояния» Джинни, так и важности события, эпизода с курицей. Выйдя на улицу и опустив руку в карман пальто, чтобы достать кошелек, Джинни находит сэндвич Фрэнклина. Она хочет его выбросить, но почему-то не может этого сделать: she reached into her coat pocket for her purse and found the sandwich half. She took it out and started to bring her arm down, to drop the sandwich into the street, but instead she put it back into her pocket [17]: «Джинни вынула сандвич и опустила было руку, чтобы бросить его здесь же, на улице, но потом засунула обратно в карман» [18].

Она вспоминает, что несколько лет назад ей понадобилось три дня, чтобы заставить себя выбросить пасхального цыпленка, которого она нашла мертвым в опилках, на дне своей корзины для бумаг: a few years before, it had taken her three days to dispose of the Easter chick she had found dead on the sawdust in the bottom of her wastebasket [17]: «За несколько лет перед тем она три дня не могла набраться духу и выкинуть подаренного ей на пасху цыпленка, которого обнаружила, уже дохлого, на опилках в своей мусорной корзинке» [18].

Итог рассказа, таким образом, подтверждает, что событие было значимым, так как именно эту деталь автор отчетливо акцентирует. К. Славенски интерпретирует рассказ как «уход по-детски чистой веры», которую Франклин главной героини «вновь дарит» [4, с.200]. Финал рассказа в свою очередь являет собой серию повторов, которые актуализируют различие: поведение героини в схожих ситуациях различна: в первом случае она хотела что-то сделать, но не сделала, во втором — хотела что-то сделать, и через какое-то время сделала. Событийность в данном случае и есть различие, новое осмысление.

Особо важным для понимания рассказа становится чуткость автора в отношении к звуку, его различным нюансам и трансформациям. Звуковая волна является важной метафорой в каждом из рассказов. В первом рассказе цикла «Хорошо ловится рыбка-бананка» — это щелчок пистолета; фраза fired a bullet through his right

temple («пустил себе пуля в правый висок») позволяет читателю фактически услышать выстрел, ощутить финальный момент. В последнем рассказе цикла финальная фраза это—описание эха, сопровождающего крик девочки, в тексте: *he heard an all-piercing, sustained scream--clearly coming from a small, female child. It was highly acoustical, as though it were reverberating within four tiled walls* [17]: «он уже почти спустился с трапа, как вдруг услышал долгий пронзительный крик, – так могла кричать только маленькая девочка. Он все звучал и звучал, будто метался меж кафельных стен» [18].

В рассказе «Перед самой войной с эскимосами» это — неслышимый (не реализованный в тексте эксплицитно) звук ударов теннисного мячика, который создает некий звуковой «фантом», виртуальный «удар—отскок» усиливает иллюзию гулкости, делает звук объемным.

Многократны в тексте и другие формы реализации звуковой составляющей мира, которые особо заметны на фоне молчания главных героев. В «Перед самой войной с эскимосами» Джинни несколько раз берет «паузу», молчит, медлит с ответной репликой, при этом слышны и «громкий голос», и «просительные нотки» Фрэнклина; во время беседы Селины с Джинни неожиданно повисает молчание: *in hostile silence, the girls stared out of opposite windows* [17]: «девочки смотрели каждая в свое окно и враждебно молчали» [18]; в одном из эпизодов автор уточняет, что Эрику было трудно говорить, и у него не хватало дыхания, чтобы издавать звуки: *as if he were altogether too tired to put any diaphragm breath into his words* [17]: «он говорил горловым, сдавленным голосом, словно был слишком утомлен, чтобы произносить слова на обычном диафрагмальном дыхании» [18]. Подобный контраст звучания и молчания создает особое звуковое пространство, в котором голоса и реплики героев слышны на фоне внезапных пауз и тишины. Следует отметить, что сам Сэлинджер был исключительно чуток к звуку и шумам. В одном из писем к Уне О'Нил он неоднократно упоминал о тех ужасах, которые не только видел, но и слышал на войне, и которые ему вновь мерещились уже по возвращении домой («грохот вдруг смолк, и все кончилось, я не могу привыкнуть к тишине», «я разучился ходить по улицам, не вздрагивая от малейшего шума», «самым ужасным был шум») [20, с.242-254].

Другой особенностью рассказа становится реализация разных форм восприятия, познания героями действительности, а) тактильной: Эрик гладит пальто Джинни и говорит о качестве шерсти; в тексте *"I love your coat," he said, already out of his chair. He crossed over and took the lapel of Ginie's polo coat between his fingers. "It's lovely. It's the first really good camel's hair I've seen since the war* [17]: «у вас прелестное пальто, – сказал он, поднявшись с кресла. Подойдя к Джинни, он взялся за отворот ее пальто и потер его между пальцами. – Прелесть какая. Первый раз после войны вижу качественную верблюжью шерсть [18]; б) посредством обоняния: Фрэнклин затягивается сигаретой: *tilting his head back, he slowly released an enormous quantity of smoke from his mouth and drew it up through his nostrils* [17]: «запрокинув голову, он медленно выпустил изо рта целое облако дыма и стал втягивать его носом» [18]; в) зрительного восприятия: Джинни оглядывает комнату, отрицательно ее оценивая: *She looked around the room, mentally rearranging furniture, throwing out table lamps, removing artificial flowers. In her opinion, it was an altogether hideous room--expensive but cheesy* [17]: «принялась разглядывать комнату, мысленно переставляя мебель, выбрасывая настольные лампы и искусственные цветы. Обстановка была, на ее взгляд, отвратная: дорогая, но совершенно безвкусная» [18]. Таким образом, создается эффект «оживания» текста: в достаточно жесткую структуру рассказа (композиция, сюжет, события) вживляются фрагменты реального опыта человеческого восприятия, составляя с ним единое целое.

Повествование замкнуто на собственной структуре. Сращивание кристаллообразной, зеркально-изоморфной структуры рассказа и фрагментов реального опыта чувств и ощущений героев создают собственное даже не «изображение», как пишет И. Галинская, а «живую, звуковую тень рисунка», которая позволяет не трактовать события, а создает особое настроение, ощущение у читателя. В этом смысле забавно замечание известного теоретика постмодернизма Хассана в отношении того, что в постмодернистской литературе место «Бога-отца» занимает «дух-святой» [21]. Основной смысл, действительно, таится где-то вне слов и понятий, вне сюжетной линии или композиции, проступает вместе со структурой, как будто даже помимо воли автора. Нарочитая простота, минимальная лексическая загруженность, отсутствие явных причинно-следственных связей создают ощущение «транса», которое заставляет перечитывать рассказ вновь и вновь в попытке найти точную интерпретацию. В некотором смысле это созвучно прочтению Библии, которая узнается, познается лишь при внутренней работе, новые смыслы возникают путем многократного чтения, осознания собственных ошибок, и так далее. По иронии судьбы, пожалуй, в одном из самых грустных рассказов Сэлинджера о судьбе весьма несчастных людей и возникает это ощущение потустороннего, иного присутствия. Серия повторений дает ощущение «различия», понимания, как пристальное внимание к ситуации дает новые возможности решений и действий.

Список литературы

1. Делез, Ж. Различие и повторение. СПб: Петрополис, 1998. – 384 с.
2. Лаврова С.В. Логика смысла Новой музыки. Опыт структурно-семантического анализа на примере творчества Х.Лахенманна и С.Шаррино. СПб: СПбГУ, 2013
3. Галинская, И.Л. Загадки известных книг. Тайнопись Сэлинджера. Шифры Михаила Булгакова. М.: Издательство «Наука», 1986.
4. Славенски, К. Дж.Д.Сэлинджер: идя через рожь. М.: Колибри, 2010.
5. Эко, У. Открытое произведение. СПб: Академический проект, 2004
6. Вryan, James E. "J. D. Salinger: The Fat Lady and the Chicken Sandwich." *College English*, Vol. 23, No. 3. 1961. P. 226-229.
7. Бахтин, М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин. — М., 2002.
8. Вулис, А. Зеркала / А. Вулис. — М., 2002.
9. Заболотная, О.Д. Система энантноморфизма в творчестве В.В. Набокова. Автореф. дис... кандидата филолог. Наук / О. Д. Заболотная. МПГУ, М., 2003.
10. Лаврова С.В., Щербак Н.Ф. Выразимые и невыразимые элементы музыкального и литературных языков. Роман «Ада» Владимира Набокова и Новая Музыка. СПб: Вестник СПбГУ Сер. 15., Вып.2, 2015. С. 19-33.
11. Williams, James. *Difference and Repetition // The Cambridge companion to Deleuze / Daniel Smith, Henry Somers-Hall (eds.)*. — Cambridge.: University Press, 2012. — P. 33—54. — ISBN 978-0-521-17571-5.
12. Hughes, Joe. *Deleuze`s Difference and Repetition. A Reader`s Guide*. — N.Y.; L.: Continuum, 2009. — ISBN 0-8264-2112-1.
13. Deleuze, G/ *Cinema 2, L`Image-temps*, Les Editions de Minuit, Paris. 1985.
14. Zourabichvili F. *Le vocabulaire de Deleuze*. P.: Ellipses, 2003. P. 20.
15. Simondon G. *L`individuation à la lumière des notions de forme et d`information*. Grenoble: G r me Millon, 2005. Pp. 39–57.
16. Сколин Д. Мембрана и жизнь в складках: Жильбер Симондон и Жиль Делез. URL: <http://morebo.ru/tema/kritika/item/мембрана-и-жизнь-в-складках-жильбер-симондон-и-жиль-делёз>. Дата обращения: 25.01.2016
17. Salinger, J.D. *Nine stories*. URL: http://engl262g-gleason.wikispaces.umb.edu/file/view/Nine_Stories_by_J_D_Salinger.pdf. Дата обращения 27.01.2015
18. Сэлинджер, Дж. Девять рассказов. URL: http://www.100bestbooks.ru/files/Selindzher_Devyat_rasskazov.pdf. Дата обращения 27.01.2015
19. Шмидт, В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003
20. Бегбедер, Ф. Уна и Сэлинджер. СПб: Азбука, 2015
21. Hassan, I. "Toward a Concept of Postmodernism" in *The Postmodern Turn: Essays In Postmodern Theory And Culture* by Ihab Hassan. Ohio State University Press, 1987

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПО ПРИНЦИПУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОСТИ И ПЕРСОНАЛЬНОСТИ

Петрухина О.П.

Хакасский государственный университет им Н.Ф. Катанова, г.Абакан

Одной из основных точек пересечения в концептуальном аппарате рассматриваемых теорий дискурса является вопрос о категоризации политического дискурса по критерию институциональности / персональности.

Так как дискурс – это вид деятельности, в которой отражено богатство реальных ситуаций, то есть личности коммуникантов и их социальные статусы, представляется необходимым изучение ряда прагмалингвистических и социолингвистических категорий. В. И. Карасик выделяет «статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики участников общения, включая условия и способы общения» [6:187]. Учёт социальных статусов коммуникантов позволяет противопоставить личностный дискурс, связанный с личностно-ориентированным общением, и институциональный дискурс, связанный со статусно-ориентированным общением. В первом случае говорящий выступает как личность во всём богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определённого социального института. В институциональном дискурсе, как считает учёный, говорит не «я», а «институциональный голос», связанный с

должностью или ролью.

Понятие персонального / институционального дискурса является неким «сверхжанром» по отношению к жанрам в традиционном понимании. Если жанр – это некоторый устойчивый тип высказывания, прагматическая и функциональная сущность которого определяется контекстом ситуации, то представления о персональном / институциональном дискурсе – это два положения, которые помогают сгруппировать объективно существующие жанры по важному критерию.

Как отмечает В.И. Карасик, выделение персонального и институционального дискурса – всего лишь исследовательский приём, отражающий специфику поля взаимодействия, его участников и знаковые особенности текста, так как в реальности мы редко сталкиваемся с абсолютно обезличенным дискурсом. «Для каждого вида институционального дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами» [4:11]. Пользуясь понятием персонального/ институционального дискурса, как исследовательским приёмом, рассмотрим каждое из них.

В современной лингвистике понятие институционального дискурса получило достаточное обоснование в работах Р. Водак [2], В. И. Карасика [3,4,5]; М. Эгера [9]; Н. Фэарклоф [10] и др. Специфика институционального дискурса связывается с определёнными функциями людей [1], сооружениями, построенными для выполнения этих функций, общественными ритуалами, поведенческими стереотипами, мифологемами и текстами, производимыми в этом социальном образовании [5].

Как и всякий другой, политический дискурс имеет полевое строение. Отмечая тот факт, что политика как специфическая сфера человеческой деятельности по своей природе является совокупностью речевых действий, в центре обозначенного полевого строения находятся те жанры, которые способствуют основному назначению политического дискурса – борьбе за сохранение и укрепление власти, например, парламентские дебаты, речи политических деятелей, голосование. В периферийных жанрах основная функция и характеристика политического дискурса переплетаются с функциями и характеристиками других видов дискурса в пределах одного текста.

Данная статья, в которой исследуется языковая личность Т. Блэра, не претендует на полноту описания жанров всего политического дискурса. В качестве основных жанров, вслед за Е. И. Шейгал [8:26], мы назовём: интервью с политиком, пресс-конференцию, политический документ (текст к закону, брошюры), заявление, проблемную аналитическую статью, публичную речь политика. Не все выделяемые жанры для нашего исследования относятся к институциональному дискурсу, и единственным институциональным дискурсом может выступать политический документ. Все остальные жанры могут быть прототипично институциональными в зависимости от должности и позиций, занимаемыми политиком в порождённом тексте.

В персональном дискурсе, как говорилось выше, языковая личность выступает во всем многообразии своей индивидуальности. Композиционно-речевой формой является рассуждение, то есть вербальное выражение мыслей и чувств говорящего, определение некоторых явлений, имеющих отношение к внешнему или внутреннему миру человека. Одним из качеств персонального дискурса является опора на активное осмысление содержания речи со стороны адресата, которое зависит от конкретной ситуации общения.

Исследуя речи бывшего премьер-министра Великобритании Т. Блэра, мы пришли к заключению, что в персональном дискурсе политика, а именно, в относящихся к нему жанрах, Блэр выступает от своего имени. Ему отводится роль отправителя речевого сообщения, а аудитории – роль получателя информации.

Выделение персонального и институционального типов дискурса, по словам В. И. Карасика, ставит перед лингвистами много вопросов. Сам автор считает, что такое выделение «позволяет установить релевантные признаки социокультурных ситуаций общения, типов коммуникативных личностей и способов организации текста...» [4:19].

Подход к анализу дискурса с данной точки зрения нам представляется весьма продуктивным, хотя строгое противопоставление «персональный / институциональный дискурс» частично нейтрализуется в парадигме исследуемой языковой личности, так как коммуникативное поведение Т. Блэра является характерным признаком именно его языковой личности. В нашем исследовании нет строгой границы между персональным и институциональным дискурсом, так как в примерах есть случаи, когда Т. Блэр оперирует явными перформативами и пытается выйти из рамок институциональности. И, наоборот, осуществляя коммуникативную деятельность в рамках занимаемой должности главы Кабинета, исследуемая языковая личность не могла не проявить личностные элементы в таких сложных вопросах, как ведение переговоров.

Рассмотрим пример, когда интервью с Т. Блэром, будучи институциональным дискурсом, в зависимости от должности премьер-министра и позиции, занимаемыми политиком в порождённом тексте, может включать в себя характеристики персонального дискурса и быть прототипично персональным:

Frost: and how do you deal with that problem of that problem which you rightly mentioned of the way some of the

strongest elements of the press are ranged against this policy on Europe I mean . the Murdoch press the Telegraph group, the Mail Group I mean right there you have a huge preponderance e:m how to does that affect your policy making or does it just affect your policy presentation or does it just the fact that you don't read those papers?

Blair: [laughs] no it means that you've got to go over their heads to large extent . and and reach the people . and let's have an honest debate . about the euro I mean before Christmas we had some of the most ludicrous stories about what Europe was planning to do with our taxes and our lifestyle and all the rest of it there is a big big question . about British's future . and the future direction of the country and . I believe that Britain cannot stand apart from Europe Britain has got to be part of Europe, I believe that . as I say the test on the euro is that it has to be . in our national economic interest . but what we cannot do . is stand aside as a matter of principle [10: 100-101].

Данный отрывок – яркий пример того, как политик выступает в многообразии своей индивидуальности. Интервьюер и интервьюируемый используют те языковые средства, в результате которых появляется ощущение того, что участники хорошо знают друг друга, и поэтому общаются на сокращенной дистанции (игра в «персональность»). Заметим, как Т. Блэр реагирует на шутку интервьюера, который использовал ее в вопросе – does it just the fact that you don't read those papers? Вербальное общение может дополняться невербальным в атмосфере доверительности. Отвечая на вопрос интервьюера, политик использует выражения “you've got to” (должен), “all the rest of it” (и всё прочее), являющиеся неофициальными эквивалентами выражениям “one has to”, “etcetera” повседневной разговорной речи.

Важные проблемы, которые должны решаться Европейским содружеством, выстроены в речи Т. Блэра в одну линию “taxes, lifestyle and all the rest of it”, (налоги, образ жизни и всё прочее). Характеристикой разговорной речи в примере служит также предложение: “I mean before Christmas we had some of the most ludicrous stories about what Europe was planning to do with our taxes and our lifestyle and all the rest of it”, являющееся характерной чертой его стиля и использующееся для поддержания живого интереса слушателей. Кроме того, слово ludicrous не соответствует политическому термину и выходит за рамки жанра интервью с политиком. Интервью становится похожим больше на разговор на бытовую тему, а не на политическую речь, в котором должно происходить профессиональное общение между интервьюером и политиком, а также должны решаться важные вопросы.

Но, одновременно с этим, Т. Блэр переходит к обсуждению серьезных проблем с позиции своей должности. Он перераспределяет роли и задачи: интервьюеру следует обсуждать, что пишут газеты, политику – четко представлять сложившуюся ситуацию. Блэр не забывает навязать дискурс власти (характеристика институционального дискурса) и сказать о том, что он не отделяет Великобританию от Европы, используя экспрессивы – “I believe that Britain cannot stand apart from Europe, Britain has got to be part of Europe”. В данном случае получается, что характеристики персонального и институционального дискурса могут выделяться в одном речевом жанре, следовательно, разграничение персонального и институционального дискурса не является строгим и носит диалектический характер.

Языковая личность будет более или менее узнаваема в любом жанре в силу внутренней целостности человека, не допускающей как «чистой институциональности», так и «чистой персональности» [7:70]. На основе теоретических положений, рассматриваемых выше, и фрагмента интервью можно с достаточной определенностью сказать, что жанр речи политика может включать характеристики как персонального дискурса, так и институционального, или наоборот. Диалектический характер институционального и персонального в дискурсе Т. Блэра является дополнительным способом его жанровой характеристики и позволяет отделить личностные аргументативные стратегии от институционально-обусловленных.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров [Текст] / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1986. – 432 с.
2. Водак, Р. Критический анализ дискурса: политическая риторика [Текст] / Р. Водак // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 57 – 65.
3. Карасик, В.И. О категориях дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. научн. тр. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 185 – 196.
4. Карасик, В.И. О типах дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград : Перемена, 2000а. – С. 5 – 20.
5. Карасик, В.И. Структура институционального дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: изд-во Саратовского ун-та. – 2000б. – С. 25 – 33.
6. Карасик, В.И. Язык социального статуса [Текст] / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.
7. Мордовин, А.Ю. Аргументативные стратегии языковой личности североамериканского политика (на материале дискурса Г. Киссинджера) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. Ю. Мордовин. –

- Иркутск: ИГЛУ, 2004. – 239 с.
8. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
 9. Agar, M. Institutional Discourse / M. Agar [Text] // Text 5. – Berlin, N.-Y., Amsterdam: Mouton Publishers, 1995. – № 3. – P. 147 – 168.
 10. Fairclough, N.L. New Labour, New Language? [Text] / N. L. Fairclough. – London, New York: Routledge, 2003. – 178 p.

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Кисина Д.Г.

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова, г. Санкт-Петербург

Являясь единицей одного из самых высокоположенных языковых уровней в своей иерархии, словосочетание как таковое относится к числу наименее проработанных понятий, несмотря на то, что изучение синтаксиса в целом и словосочетания в частности имеет свою давнюю историю. Существует предположение, что аранжировка смыслов может происходить уже на уровне словосочетания, поэтому представляется целесообразным рассмотреть основные взгляды зарубежных лингвистов на эту проблему. Особенностью учения о словосочетании в зарубежной лингвистике является изрядная терминологическая неопределенность. На протяжении всей истории изучения синтаксиса лингвисты расходились во мнении относительно наиболее подходящего наименования этой единицы, используя такие термины как *phrase* [14; 3], *word-group* [16], *word-collocation* [16], *syntactic group* [13], *sintagm* [10; 5; 17; 6; 9].

Вопрос сочетаемости слов соответственно их значениям рассматривался еще древнегреческими мыслителями, однако основоположником учения о синтаксисе принято считать Аполлония Дискола. Он рассматривал синтаксис с точки зрения грамматических категорий и семантической сочетаемости частей речи, стремясь установить закономерности и правила соединения слов на основе фактов языка и наблюдений за конкретными сочетаниями слов, представленными в нем. Вообще говоря, в античной теории классификация слов по частям речи объединяла как семантические, так и морфологические признаки, и являлась основой синтаксиса, поскольку считалось, что единственной функцией слова в предложении является выражение его семантики [1. С.23-24]. Однако такой подход не получил заметного развития в западноевропейской грамматической традиции, и уже с эпохи средневековья на первый план выдвигаются анализ и членение предложения, а изучение конкретных сочетаний слов в отдельных языках сменяется стремлением к установлению общих грамматических универсалий. В этот период возникает идея создания всеобщих грамматик, в которых «грамматические категории смешиваются с формально-логическими, особенности отдельных языков либо искусственно подгоняются под общую априорную схему, либо игнорируются» [8. С.6]. Примером подобного подхода могут служить работы Л. Мюррэя и Г. Суита, в которых основное внимание уделяется изучению предложения, а словосочетание определяется как его часть и поэтому не рассматривается подробно [14; 16].

В начале XX века немецкий лингвист И.Рис предпринимает попытку разграничить словосочетание и предложение и, опираясь на труды Аполлония Дискола, развивает собственную синтаксическую систему, предметом изучения которой становится словосочетание [15]. Имея в виду все синтаксические соединения слов, начиная от словесных групп (*Wortgruppen*) и заканчивая сложным предложением, И.Рис отмечает при этом, что словосочетание имеет значение [7. С.5]. Понимая синтаксис как учение о всех видах соединения слов, И.Рис развивает идею о необходимости изучения не только формы и значения его компонентов, но также формы и функции всей словесной группы, как сложного синтаксического образования. И.Рис строит классификацию словесных групп на степени их спаянности, выделяя слабые, полутесные и тесные группы, которые, в свою очередь, делятся на подгруппы в зависимости от морфологической принадлежности главного слова. На примерах из немецкого языка он показывает, что словосочетание членится на одни и те же компоненты, соединенные между собой одной и той же формальной связью, и сохраняет свое значение. Именно этот факт, по мнению И.Риса сближает словосочетание с отдельным словом и доказывает правомерность его изучения в специальном разделе синтаксиса [11. С.19-20]. Несмотря на ряд интересных выводов, сделанных И.Рисом, многие лингвисты отмечают в его работах некоторое смешение словосочетания и предложения и отказ от изучения последнего, тогда как они являются качественно различными категориями синтаксиса [7. С.6].

В начале XX века Ф. де Соссюр предлагает рассматривать язык как систему взаимодействующих ассоциативных и синтагматических отношений. Он вводит термин синтагма для определения внутренне связанных рядов последовательных единиц-компонентов, которые «выстраиваются один за другим в потоке речи» и имеют в основе отношения определяющего к определяемому [10. С.123]. Согласно Ф. де Соссюру «понятие синтагмы относится не только к словам, но и к сочетаниям слов, сложным единицам всякого рода и любой длины» (*re-lire; contre tous; s'il fait beau temps, nous sortorons*), но всегда состоит минимум из двух следующих друг за другом единиц, тем самым определяя ее минимальный объем [10. С.123].

Идеи Ф.де Соссюра в дальнейшем развивали представители женеvской и пражской школ, стараясь обозначить и описать различные понятия, поглощенные довольно абстрактным определением синтагмы в формулировке Ф. де Соссюра. Так, С. Карцевский определяет синтагму как «комбинацию определяемого и определяющего», предлагая выделять непредикативные и предикативные синтагмы. Непредикативные синтагмы делятся на определительные (*сапоги-скороходы*), дополнительные (*написать письмо*) и обстоятельственные (*хорошо погулял*). К предикативным синтагмам относятся такие, где «определяющее отнесено к определяемому благодаря вмешательству лица говорящего», например, «мальчик читает», где говорящий констатирует как факт признак мальчика и определяет его временный характер [5. С.118-123]. Подобная синтагма используется для выявления структуры предложения или фразы, представляющей собой знаменательные слова, поставленные в ряд и связанные между собой синтагматически. С. Карцевский отводит предикативным синтагмам главную роль в языке, поскольку они выражают законченную мысль и готовы в любой момент служить фразой [5. С.123]. Н.С. Трубецкой также предлагает разграничивать синтагмы, различая, с одной стороны, синтагмы определительные, т.е. образованные определяемым и определяющим, и синтагмы предикативные, т.е. образуемые подлежащим и сказуемым. Он также выделяет сочинительные синтагмы, противопоставляя их несочинительным [17].

Швейцарский лингвист Ш. Балли занимался изучением синтагматики в рамках теории высказывания, рассматривая синтагму, в первую очередь, как конструктивный элемент в составе предложения, которое, в свою очередь является наиболее простой возможной формой сообщения мысли [2. С.43]. Он выделяет полные (предложения) и частичные (части предложения) синтагмы, а также особую группу «*composé*», относя к ней и собственно сложные слова (нем. *Wassertopf* – кувшин для воды), и различные фразеологические сочетания (фр. *pot au feu* – бульон), а также свободные, но тесно связанные по смыслу сочетания слов, способные выступать в качестве наименования предмета и допускающие замену словом синонимом (*pot à eau = carafe* – кувшин для воды = графин) [2. С.106]. В отличие от Ф. де Соссюра, Ш. Балли считает, что синтагма бинарна и «синтагматическое отношение исключает сочинение и происходящие от него сочетания» [2. С.116]. Однако при этом Ш. Балли включает в число синтагм такие сочинительные синтагмы как «*nos parens et amis*» и «*rouge-blanc-bleu*», обнаруживая противоречивость тезиса о бинарности.

Наряду с важнейшими принципами линейности и бинарности синтагмы, югославский языковед М. Микуш вводит принцип взаимообусловленности частей, показывая, что двучленная структура синтагмы объясняется ее природой и представляет собой «диалектическое единство двух частей, выполняющих по отношению друг к другу две взаимозависимые и взаимоопределяемые функции» – отождествление и различие [6. С.29]. Подобный синтез, согласно Ф. Микушу, не может рассматриваться исключительно как сумма его элементов [4]. В дальнейшем Э. Бенвенист обращает внимание на принцип интеграции в теории синтагм, подразумевая наличие у синтагмы «пропозициональной функции», под которой понимается способность единицы входить составной частью в единства большие, чем она сама. Э. Бенвенист определяет форму как способность разделяться на составляющие более низкого уровня, а значение как способность интегрироваться в единства более высокого уровня [9].

Также предпринимались попытки дать практическое определение словосочетанию. Голландский лингвист Е. Крейзинга вводит термин «*syntactic group*», понимая под ним сочетание слов, образующих отдельный член предложения [13. С.177]. Е. Крейзинга выделяет тесные и свободные словосочетания на основе соответствующих синтаксических связей, важнейшим средством выражения которых является порядок слов. В тесных словосочетаниях один из компонентов является синтаксически главным, а в свободных - компоненты взаимно независимы и выполняют параллельные функции [13. С.211].

Американский структуралист Л. Блумфилд позднее снова вводит в употребление термин «*phrase*», предлагая разделять словосочетания всех языков мира на две группы: эндоцентрические и экзоцентрические. К эндоцентрическим он относит словесные конструкции, каждая составляющая которых может функционировать в большей структуре так же, как и словесная группа целиком: «*Поог John ran away – John ran away*». Такие словосочетания могут быть сочинительными и подчинительными. К экзоцентрическим относятся, напротив, словесные построения, ни одна из частей которых не может заменить группу целиком в большей структуре. Они в свою очередь могут быть предикативными – «*John ran away*» - и предложными - «*beside John*» [3. С.184-195]. В

дальнейшем идеи Л. Блумфилда продолжали развивать многие языковеды, изменяя и дополняя его классификацию. Так, Ч.Хоккет в рамках эндоцентрических словосочетаний предложил выделять субкатегории по чисто структурному принципу расположения ядра по отношению к другим членам словосочетания: ядро в постпозиции (new books), ядро в препозиции (experiment perilous), ядро в центре структуры (as good as that), ядро обрамляет структуру (did not go) [12. С.186].

Как следует из представленного обзора, в зарубежной лингвистике, впрочем, как и в отечественной, существует множество часто противоположных друг другу концепций и трактовок понятия словосочетания, что подтверждает актуальность дальнейших изысканий в плане попыток однозначного определения этого понятия. Словосочетание представляет собой важнейший момент в речевом общении, требующий глубокого изучения особенностей взаимосвязи синтаксического и семантического, очевидно проявляющегося на этом уровне. Возможно, дальнейшее изучение теории словосочетания во взаимосвязи с различными областями знания позволит объяснить процесс смысловой аранжировки лексических единиц и вплотную подойти к вопросу о природе значения как такового.

Список литературы

1. Античные теории языка и стиля / [под общ. ред. и с предисл. О.М. Фрейденберг]. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1936.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1938.
3. Блумфилд Л. Язык – М.: «Прогресс», 1968.
4. Влавацкая М.В. Зарождение и развитие теории синтагм в зарубежной лингвистике / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. – Тамбов: Грамота, 2008 - №2 С.15-21.
5. Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. Глава II. Строение фразы // Лингвистика XX века: система и структура языка. - М.: Изд-во РУДН, 2004. - Ч. I. - С. 457-465.
6. Микуш Ф. Обсуждение вопросов структурализма и синтагматическая теория // Вопросы языкознания. – 1957. -№1. – С. 27-34.
7. Мирзоев А.М. Словосочетания в таджикском языке: диссер....доктора фил. наук.- Душанбе, 2002.
8. Прокопович Н.Н. Словосочетание в современном русском литературном языке.-М: Просвещение 1966.
9. Скепская Г.И. Введение в синтагматику. - М.: Изд-во "Высшая школа", 1979.
10. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М., 1938.
11. Танхаева Л. Д. Сопоставительное исследование именных словосочетаний бурятского и немецкого языков: диссер. ...кандидата филол. наук, Улан-Удэ 2002.
12. Hockett Ch. A Course in Modern Linguistics, N-Y, 1958.
13. Kruisinga E. A Hand book of Present-day English Noordhoff Groningen 1931 Vol.3.
14. Murray L. An Abridgment of L. Murray's English Grammar: With Alterations and Improvements, Designed for the Use of the Younger Class Learners, Boston, 17th Boston ed. Printed and sold by J. Loring, 1827
15. Ries I. Was ist syntax (ein kritischer Versuch).-Marburg 1984.
16. Sweet H. A New English Grammar. Logical and historical. - Oxford, 1930.
17. Trubetzkoy N. Le rapport entre le determine, le determinant et le defini, Melanges Ch. Bally, Geneva 1939.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПУРИЗМА В ГЕРМАНИИ

Юсифов Э.Г.

АУЯ

Ключевые слова: возникновение пуризма, интра- и экстралингвистические факторы, успешность пуризма

THE POSITIVE AND NEGATIVE FACTORS OF PURISM IN GERMANY

Elkhan Yusifov

Summary

Key words: the appearing of purism, intra and extra linguistic factors, the success of purism

For years Latin had been the language of science and education, whereas French had been the fashionable communicative language among the aristocracy in Germany. As a result the German language had been rich with the words of these languages before the purism appeared in the XVII century. The activity of purists in Germany was connected with the writing form of the German language. They wanted the German language to be in the level of science, education and poetry. The purists tried to substitute the Roman - Latin, French words for ancient German ones mainly using affixation. The social character of the linguistic norms in Germany was extremely formed in the XVIII century. In this century the elite purism appeared against dialectal, archaic, Latin and French words. Though in the XVIII-XIX centuries purism was improved owing to separate persons, at the end of the XIX century purism was characterized on a mass scale. Later on purism was connected with extralinguistic factors, especially with nationalism. But anti-Semitism was popular for the last period of purism. German purism has some characteristic features: the German purists' durable work, their struggle against roman words, the appearing of scientific-technical terminology, common words. All these appeared in various types as archaic, elite, purism-game and so on. Relative success of purism in Germany is the result of mutual influence of intra and extra linguistic factors. On the other hand purism can't be thought as a great success. The popularity of foreign languages for years, the indifferent attitude of the aristocracy to the native language, radical, extremist, utopian points of view of separate purists, the direction only to Latin and French (not to other languages), the gradual adaptation of borrowing words in German, its turning into mixed language made the activity of purism weak. However, today Germany has kept a tendency of substitution for German words.

Пуризм - стремление очистить язык от иноязычных слов и выражений. В широком смысле пуризм излишне строгое, непримиримое отношение к любым заимствованиям, новшества «не в духе языка», вообще ко всем случаям искажения, огрубления и порчи языка, часто субъективно понимаемым.

Лингвистический пуризм представляет собой стремление языкового коллектива «уберечь язык (или избавить его) от предполагаемых иностранных или других нежелательных элементов...» Идеологи пуризма, как правило, активизируются в периоды роста национального самосознания, поэтому их взгляды оказываются близки значительной части населения. Защитниками «чистоты языка» редко становятся лингвисты. Пуризм - явление не академическое и вообще далекое от науки. Как известно, каждый язык в определенный период своего развития претерпевает различные изменения в фонетике, лексике, грамматике и других областях языка. Это связано, прежде всего, с постоянно развивающимися деловыми, торговыми и культурными отношениями между народами. Вследствие взаимного сотрудничества разных стран язык одной страны перенимает некоторые черты другой нации, что отражается в языке посредством большого притока иностранных слов, адаптированных к традициям этого языка. Несмотря на то, что сегодня можно обнаружить множество исследований на тему появления новых интернациональных слов в том или ином языке, способы «очистки» языка от любых иностранных вкраплений, т.е. пуризма, остаются до конца не исследованными. Пуристическое направление в немецком и русском языках в сравнительно-сопоставительном аспекте не изучено вовсе, что и является доказательством актуальности проводимого исследования.

Появление пуризма в Германии в XVII в. было своевременно. Появление пуристических движений в Германии в виде первых языковых обществ свидетельствует об актуальности проблемы деградации немецкого языка как литературного средства. Возникновение пуризма в Германии в XVII в. было вызвано рядом причин, как экстра-, так и интралингвистического характера. В XVII в. в Германии существовал реформаторский пуризм. Немецкие ученые и поэты стремились заменить заимствованные элементы латино-французского происхождения исконно немецкими лексемами, используя, в основном, широкие возможности аффиксального словообразования и словосложения немецкого языка. В частности, они положили начало созданию исконно немецкой научной терминологии, в особенности, в области грамматики (Selbstlauter вместо Vokal, Mitlauter вместо Konsonant, Zeitwort вместо Verb, Abwandlung вместо Derivation, Sprachlehre вместо Grammatik, Wortforschung вместо Etymologie и др.) Они также внесли вклад в обогащение общего словарного состава немецкими словами, сохранившимися в современной лексической системе немецкого языка (Jahrhundert, Darstellung, Bescheinigung, Ausrede, übersetzen, Übersetzung, wesentlich, Mittelpunkt, Schauspieler, Hochschule, Briefwechsel, Zeitschrift, Bescheidenheit, Umschreibung, beobachten, Geschmack, Abstand, Anschrift, Augenblick, Entwurf, Gotteshaus, Leidenschaft, Oberfläche, Verfasser, Vertrag, Vollmacht, wahrscheinlich и др.)

Пуризм ученых XVII в. отличается умеренностью. Исключение составляет пуризм Ф. фон Цезена, попытавшегося заменить ассимилированные заимствования в немецком, как, например, Fenster, или имена богов греко-римской мифологии (Afrödite, Venus). С одной стороны, радикализм Ф. фон Цезена как поэта можно объяснить его стремлением к выразительности, экспрессивности языка. С другой стороны, даже принимая во внимание этот факт, его чрезмерные замены были менее понятны среднему читателю, чем заимствованные единицы. В первой половине XIX в. деятельность пуристов в Германии характеризуется как архаико-этнический пуризм. Наиболее значительной фигурой этого этапа является Иохим Кампе, самый авторитетный пурист в истории Германии. Благодаря И. Кампе около 300 слов вошли в лексическую систему немецкого языка. Пуристическая деятельность первой половины XIX в. представлена различными течениями: просветительно-педагогическим у И. Кампе, эстетическим у К. Кольбе, рациональным у И. Г. Радлофа, К. Вольке и К. Краузе, и националистическим у И. Г. Фихте, Э. М. Арндта и Ф. Л. Яна. При сравнении их влияния на немецкий язык и, в частности, на его лексическую систему, можно заключить, что наиболее эффективным оказался просветительно-педагогический пуризм И. Кампе.

Пуризм последних двух этапов существовал в Германии в рамках деятельности «Общегерманского языкового союза» и был связан с экстралингвистическими факторами, главным из которых был национализм. А для последнего этапа пуризма также характерен антисемитизм. Единственным достижением пуристической деятельности в период Первой мировой войны и после 1933 г. было закрепление исконно немецкой научной терминологии в школьном образовании: Hauptwort, Tätigkeitswort, Fürwort, Fall, Geschlecht, Zeit, Tatform, Leideform; ergeben, hinzuzahlen, abziehen, trennen, malnehmen, Erdkunde и др. В остальном, пуризм находился в большой зависимости от политических настроений членов языкового общества, в особенности, его руководства, и, в конце концов, вызвал негативное отношение как со стороны лидеров, так и большинства населения Германии.

Немецкий пуризм имеет несколько характерных особенностей. Во-первых, это преемственность немецких пуристов - удачные каждого этапа пуризма были использованы и закреплены в последующие этапы пуристической деятельности. Во-вторых, это переход от нормализаторского пуризма немецкого языка в целом (XVII—XVIII вв.) к пуризму немецкой лексики, выраженного в борьбе против слов романского, точнее латино-французского, происхождения. С этим также связана и третья особенность немецкого пуризма - его ограниченность заимствованиями из латинского и французского языков, тогда как заимствованные элементы, например, из английского языка остались, в целом, вне внимания немецких пуристов. Кроме этого, немецких пуристов в большей степени интересовала специальная лексика немецкого языка, в частности, создание научно-технической терминологии на исконно немецком материале, постепенно ставшая частью общеупотребительной лексики. С другой стороны, пуристическую деятельность в Германии нельзя назвать исключительно успешной. Неудача немецкого пуризма, выраженная как в неуспехе отдельных пуризма, так и в более крупном масштабе, - его ослаблении и продолжении заимствования в немецкий язык, также имеют как внутри, так и внеязыковые причины. Запрет пуризма в 40-е гг. XX в. вовсе не означал его полного исчезновения в Германии. Несомненно, степень его проявления в XX в. после поражения Германии во Второй мировой войне резко сократилась. Однако, в немецком до сих пор существуют тенденции к полному замещению иноязычных элементов (Fernseher / Fernsehen вместо Television, Drucker вместо Printer) или частичному «онемечиванию», в результате которого в немецком языке увеличивается число 281 дублетов: Computer - Rechner, Calculator - Taschenrechner, surf - wellenreiten, surfboard - Wellenreiterbrett и др.

Появление пуризма в Германии связано также с комплексом экстра- и интралингвистических факторов, составляющих любую языковую ситуацию. В ситуации немецкого языка, особенностью начального проявления пуризма является поражение в Тридцатилетней войне с Францией. Социальная стратификация пуризма в Германии определяется предшествующей модой на французский язык, охватившей высшие слои общества Германии в XVII—XVIII вв., и всеобъемлющей галломанией, а в конце XIX в. и в XX в. еще и модой на английский язык. Так, например, немаловажное значение для появления пуризма в Германии в XVI—XVII вв. имела предшествующая ситуация двуязычия. Характерными для каждого конкретного проявления пуризма в Германии, его интенсивности и эффективности являются интралингвистические факторы, такие как флективный строй языков, развитость их функциональных систем, в особенности, словообразовательной и лексико-семантической, стадия развития литературного языка, преемственность в эволюции литературного языка, особенности взаимодействия литературной и других форм языка, таких как диалектов, социолектов и др., а также развитость жанрово-стилистической выразительности языка. Набор экстралингвистических факторов, политических, экономических, социальных и историко-культурных, тоже влияет на характер, вид и успешность пуристической деятельности, а также на ее оценку со стороны конкретных языковых сообществ.

Несмотря на то, что немецкий язык занимал достаточно высокие позиции и обслуживал различные сферы коммуникации, в языковую функциональную парадигму на территории Германии в течение длительного времени входили два романских языка - латинский и французский. Первый в течение нескольких столетий остановился языком науки и образования, а второй - был модным языком общения в высших слоях общества Германии. В результате, немецкий язык пополнился большим количеством заимствований из этих двух языков. Кроме того, немецкий пуризм отличает участие высокопоставленных чиновников (О. Саррацин, Г. Штефан) или даже глав немецкого государства (король Ф. Вильгельм IV и кайзер Пруссии Вильгельм II). Пуризм в Германии нередко сопровождается националистическими воззрениями.

Нужно отметить, что, несмотря на частую идентичность причин возникновения и направленности пуристических вмешательств в развитие немецкого литературного языка, пуризм в Германии оказал различное воздействие на дальнейшее развитие литературных форм этого языка. Еще одной особенностью пуризма в Германии является завершенность каждого конкретного пуристического проявления, т.е. пуристическая деятельность в Германии проходила все или почти все стадии развития, от осознания необходимости в пуризме до оценки пуристического вмешательства со стороны языкового сообщества. Так, пуристы отстаивали сохранение немецком языке заимствований из латинского и французского языка: *Literatur, Orthographie, Publikum, Disputation, Monarch, Kollege, Anatomie, Diplomatie* и др. Помимо рассмотрения наиболее продуктивных способов и источников создания пуризма в ходе работы были проанализированы, вошедшие в лексическую систему немецкого языка. При этом учитывались их формальная, содержательная и функционально-стилистическая стороны. Учитывая все вышеизложенное, становится понятно, что пуризм является важной особенностью формирования и развития литературного языка и представляет собой единый эволюционный процесс, а не отдельно взятые всплески пуристической активности. Исследуя пуризма в истории Германии можно проследить неравномерность, волнообразность его проявления, от подъема пуристической деятельности и ее интенсивности в одни исторические периоды до угасания пуризма - в другие; от одних видов пуризма до других, в зависимости от сложившихся языковых ситуаций и набора экстра- и интралингвистических факторов. Противоположностью пуризма является антинормализаторство отрицание необходимости сознательного вмешательства в языковой процесс. При таком подходе отвергаются и научная нормализация, и нормативная лексикография (ср. утверждение писателя А. К. Югова о том, что «язык сам собою правит»). В своих крайних проявлениях пуризм и антинормализаторство совпадают, т. к. критика иноязычных заимствований ведётся сторонниками этих позиций на основе субъективно-вкусных оценок фактов языка, без учёта национально-культурных традиций. Научная языковая нормализация предполагает борьбу с проявлениями как пуристических, так и антинормализаторских воззрений в области речевой культуры.

Пуризм проявляется также в периоды важных общественных событий (подъём демократического движения, войны, революции и т.п.) и связанных с ними значительных сдвигов в лексической системе языка, когда она быстро и наглядно изменяется, вбирая в себя много заимствований, неологизмов и иных новообразований. Положительные стороны пуризма состоят в заботе о развитии самобытной национальной культуры, в обращении к богатствам родного языка, к его смысловым и словообразовательным ресурсам и возможностям. Отрицательные стороны пуризма в его антиисторичности и субъективности, в непонимании поступательного развития языка, в ретроспективности оценки (когда признаётся то, что уже закрепилось в языке, освоено им, и отрицаются новые факты), а иногда и в прямом консерватизме (когда проповедуется отказ от принятых языком заимствований, предлагается последовательная замена их новообразованиями из исконных морфем).

Список литературы

1. Orgeldinger S. Standartisierung und Purismus bei Joachim Heinrich Campe. Berlin, 1999.
2. Kirkness A. Zur Sprachreinigung im Deutschen 1789 -1871. Eine historische Dokumentation. Tübingen, 1975.
3. Кашникова М.Е. К определению языкового пуризма // Германские языки. Тверь, 2000. С. 62-72.
4. Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С. История немецкого литературного языка XVI -XVIII вв. М., 1984.
5. Евгеньевна Г.М. Языковой пуризм в истории Англии и Германии: диссертация кандидата филологических наук. Тверь, 2002
6. Жирмунский В.М. История немецкого языка. М., 1965

ЧТЕНИЕ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Поползина Л.П., Ворончихина М.В.

Кемеровский государственный институт культуры

Аннотация: статья рассматривает роль чтения как важный аспект в обучении иностранному языку. Чтение текстов по специальности способствует улучшению навыков чтения и развитию профессиональной пригодности студентов. Статья анализирует главные критерии повышения коммуникативных и профессиональных компетенций обучающихся. Авторы исследуют методические приемы, используемые в образовательной среде для специальных целей.

Ключевые слова: образовательная среда, коммуникативная компетентность, тексты по специальности, обучение иностранному языку.

READING AS AN ESSENTIAL PART IN LANGUAGE LEARNING

Abstract: the article is aimed at the role of reading as an essential part of language learning. Reading special texts is the way of improving students' skills and increasing their proficiency. The article discusses chief criteria of communicative and proficient competence in language learning. The author researches teaching methods of using English in educational environment for special purposes.

Keywords: educational environment, communicative competence, special texts, language learning.

Для того чтобы процесс обучения иностранному языку принес ожидаемые и желаемые результаты, необходимо прививать и развивать навыки чтения на практических занятиях и во время самостоятельной подготовки студентов. В программе вуза заложены часы на самостоятельную работу студентов, которая способствует чтению оригинальных текстов. Преподавателями разрабатываются рекомендации и упражнения по овладению навыками чтения и перевода.

Текстовый материал служит основой для создания запаса активной и рецептивной лексики, наиболее частотных лексических единиц и структур, составляющих основу текстов специальной литературы. При подборе текстов преподаватели стремятся, преследуя дидактические цели, преодолеть существующий разрыв между интеллектуальным развитием студентов и их языковой компетенцией.

Другой важный принцип заключается в выборе художественного текста, связанного с будущей профессией студентов. Существенным стимулом выступает мотивационный фактор, заключающийся в развитии интеллектуально-познавательного характера студентов. Мотив всегда направлен на определение главной идеи текста, возможно, заключенного в названии романа. Таким примером может быть роман Уильяма Сомерсета Моэма «Луна и грош». Аутентичные тексты, связанные с будущей специальностью, дают студентам возможность связывать события и информацию с знаниями, полученными в вузе по специальным предметам. Таким образом, профессионально направленное обучение иностранному языку совершенствуется в чтении специальных текстов, в развитии кругозора и воображения, в суждениях и профессиональной компетенции студентов.

Чтение оригинальных текстов находит свое применение в ежегодных студенческих научно-практических конференциях по теме: «Культура и искусство: поиски и открытия». Кафедра иностранных языков организует работу по направлению «Художественный текст в пространстве межкультурной коммуникации». Подбор текстов всегда имеет коммуникативную компетентность межкультурного общения и представлен разнообразным текстовым материалом: романы и поэмы, сказки и пьесы, информационно-справочная и рекламная продукция. Выступая с докладами, студенты делают компрессию текстов, излагают главные принципы, доказывают причины и следствия, обобщают выводы. Умения студентов ориентироваться в информационной среде, применяя при этом знания английского языка, помогают определить перспективу своих исследований в будущей профессиональной межкультурной коммуникации.

Созданный на кафедре сборник «Путешествие по биографиям британских писателей XX века, знакомит студентов с биографией выдающихся писателей и поэтов, их произведениями, литературным стилем их цитатами, имеющими философский смысл. Помимо сборника студентам предлагается стенд самых необходимых для прочтения произведений таких известных писателей: Джон Голсуорси, Уильям Сомерсет Моэм, Чарльз Перси Сноу и другие. Студенты в течение года готовили презентации на тему «2015 год – Год литературы», посвященные творчеству и важным литературным периодам как зарубежных писателей, так и знаменитых писателей – классиков и поэтов России и современных авторов. На презентации были отмечены все известные авторы, имеющие юбилейные даты. Большой интерес был проявлен к стихам Иосифа Бродского, написанных им

на русском и английском языках. Студенты резюмировали презентацию словами Президента Российской Федерации: «Современное общество должно быть культурным, а поможет в этом книга».

Значительная часть практических занятий отводится чтению насыщенных информацией текстов о стране изучаемого языка. Что касается английского языка, то разнообразные тексты знакомят студентов с историей, литературой, обычаями и традициями жителей Великобритании, Соединенных Штатов Америки, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Страноведческие тексты и сюжетные диалоги содержат реалии образа жизни в этих странах и особенности современного английского языка. Так, например, рассматривается американский вариант английского языка, его орфография, лексические значения и грамматические структуры. Используя информационные интернет ресурсы, студенты получают большой поток иноязычной страноведческой информации. Такая система поиска страноведческих знаний направлена на написание рефератов, докладов и создания презентаций. Творческий характер презентаций приобщает студентов к современной информационной среде и повышает уровень коммуникативной компетенции. Чтение оригинальных страноведческих текстов знакомит студентов не только с основными сведениями о стране изучаемого языка, важными хронологическими датами, историческими событиями, литературой, но и общепринятыми правилами и нормами поведения в различных ситуациях. Проведение презентаций: «Страны изучаемого языка», «70-летие победы в Великой Отечественной войне», «2015 год – Год литературы» являются творческими подготовленными занятиями. Темы презентаций, освещающие актуальные события в нашей стране, а также программного страноведческого характера, вызвали мотивацию и интерес к поиску и обработке большого информационного материала. Подготовка к презентациям способствовала прочтению большого количества текстов, умению логически излагать, сравнивать и делать выводы. Знания английского языка позволяли прочитать, сравнить и проанализировать британские и американские источники, написанные очевидцами.

Связь направлений и тем презентаций и докладов студентов с главными событиями, широко отмечаемыми в нашей стране, воспитывает и развивает гражданское самосознание и духовно – нравственные качества будущих специалистов нашего вуза. Поисковый материал приобщает их к историческому, литературному и культурному наследию.

Характер оригинальных текстов интегрирует с профильными дисциплинами, формирует качества студентов и активизирует их творческую активность. А современные и актуально значимые задания ориентируют на поисковую работу в информационной среде.

Таким образом, весь объем работы по развитию навыков чтения, нахождения необходимой информации и поддержания интереса направлен на повышение уровня коммуникативной компетенции в профессиональном сообществе.

Список литературы

1. Браун Т.П. Адаптация студентов к обучению в вузе в условиях оптимизации образовательной среды // Высшее образование в России. – 2004. - № 8
2. Евко Ю.А. Педагогические условия формирования профессиональной ответственности при обучении иностранному языку // Высшее образование сегодня, 2013 № 7 с. 63 – 67

СЕКЦИЯ №20.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)

ИСПАНСКАЯ КАЧЕСТВЕННАЯ ПРЕССА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Селиванова И.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г.Москва

Бесспорно, пресса играет значительную роль при изучении любого иностранного языка. Об этом сейчас много говорят как отечественные, так и зарубежные исследователи. В данной статье рассматривается роль качественной прессы при формировании грамматических навыков и умений на занятиях испанского языка в рамках эксплицитного подхода. На конкретных примерах мы покажем, как можно использовать аутентичный материал (то есть тексты, заимствованные из повседневной жизни носителей изучаемого языка) для повторения

пройденного грамматического материала. В частности, мы ограничимся употреблением предлогов и глагольных форм.

В прессе, в отличие от многочисленных пособий, отражается современное состояние языка. Более того, создается эффект присутствия в реальной языковой среде. Аутентичные статьи являются важным инструментом для расширения словарного запаса, развития навыков чтения и понимания текста. Материалы текущей прессы помогают быть в курсе происходящих событий. А этнолингвистический анализ статей, которые являются продуктом культуры, помогает воссоздать языковую картину мира, через которую познается «дух народа». Кроме этого, с помощью прессы мы можем развивать грамматические навыки и умения у студентов. Главная сложность, которая встает перед преподавателем, – адаптация к уровню учащихся. Для того чтобы процесс обучения был максимально эффективным, необходимо соблюдать следующие этапы работы: 1) тщательный отбор материала, 2) конструирование заданий, 3) предварительная языковая подготовка студентов, 4) работа с текстом, 5) повторение и закрепление пройденного материала.

Первый этап подразумевает отбор материала в соответствии с уровнем знаний учащихся, а также их специальностью, что особенно важно при преподавании в неязыковых вузах. Второй этап заключается в конструировании заданий. Далее мы приведем модели, в которых отрабатывается использование предлогов и глагольных форм в испанском языке. На третьем этапе преподаватель знакомит студентов с содержанием используемых статей, объясняет значение незнакомых слов, поясняет реалии, о которых идет речь, вовлекает учащихся в дискуссию. Кроме того, заранее можно составить глоссарий, что облегчит работу с материалом. Следующий этап предполагает работу с текстом (чтение, обсуждение, ответы на вопросы, выполнение подготовленных заданий). Последний этап подразумевает систематическое повторение пройденного материала (чтение аналогичных статей, диктант или проверка в форме теста).

Ранее мы упоминали об эксплицитном подходе. Он подразумевает объяснение правила, а затем выполнение практических упражнений. Модели, которые мы предлагаем, основаны именно на этом подходе. Изначально необходимо подробно объяснить грамматический материал, а затем переходить к практике. Для учащихся начального уровня (A1-A2) можно дать следующее задание. Им нужно выбрать из предложенных вариантов верный ответ. После этого студентам следует ответить на вопросы преподавателя и сделать краткий пересказ текста. В данном случае речь идет о статье, в которой говорится о своеобразном времяпрепровождении испанской молодежи (распитие спиртных напитков под открытым небом, так называемый «праздник весны») и об альтернативах, которые предложила администрация города Гранады, вместо подобного отдыха. Таким образом, с одной стороны, отрабатывается употребление изученных ранее предлогов, а с другой стороны, социокультурный компонент способствует повышению эффективности учебного процесса. Надо отметить, что, как правило, задания подобного типа воспринимаются с особым энтузиазмом, так как студенты могут оценить свой прогресс и познакомиться ближе с культурой изучаемого языка.

Proponen alternativas para no beber en la calle

Es lo que ofrece el programa Enrédate, del Ayuntamiento, __1__ los jóvenes para que abandonen las concentraciones con alcohol __2__ las plazas de la ciudad. Las actividades del presente curso comenzarán __3__ funcionar este fin de semana con rutas por los bosques de la Alhambra, la ciudad antigua, la vega y hasta el camino de los Neveros. Los menos andarines también pueden observar las estrellas o participar __4__ partidas de rol y juegos de estrategia. Además, hay talleres __5__ baile, noches deportivas, natación e incluso se puede formar parte del rodaje de una película. Todo esto __6__ los jóvenes menores de 30 años, y gratis. El programa incluye actividades para chicos entre los 14 y los 18 años __7__ varias zonas de la ciudad.

1. a) a b) de c) con
2. a) a b) en c) de
3. a) de b) para c) a
4. a) en b) de c) con
5. a) en b) a c) de
6. a) por b) para c) a
7. a) en b) de c) por

Для студентов продвинутого уровня (B1-B2) можно предложить задание, в котором нужно самостоятельно заполнить пропуски. При необходимости преподаватель может назвать предлоги, которые необходимо вставить. Приведем лишь отрывок текста из этого задания:

El Gobierno ha afirmado que comparte la reclamación Argentina respecto a la soberanía las Islas Malvinas y ha aprovechado reiterar al Reino Unido, en cumplimiento de lo dispuesto la ONU, su voluntad entablar negociaciones la resolución del contencioso Gibraltar.

DE, PARA,
SOBRE, DE, DE,
PARA, POR

В данной статье говорится о том, что Испания и Аргентина просят Великобританию возобновить переговоры по поводу Гибралтара и Фолклендских островов. Актуальный материал, который касается современной геополитической ситуации, а также отсылает нас к политическим событиям прошлого века, не оставит студентов равнодушными.

На основе газетного материала очень легко отрабатывается употребление глагольных форм. Студентам начального уровня необходимо раскрыть скобки и вставить глагол в нужной форме настоящего времени (el Presente de Indicativo). Как правило, такое задание не вызывает особых трудностей.

Un 43% de la población general no (cumplir) _____ con las prescripciones de los médicos y no (seguir) _____ su tratamiento como sería deseable, siendo más habitual el abandono entre jóvenes y personas con mayor nivel de estudios. Sin embargo, los pacientes crónicos (considerar) _____ importante la adherencia al tratamiento prescrito por su médico, de los que dos tercios lo cumple en tiempo y forma.

Для студентов более продвинутого уровня можно предложить аналогичное задание, в котором, однако, будут употреблены глаголы в разных временах или даже в разных наклонениях. Таким образом, мы рассмотрели модели заданий, которые могут использоваться на занятиях испанского языка в различных по уровню аудиториях. Безусловно, они способствуют оптимизации и интенсификации усвоения указанного материала. Систематическое выполнение заданий подобного типа является необходимым условием для достижения желаемых результатов.

Нельзя говорить о владении языком на высоком уровне без базовых знаний грамматики. В настоящее время происходят перемены во взглядах на процесс обучения, разрабатываются новые концепции, уделяется внимание новым методам. Один из них – использование аутентичных статей при преподавании иностранных языков. Нельзя сказать, что эта идея является инновационной, ведь об этом писали многие методисты (например, Е. Носонович, Л. Юхненко, Т. Зуева, Г. Воронина). Однако при традиционных методах часто она забывается. Это можно объяснить тем, что со стороны преподавателя требуется больше усилий, чем обычно. Так, нужно подобрать подходящий материал, составить и оформить задание, объяснить студентам значение незнакомых слов. Но с развитием новых технологий все стало значительно проще. Электронные ресурсы могут помочь преподавателю найти необходимый материал. А широкий круг тем (например, политика, экономика, культура, спорт) и жанровое многообразие публицистики (интервью, репортаж, аналитическая статья, письма читателей и др.) сделают занятия более интересными и увлекательными. Неслучайно известный переводчик Р. К. Миньяр-Белоручев писал, что преподаватель должен исполнять роль сценариста, режиссера и актера в одном лице.

Итак, приведенные модели заданий крайне необходимы для формирования грамматических навыков, что является неотъемлемой частью коммуникативной компетенции. Несмотря на сложность понимания аутентичных материалов на начальном этапе, многие признают важность их использования на занятиях испанского языка. Следует отметить, что аутентичные статьи являются не только инструментом на пути овладения иностранным языком, но и способом приобщения к иной культуре. Они способствуют более качественному усвоению грамматического материала и создают благоприятный климат на занятиях.

Список литературы

1. Зуева Т.И. Аутентичный иноязычный текст в процессе обучения иностранным языкам и культурам // Современные наукоемкие технологии. 2004. № 4. С. 68-69.
2. Юхненко Ю.В. Роль аутентичных текстов в формировании иноязычной коммуникативной компетенции в обучении второму иностранному языку в неязыковом вузе // Вектор науки ТГУ. 2010. №10. С. 294-296.
3. Aguilar López A.M. La prensa: punto de partida para la lectura y desarrollo de la expresión // XIV Congreso Internacional de ASELE. Burgos, 2003.

СЕКЦИЯ №21.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)

**СЕКЦИЯ №22.
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)**

MEDICAL SLANG AS A PART OF DOCTOR'S SPEECH BEHAVIOR

Yagenich L.V.

Crimea Federal University named after V.I. Vernadsky, Tavrida Academy

Today's doctors' behavior is not understandable very often. Their speech is difficult for acceptance by patients. So we are interested in analyzing and comparing medical terms in English and Russian. The aim is to investigate medical slang, to analyze speech of doctors, to classify medical slang.

At the beginning of my narrative concerning the use of medical jargon, I want to confront it with using of slang in another field of life. Using of slang is quite a common thing in the communication, news and entertainment. We also see that medical workers use slang on a minimum. And the question appears - why?

There are a lot of scientists who have already investigated the problem of slang: Coleman, J. (2004), Crystal, D. (2008), Drucker, J. (2003), Eble, C. C. (1996), Green, J. L. (2002), Hladký, J. (1994), Hotten, C. J. (2008), Hubáček, J. (1979), Hubáček, J. (1988), Chloupek, J. (1974), Karlík, (2002), Křístek, V. (1973) and others.

The use of jargon begins in medical schools. Everyone wearing a white coat understands this secret language, but the patient may feel terrified and confused. Over time the doctors and nurses do not even realize that they are speaking in a language that no one else understands. The average American reads and speaks at an 8th or 9th grade level, yet doctors with 20 years of education not only use jargon, but assume that their patients will understand their communication. The misunderstanding appears between doctor and patient [1].

Health care professionals must become "medically bilingual," that is, learn to speak both medical jargon and plain language [2, 3]. The understanding of speaker's language is a very important problem.

Elements of a colloquial variant of professional or social group is called slang. Slang, style-shifting and sociability; controversial, spectacular social phenomenon [4, 6].

Slang words cannot be distinguished from other words by sound or meaning. In fact, most slang words are homonyms of standard words, spelled and pronounced just like their standard counterparts, as for example slang words for money such as beans, brass, dubs, dough, chinc, oof, wards; the slang synonyms for word head are attic, brain-pan, hat peg, nut, upper storey; drunk- boozy, cock-eyed, high, soaked, tight, and pot (marijuana). Of course, these words are alike in their ordinary standard use and in their slang use. Each word sounds just as appealing or unappealing, dull or colorful in its standard as in its slang use. Also, the meanings of beans and money, head and attic, pot and marijuana are the same, so it cannot be said that the connotations of slang words are any more colorful or racy than the meanings of standard words [7].

Medical Slang is a form of slang used by doctors, nurses, paramedics and other hospital or medical staff. Its central aspect is the use of simple but impressive-sounding acronyms and invented terminology to describe patients, co-workers or tricky situations. Medical slang is found in many languages but in English, in particular, it has entered popular culture via TV hospital dramas such as Casualty, Holby City, House MD, Green Wing and so on.

There are a great variety of tales about doctors who had written on a patient's notes or said in a front of patient some slang terms. Hence, patient had had no idea what did the doctor said. Then such medical workers can find themselves in the court being asked by the judge what the acronym meant and such situation may cause some difficulties the doctor's reputation and the job at all.

In many countries there are some limitations on use acronyms which are now considered unethical and unacceptable, and patients can demand access to their medical records. Another reason for the decline is that acronyms could be confused with medical terms and that could cause the wrong treatment administration.

As a result, medical slang tends to be restricted to oral use and to informal notes or E-mails which do not form part of a patient's formal records. It may also be used among medical staff outside of the hospital. It is not found on patients' charts and often not used in front of patients themselves.

Another classification of medical slang gives us the information about the ways in which the doctors call patients: Benny = patient on benefit, Betty = a patient with diabetes, Burger = sunburned patient, Banana = patient with jaundice, Father Jack = confused and elderly patient who constantly shouts and tries to get out of bed, Lobster = sunburned patient, LOL = Little Old Lady and the way they call each other: Baby catcher = obstetrician, Masochist = Trauma surgeon,

Sadomasochist = Neurosurgeon Freud Squad = psychiatrists, Molar masher = dentist, Boneheads = orthopaedics, Cock Doc = urologist, Dose Sponge - Radiology Worker.

Although, the doctors often use slang just for fun. The slang often makes humorous reference to characteristics related to patients or patient care. But sometimes, the commentary is sarcastic, angry or hurtful. The language of medicine is filled with hundreds, perhaps thousands, of abbreviated reference to medical diseases and funny examples of misadventures. For example DQ means Drama Queen while Expensive care means intensive care. Some folks call medical slang an art form. Other folks may consider it unethical [3, 4].

- ❖ FABIANS = Felt Awful But I'm Allright Now Syndrome
- ❖ FLK w/ GLM = Funny Looking Kid with a Good Looking Mother
- ❖ VIP = Very intoxicated person
- ❖ Airwolf = air-ambulance
- ❖ BUNDY = But Unfortunately Not Dead Yet I can't help saying that in different countries there are special slang.

Let's begin with UK. Regional dialects abound, even in the world of the medical abbreviation. In the north of England, the TTR (Tea Time Review) of a patient is commonplace, but not in the south.

And the number of terms for patients believed to be somewhat intellectually challenged is enormous.

The increasing rate of litigation means that there is a far higher chance that doctors will be asked in court to explain the exact meaning of FLK = Funny looking kid;

GROLIES = Guardian Reader Of Low Intelligence in Ethnic Skirt;

BBCS - Bumps, Bruises, Cuts and Scrapes (i.e. no serious injuries).

Talking about the USA I must admit that Some of the acronyms are region-specific and have differing meanings in US and UK., but some, like Lancelot = a medic who drains abscesses (called Pokemon in the USA) It is noticeable that the US have numerous acronyms and slang terms relating to gun-shot injuries[3,4].

In opposite, in RF the use of slang is not common but some doctors prefer abbreviations to difficult medical terms. For example: вертолёт – gynecological chair; дискотека – siren of ambulance; бабка-нарушка – old woman with violation of brain blood circulation; консервы – patients on conservative treatment; ПМЖ – regional polyclinic; гармошка – medical ventilator; детство – pediatrics department.

I have made my our research in this topic by asking the Crimean doctors about medical slang. They extend my vocabulary with such words as: реставрация – reanimation; конвульсион – consultation; сахарница – patient with diabetes; федералы – worker of the department; белка- alcoholic deliria; дрова- heavy patient; The doctors from Crimean republic hospital were asked: Surgeon- Chernyavskiy E. A., Psychiatrist- Shurigina D. A., Neurologist- Chumskiy A. A., Endocrinologist- Medvedeva S. A., Anaesthesiologist- Gilkin E.A)

Conclusions. Medical slang is a dynamic and diverse form of communication. It may be rude, or simply funny. Slang may help make life as a physician more bearable, either through humor and depersonalization, or through a feeling of belonging. It may also, however, allow patients to be devalued. Although acknowledging that slang is likely to continue to be used, it should be kept to a minimum. It should be avoided in medical notes. As such, slang can remain an effective means of conveying information between professionals of any select group and provide release and social integration, as it has done over many decades.

In future it will be necessary to investigate the morphological and grammatical properties of medical slang. Eble (1996) writes about 'ordinary word-building processes' describing only the most important ones in descending order of frequency, i.e. compounding, affixation, functional shift, shortening, and blending. He also mentions four main types of functional shift within the part of speech.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. - М.: Высшая школа, 1986, 295 с.
2. Dumas, Bethany K. and Lighter J. "Is Slang a Word for Linguistew York: Speech, - 1978. – p. 5-53.
3. Fox Ad.T., Cahill P., and Fertleman M. (2002). "Medical slang" (PDF). British Medical Journal
4. Fox Ad.T., Cahill P., and Fertleman M. (2003). "Medical slang" (PDF). British Medical Journal
5. Goldman B. The Secret Language of Doctors, London: Public Press. – 1996. – 216p.
6. Richard C. Senelick, M.D. <http://interesting-articles.wikispaces.com/file/view/Medical+Slang+in+British+Hospitals.pdf>
7. Thorne Tony. Dictionary of Contemporary Slang.-third edition.; A.C.Black, London, 2007.-513p.

ОБОСНОВАНИЕ И ОБЪЯСНЕНИЕ: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (ЛИНГВОАРГУМЕНТАТИВНЫЙ АСПЕКТ)

Фанян Н.Ю.

Кубанский государственный университет, г.Краснодар

Область исследования современной лингвистики характеризуется междисциплинарными процессами на стыке научных направлений гуманитарной сферы – логики, философии, социологии, психологии. Собственно лингвистический ракурс изысканий аналогично отмечен интегрирующим началом, включая, в той или иной степени, следующие теории – коммуникации, диалога, речевого воздействия, речевых актов с учетом частнонаучных методологических принципов, проецируемых на область лингвоаргументологии, актуальной для дискурсивного анализа.

В направлении развития вопроса совершенствования гуманитарного образования, повышения значимости решения проблем лингвоаргументологии в целом, а также в частности, исходя из практической цели нашего исследования – показать грани взаимодействия понятий и процессов объяснения и обоснования – в данной статье мы попытаемся кратко осветить следующие позиции: сходство и различие понятий объяснения и обоснования, сферы их функционирования; механизм процессов актуализации и их статус в ходе аргументации; а также перспективы изучения.

Сходство и различие понятий объяснения и обоснования. Сферы их функционирования. Наши рассуждения будут строиться на научных положениях, в которых даётся определение понятиям объяснения и обоснования с учётом функционального подхода, т.е. они будут отражать переход от словарных дефиниций к дискурсивной актуализации. Исходный принцип экстраполяции позволит нам в конечном итоге увидеть грани взаимодействия собственно анализируемых нами понятий, а также целостность структурного и функционального подходов. В качестве отправного положения релевантным, на наш взгляд, представляется определение названных понятий в логическом аспекте, поскольку собственно логика как научная область представляется приоритетной в изучении заявленных понятий: Обоснование «имеет ограниченную применимость, являясь прежде всего процедурой науки и связанной с нею техники и не допускающей автоматического перенесения образцов О., сложившихся в одних областях (и прежде всего в науке), на любые другие области» [5, с. 231]. Объяснение, аналогично обоснованию, представляется одной из важнейших функций научной теории и науки в целом» [5, с. 239]. Таким образом, посредством сравнения основополагающих элементов дефиниций, мы приходим к выводу, что обоснование и объяснение прежде всего имеют точки соприкосновения в отношении сферы применения – логики как научной области.

Дифференцированное рассмотрение проблемы требует обращения к установленным в научной теории типам обоснования и объяснения, с точки зрения так называемых «внешних референций» (термин наш. – Н. Ф.). Так, Т.Виноград и Ф.Флорес различают три основных разновидности обоснования – экспериенциальное, формальное и социальное [3, с. 211]. В первом – экспериенциальном – случае результат «согласно ожиданиям», «является единообразным для всех возможных наблюдателей». В формальном обосновании «некоторый набор формальных правил принимается в качестве заданного, а аргументация строится как последовательность ходов, предопределяемых этими правилами». Авторы интересуются вопросом о том, «каким образом формальные структуры играют определенную роль в повторяющихся регулярностях речевого общения». И, наконец, в социальной области учитывается фактор прецедентности: «Большая часть того, что высказывается при речевом общении, основывается не на опыте и не на логике, а на предшествующем общении», имеется в виду, что «обоснование мог бы дать любой высказавший ранее данное утверждение» [3, с. 211].

В толковании обоснования зарубежными авторами мы констатируем наличие элемента прагматизма, расширяющего функции понятия обоснования – из области логики (имеем в виду представление обоснования как процедуры науки и техники) объект толкования переходит в область прагмалингвистики (имеем в виду речевое общение).

Далее, в логике научного познания сообразно видам обоснования выделяются следующие три вида научного объяснения: дедуктивно-номологическое, «рациональное», интенциональное [6, с. 180–196]. Дедуктивно-номологическое объяснение действует в сфере объяснения событий и фактов в природе (ср. с экспериенциальным и формальным видами обоснования). Для общественных наук, объясняющих человеческие действия, предлагается «рациональное» объяснение (ср. с социальным видом обоснования). Интенциональное объяснение, напротив, распространяется не на рациональность действия, а на намерение индивида, совершающего то или иное действие (так же ср. с социальным видом обоснования).

Таким образом, дифференцированный подход к обоснованию и объяснению манифестирует их взаимодействие: дедуктивно-номологическое объяснение пересекается с экспериенциальным и формальным видами обоснования, рациональное и интенциональное объяснение – с социальным видом обоснования. Как видим, в гуманитарной области возможность четкого определения границ тех или иных понятий невелика. Так, социальный вид обоснования, естественно, способен перекрывать как рациональный, так и интенциональный вид объяснения. Разумеется, рассмотрение проблемы в прагматингвистическом направлении, в дискурсивном ключе позволяет констатировать релевантность одновременно рационального и интенционального начал, а точнее – второго как части первого.

Механизм актуализации обоснования и объяснения. Их статус в ходе аргументации. Поэтапное рассмотрение проблемы взаимодействия указанных объектов позволяет эксплицировать переход от понятийного ряда к процессуальному аспекту, что обуславливает возможность исследовать механизм актуализации обоснования и объяснения. Таким образом, анализируемый вопрос касается структур обоснования и объяснения, рассматриваемых с точки зрения так называемых «внутренних референций» (термин наш. – Н. Ф.).

Начнем с обоснования. В «Словаре по логике» справедливо утверждается, что существенную роль в механизме обоснования играют дедуктивные умозаключения. При этом речь идёт об актуализации сравнительного обоснования, которое «иногда называют также рационализацией». В случае, когда абсолютное обоснование недостижимо, сравнительное обоснование «представляет собой существенный шаг вперед в совершенствовании знания, в приближении его к стандартам рациональности» [5, с. 230].

Говоря о статусе обоснования в ходе аргументации, на основе приведенных научных положений, попытаемся сделать следующие краткие выводы: обоснование представляется объектом логической науки. Согласно логическому определению, обоснование – это «процедура проведения тех убедительных аргументов или доводов, в силу которых следует принять (курсив наш. – Н. Ю.) утверждение или концепцию. Оно является, как правило, сложным процессом, не сводимым к построению отдельного умозаключения или проведению одноактной эмпирической проверки... включает целую серию мыслительных действий, касающихся не только рассматриваемого положения, но и той системы утверждений, той теории, составным элементом которой оно является» [5, с. 229–230]. Исходя из данных положений, мы заключаем, что обоснование как понятие, обеспечивающее процесс доказательства, покрывает так называемую «установку принудительности».

Сопоставительный метод позволяет увидеть точки соприкосновения обоснования и объяснения в процессуальном аспекте. В этом ракурсе обоснование и объяснение пересекаются в точке актуализации дедуктивного умозаключения – силлогизма. Х. Патнэм по этому поводу пишет: «Дедукция, если угодно, есть объяснение, но неудовлетворительное объяснение. И непонятно, зачем оно нужно, если можно дать удовлетворительное объяснение?»

Удовлетворительность объяснения – это не субъективная оценка. <...> Объяснение, если оно выявляет соответствующие законы, не только в субъективном, но и в методологическом отношении лучше, ибо оно способствует достижению целей научного исследования. Объяснение лучше, если оно имеет более общий характер» [7, с. 94–95]. Таким образом, Х. Патнэм высказывается за всеобщий методологический характер объяснения.

С другой стороны, дифференцированный подход позволяет утверждать наличие логической формы интенционального объяснения – «практического силлогизма» [5, с. 239–242]. Подобный факт обусловлен тенденцией плавного перехода от аргументации в собственно логической области к контекстуальной аргументации [4].

На наш взгляд, подобной иллюстрацией может служить следующее определение, указывающее на неоднозначное проявление сути вещей, показывающее возможность их парадоксальной актуализации конкретно в ограниченном пространстве научного дискурса. При этом «здесь и сейчас» мы не касаемся вопроса дихотомии рационального / иррационального мышления в познании. Однако не стоит рассматривать подобный подход как метафизическое рассуждение. Мы пытаемся установить статус объяснения, его, если угодно, потенциал сквозь призму определения научного направления, в котором особо актуален целостный подход. Итак, рассмотрим дефиницию синергетики:

«Стремясь научным, рациональным способом постичь то, что не было прежде предметом науки (хаос, порядок, становление – явления, не обладающие до сих пор точными определениями), она (синергетика. – Н. Ф.) является попыткой рационально объяснить не рационально устроенный мир, или точнее – пытается создать рациональную модель не рационально устроенного мира» [2, с. 29].

Объяснение как понятие, охватывающее широкую сферу повседневности, с учетом научной сферы, на наш взгляд, реализует установку креативности (релевантной иллюстрацией представляется дефиниция синергетики). В этом смысле уместным считаем позицию К.-О. Апеля. Представляя мышление как интернализованное

аргументирование и признавая рациональную значимость познания, Апель подчеркивает, что философски релевантное самосознание процесса аргументирования во многом зависит от опосредования языком [1, с. 91]. Собственно опосредованность языком, на наш взгляд, активизирует процесс объяснения, в котором дедукция формируется как относительная структура, состоящая из таких элементов как рациональность и интенциональность.

В этой связи, ограничиваясь сферой научного объяснения, обратимся к другой иллюстрации. Речь идёт о возможности теоретического объяснения сквозь призму лингвистической составляющей: «Для теоретического объяснения того, что значит быть стереотипом, необходимо понятие лингвистического обязательства – понятие, которое мы считаем фундаментальным для лингвистики <...>. Сказать, что полосатость – это часть (лингвистического) стереотипа слова «тигр», значит признать обязательным для человека, усвоившего слово «тигр», знать, что стереотипные тигры полосаты – в том же самом смысле «обязательности», в каком человек, говорящий о львах по-английски, обязан указывать, говорит ли он о них в единственном или во множественном числе...» [7, с. 210].

С целью применения «принципа не противоречия» собственным выводам, продолжая принцип пошагового рассуждения, со ссылкой на позицию о теоретическом объяснении, мы склонны полагать, что в целом понятие «объяснение» в процессуальном аспекте может быть определено как явление с установкой креативной принудительности. Данное явление охватывает интеграцию мира вещей, их имён, а также воли и других характеристик homo argens (термин наш. – Н. Ф.) (подробнее об этом: [8]).

Завершая наши рассуждения, подчеркнём, что перспективы исследования заданной проблемы связаны с уточнением положения о разновидностях рационального и интенционального объяснения в различных сферах.

Список литературы

1. Апель, К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // Вопросы философии. – 1997. – № 1. – С. 76–92.
2. Василькова, В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). Серия: «Мир культуры, истории и философии» / В.В. Василькова. – СПб.: «Лань», 1999. – 480 с.
3. Виноград, Т., Флорес, Ф. О понимании компьютеров и познания // Язык и интеллект. – М.: «Прогресс». – С. 185–229.
4. Ивин, А.А. Основы теории аргументации: Учебник / А.А. Ивин. – М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1997. – 352 с.
5. Ивин, А.А., Никифоров, А.Л. Словарь по логике / А.А. Ивин, А.Л. Никифоров. – М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1997. – 384 с.
6. Никифоров, А.Л., Тарусина, Е.И. Виды научного объяснения // Логика научного познания (актуальные проблемы). – М.: «Наука», 1987. – С. 180–196.
7. Патнэм, Х. Философия сознания / Х. Патнэм. – М.: «Дом интеллектуальной книги», 1999. – 240 с.
8. Фанян, Н.Ю. Многомерность аргументации: проекция на лингвистическую область: Монография / Н.Ю. Фанян. – Краснодар: «Кубанский государственный университет», 2000. – 234 с.

СЕКЦИЯ №23.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20)

КРЕОЛИЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ВИДЕОРЕКЛАМЕ

Семаков А.С.

Челябинский Государственный Педагогический Университет, г. Челябинск

Индустрия рекламы находится на пике своего развития. В данный момент рекламе уделяется огромное внимание: ей придают новые формы, наполняют новым содержанием, одним словом, маркетологи пытаются привлечь внимание потребителя так, как не делали этого раньше. Кто-то использует шокирующие техники (например, в рекламе дезодорантов Old Spice зрителя ждет встреча с безумным футболистом и его ручным

тигром), кто-то комические (несуразное поведение мистера Бина в рекламе Snickers), а кто-то завлекает зрителя красотой и замысловатостью видеоряда.

Подобные примеры рекламы пользуются большой популярностью, благодаря своей выразительности. Добиться нужного эффекта позволяет двойственный характер текстов подобных реклам, иными словами их креолизованность, поскольку при отсутствии одного из элементов (видео или текста), сразу же теряется наглядность и связанность произведения. При расшифровывании креолизованного текста происходит наложение вербальной составляющей на визуальную. Изучением креолизованных текстов занимались и занимаются многие исследователи: Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Анисимова Е.Е., Морозова С.С., Бойко М.А., Чудакова Н.М и многие другие. Под креолизованным понимается текст, составленный из знаков разных семиотических систем. Сорокин Ю.А и Тарасов Е.Ф называют креолизованными тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов: 180]. Следует отметить, что это определение было удачно дополнено Анисимовой Е.Е.: «Применительно к письменной коммуникации к креолизованным текстам относятся тексты, доминанту поля паралингвистических средств которых образуют иконические (изобразительные) средства» [Анисимова: 9]. В современных средствах массовой коммуникации креолизованные тексты являются самым распространенным способом представления информации.

Согласно Анисимовой существует два типа связности вербального и иконического компонентов на содержательном уровне:

1. Между вербальными и иконическими знаками существует прямая денотативная соотнесенность: знаки обоих кодов обозначают одни и те же предметы/предметные ситуации объективного мира.

2. Между вербальными и иконическими знаками существует опосредованная денотативная соотнесенность, при которых знаки обоих кодов обозначают разные предметы/предметные ситуации объективного мира, связанные между собой: а) тематически или б) ассоциативно.

Наглядным примером второго типа связи может выступать рекламный ролик Apple iPad Air. Примечателен он тем, что диктор рассказывает об устройстве, его применении, простоте и функциональности, в то время как на экране изображен простой карандаш, позади которого сменяются декорации. Камера постепенно приближается к карандашу на протяжении всего ролика. Ключевая идея в том, что текст, произносимый диктором, во всех отношениях отождествляется с карандашом, который и видит зритель. И только в конце ролика зрителю показывают планшет, который лежит за карандашом, и становится ясно, о чем на самом деле шла речь. Прослеживается идея о том, что в цифровом веке пишущие средства утратили свою надобность, а им на смену пришли multifunctional планшеты. Подвергнем этот пример более тщательному анализу.

Вербальная составляющая: It's an extremely simple tool, but also extremely powerful. It can be used to start a poem or finish a symphony. It has transformed the way we work, learn, create, share. It's used to illustrate things, solve things, think of new things. It's used by scientists, and artists, scholars and students. It's been to classrooms, boardrooms, expeditions, even to space, and we can't wait to see, where you'll take it next. Introducing...the thinner, lighter, more powerful iPad Air

Перевод: Это невероятно простой инструмент, но также невероятно мощный. С его помощью можно начать стих или закончить симфонию. Он изменил то, как мы работаем, учим, создаем или делимся. С его помощью изображают, решают, придумывают что-то новое. Его используют ученые, художники, школьники и студенты. Он был в классах, на заседаниях, в экспедициях, и даже в космосе; и нам не терпится увидеть, куда вы можете взять его дальше. Представляем вам...более тонкий, более легкий, более мощный iPad Air (перевод выполнен автором статьи).

Визуальная составляющая (иконические знаки):

Чтобы разбор невербальной части был более наглядным, мы будем сопоставлять ее с вербальной частью и проводить смысловой анализ. Также разобьем ролик на фрагменты, которые отделяются друг от друга сменой заднего плана в кадре.

1) Вербальная: Это невероятно простой инструмент, но также

Невербальная: Абсолютно белая комната, с белыми стенами, полом и мебелью. В центре кадра находится белый стол, на котором лежит простой желтый карандаш.

Смысловой анализ: Белая комната символизирует простоту и начало творческого пути «с чистого листа». В словаре символов Джека Трессидера белый цвет символизирует чистоту, истинность, невинность и жертвенность. Согласно Трессидеру, в Китае желтый цвет является символом царственности и достоинства. Это одна из причин, почему в XIX веке в США карандаши, грифель для которых привозили из Китая, делали желтого цвета.

2) Вербальная: невероятно мощный. С его помощью можно начать стих

Невербальная: Библиотека либо кабинет с множеством книг.

Смысловый анализ: Книги хорошо отражают смысл слова «мощный», ведь «знание – сила». Библиотека – это еще и идеальное место, чтобы начать писать стих. Например, хорошо известно, что А.С. Пушкин писал свои произведения в своей комнате, оборудованной под библиотеку, также многие известные писатели посещали библиотеки перед написанием книги.

3) Вербальная: или закончить симфонию

Невербальная: Музыкальный кабинет с инструментами: синтезатор, гитара, рояль, барабанная установка. Теперь карандаш лежит на синтезаторе.

Смысловый анализ: Действительно, доступ к различным музыкальным приложениям, значительно расширяет творческие возможности устройства. Ну и, конечно же, карандаш прекрасно подойдет для записи нот на бумаге.

4) Вербальная: Он изменил то, как мы работаем, учим, создаем или делимся

Невербальная: Кабинет для переговоров, вероятно, после их окончания. По пейзажу видно, что действие происходит в мегаполисе. У окна двое мужчин в деловых костюмах.

Смысловый анализ: Устройство действительно расширяет наши границы, однако, визуальный ряд, на наш взгляд, не совсем четко отражает вербальный. Мы считаем, что данный видеоряд имеет слабую ассоциацию со словами «учить», «создавать», «делиться», однако связи, тем не менее, прослеживаются. Например, создавать бизнес, делиться бизнес идеями.

5) Вербальная: С его помощью изображают, решают

Невербальная: Ателье с манекенами и эскизами одежды на стене. Справа идет примерка нового костюма, слева происходит пошив другого.

Смысловый анализ: Хорошо известно, что модельеры и дизайнеры используют именно карандаши для создания зарисовок и макетов. Подразумевается, что при помощи устройства можно также легко рисовать и решать многие вопросы.

6) Вербальная: придумывают что-то новое

Невербальная: Научная лаборатория, в которой работают ученые в белых халатах.

Смысловый анализ: Идеальное соответствие вербального и невербального образов. Ведь именно ученые занимаются научными открытиями. Связь четко прослеживается.

7) Вербальная: Его используют ученые, художники, школьники и студенты

Невербальная: Исследовательская палатка в джунглях. На заднем плане ученый смотрит в микроскоп.

Смысловый анализ: Карандаш может использоваться учеными, художниками, школьниками и студентами при опытно-экспериментальной работе, непосредственно в естественных условиях, как показано в видеоряде.

8) Вербальная: Он был в классах, на заседаниях, в экспедициях

Невербальная: Школа, учитель пишет что-то на доске.

Смысловый анализ: Школьники, пожалуй, используют карандаши чаще всех, более того, карандаш удобен в путешествиях, т.к. пишет на любых поверхностях. Но сейчас все эти действия благополучно выполняют планшеты.

9) Вербальная: и даже в космосе; и нам не терпится увидеть

Невербальная: Центр управления полетами.

Смысловый анализ: Фактом является то, что карандаши использовались космонавтами для записей, а также то, что сейчас для этого они используют планшеты.

10) Вербальная: куда вы можете взять его дальше. Представляем вам...более тонкий, более легкий, более мощный iPad Air.

Невербальная: Снова та же белая комната. Рука берет устройство в руки, наглядно демонстрируя его интерфейс.

Смысловый анализ: Символизирует простор для творчества, «чистый лист» наших возможностей. Показ устройства вблизи тоже имеет свои цели. Он призван показать зрителю, что все описанное выше умещается в таком компактном планшете. Конечно же, появляется желание приобрести его и попробовать все его возможности лично.

Таким образом, креолизованность текстов видеореклам помогает создать более глубокий и подробный образ продукта, визуализировать услышанное. Более того появляется возможность соотносить вербальные и невербальные части ассоциативно, что, несомненно, лишь привлечет зрителя и сделает рекламу более запоминающейся.

Список литературы

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. — М.: Академия, 2003. — 128 с.
2. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция// Оптимизация речевого воздействия. — М.: Наука, 1990. 240 с.
3. Тресиддер Дж. Словарь символов. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. — 364 с.

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОВ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Андреева С.В., Патаева В.Д.

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

В русистике под лексико-синтаксическим способом словообразования понимается возникновение производных в результате сращения в одно слово двух или более полнозначных слов в процессе их употребления в языке.

Возникновение посредством данного способа новых лексических единиц сопровождается потерей исходными образованиями своей самостоятельной словности, фонетических, семантических, грамматических свойств отдельных слов. Поэтому посредством его язык обогащается словами, новыми не только с точки зрения лексической, но и с точки зрения фонетической и морфологической.

Очень часто в возникших с помощью сращения словах происходит не только утрата мотивированности названия соответствующего предмета объективной действительности, но и серьезное изменение звуковой оболочки. Например, спасибо из спаси бог, одиннадцать из один на десяти, воочию (из въ очию, где очию – местный падеж двойственного числа существительного око), поделом (из по дьлом, где дьломь – старший дателный падеж множественного числа существительного дьло) и т.д.

В результате функционирования в русском языке данного способа словообразования новыми словами пополняются самые различные лексико-грамматические разряды, однако продуктивен он сейчас лишь в рамках наречий и служебных слов.

Среди слов лексико-синтаксического способа словообразования особенно многочисленными группами являются слова, возникшие на базе предложно-падежных словосочетаний (в своем большинстве это наречие) и слова, представляющие собой сращения в целостную лексическую единицу различных фразеологизмов. В последней особо выделяется небольшая группа слов, появившихся в результате слияния в одно словесное целое иноязычного фразеологического оборота без перевода. Например, шедевр – фр. *chef doeuvre*, сальто-морале – ит. *salto motrale*, ва-банк – фр. *va banque*, игрек – фр. *I gres*, анфас – фр. *en face* и т.д.

Иногда бывает сложно провести границу между словосложением и лексико-синтаксическим слиянием двух и более слов в одно.

Здесь нужно помнить, что сложные слова образуются только из полнозначных слов, а лексико-синтаксические сращения – из различных типов словосочетаний, сохраняя при этом не только порядок слов, но и их окончания, а также служебные слова. Например, слово сумасшедший включило в себя предлог с, окончание родительного падежа единственного числа – а и причастие шедший; наречие позавчера образовалось из двух предлогов по- и за- и существительного вечер в родительном падеже, также образованы наречия за полночь, полночь, потому, поэтому, почему, вполголоса, втридорога и другие. Итак, все слова, образованные лексико-синтаксическим способом, родились в сфере связной речи, из словосочетаний, и в этом их отличие от сложных слов. Далее, лексикализировались, превращались в самые разнообразные словосочетания, поэтому у слов-сращений не может быть никаких, обычных для них, общих словообразовательных моделей, каждое слово имеет свою собственную структуру; образования эти с точки зрения морфологии очень индивидуальны. Сложные же слова отличаются четкой морфологической структурой, их морфологические типы изучены и описаны, новые слова создаются на базе словосочетаний, но отнюдь не включают в себя все словосочетания. Они строятся по готовым, существующим в языке словообразовательным моделям.

Слова-сращения, образованные из наречий, иногда оказываются втянутыми в систему морфологического словообразования: первой частью слова оказывается такое сращение, второй суффикс, например: сногшибательный, ничегонеделание, потусторонний, отсебятина.

При этимологическом анализе слова следует иметь в виду, что некоторые возникшие лексико-синтаксическим путем существительные и прилагательные впоследствии испытали влияние сложных слов с интерфиксами и сейчас осознаются как сложения: кровопролитие из кровипролитие, домотканый из доматканый и т.п.

Данный способ словообразования малопродуктивен в русском языке.

В бурятском же языке лексико-синтаксический способ словообразования является весьма продуктивным. Так, например, можно выделить четыре группы существительных, образованных данным способом:

- 1) парные слова,
- 2) составные слова,
- 3) сложные слова,
- 4) сложносокращенные слова.

Парные слова по своей структуре составляют своеобразную модель сложных слов, объединённых на равных правах в единое целое, передающее одно определённое понятие. Они образуются аналитическим способом по принципу сочинительной связи между компонентами: аха дүү «братья» от аха «старший брат», дүү «младший брат»; эд бараан «товар» от эд «ткань», бараан «товар»; хубсаһа хунар «одежда» от хубсаһан «одежда», хунар «одежда» – архаизм; хоол моол «пища» от хоол «еда, корм», моол; хундэ хунгэн «тяжелый» от хундэ «тяжелый», хунгэн «легкий» и другие.

Парный способ словообразования широко используется в монгольских языках в терминологической лексике. При этом парные слова, в частности парные существительные, становясь определённого назначения терминами, по мере развития языка наполняются все более сложным содержанием. Например, хургаал суртаал «доктрина, догмат» из хургаал «учение» и суртаал «идея»; : ёһо заншал «традиция, обычаи, нравы» от ёһон «этикет» и заншал «привычка, навык»; орон тоо «штат, штатная единица» из орон «место» и тоо «количество» и т.д. [Дондуков 1993, с. 160-161].

Составные слова в отличие от обычных слов не подвергаются слиянию. Они употребляются в отдельности, но обозначают одно общее понятие. Компоненты составных слов не допускают перемены мест, добавления или уточнения: хара тарьян "рожь", хониной мяхан "баранина", шэнгэн тулишэ "жидкое топливо" и другие.

Компоненты сложных слов входят в тесную связь, становясь неотделимыми, подвергаясь фонетическим изменениям или теряя некоторые морфологические показатели: хайндэр "праздник" от хайн "хороший", үдэр "день"; электро-хүсэн "электросила", политэлдхэлшэ "политинформатор" и т.д.

Сложносокращенные имена существительные в бурятском языке - это в основном заимствованные слова: РБ - Буряад Республика "Республика Бурятия", РМ- Монгол Республика «Республика Монголия» и другие.

Список литературы

1. Дондуков У.-Ж.Ш. Словообразование монгольских языков / У.-Ж.Ш. Дондуков. - Улан-Удэ, 1993. - 194 с.
2. Дондуков У.-Ж.Ш. Развитие лексики монгольских языков / У.-Ж.Ш. Дондуков. - Улан-Удэ, 2004. - 269 с.

ПРОСТАЯ И РАЗВЕРНУТАЯ МЕТАФОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «ЗАВИСТЬ» ЮРИЯ КАРЛОВИЧА ОЛЕШИ И РОМАНА «ПРОЦЕСС ЭЛИЗАБЕТ КРИ» ПИТЕРА АКРОЙДА)

Проколов Д.В.

Челябинский государственный педагогический университет, г.Челябинск

Метафора – является очень многогранным и богатым тропом, в котором заложен неисчерпаемый творческий потенциал. По количеству единиц-носителей метафорического образа В.П. Москвин различает простую и развернутую метафоры. В простой метафоре план выражения представлен одной единицей, в развернутой же носителем образа является группа ассоциативно связанных единиц [Москвин: 136]. В данной статье мы рассмотрим употребление простых и развернутых метафор в русскоязычных и англоязычных художественных текстах на материале произведений Ю.К. Олеси «Зависть» и П. Акройда «Процесс Элизабет Кри».

Олеша в повести «Зависть» активно прибегает к использованию простых метафор:

«Он поворачивает выключатель, овал освещается изнутри и становится прекрасным, цвета опала, яйцом. Мысленным взором я вижу это яйцо, висящее в темноте коридора».

Простая метафора основана на сходстве формы и внешнего вида лампы и яйца. По частеречной принадлежности ее можно охарактеризовать как субстантивную или именную [Петрова: 20].

«Он взял флакон; щебетнула стеклянная пробка».

Звук открытия флакона напоминает щебет птиц – простая глагольная (вербальная) метафора на основе сходства синестезии (звука).

Еще одна метафора на основе сходства синестезии (цвета): «Розовейшее, тишайшее утро. Весна в разгаре».

Утру («Начало дня, первые часы дня») [Ушаков] приписывается типичная для русской лингвокультуры характеристика – цветовая. Розовый цвет традиционно ассоциируется с нежностью, романтичностью, утро же, как начало, зарождение дня, вполне соответствует этому описанию. Также весьма символично, что указанное время года (разгар весны) тоже является в представлении читателя временем пробуждения после зимы, начала жизни. Данная простая метафора является адъективной по частеречной принадлежности.

В романе «Процесс Элизабет Кри» подавляющее количество метафор являются простыми по своей структуре:

So he had eagerly immersed himself in accounts of computing machines, differential numbers and modern calculus theory. И он рьяно погрузился в проблемы счетных машин и современного математического анализа.

Глагол to immerse (погружаться) метафорически использован в переносном значении «полностью увлечься чем-нибудь/увлечь кого-либо» [Oxford Advanced Learner's Dictionary]. Данная вербальная метафора - узуального характера, имеет нейтральную эмоциональную окрашенность.

Еще один пример англоязычной простой метафоры:

It was a public saloon off Wick Street, and looked to be a den of the vilest sort filled with the refuse of London. «Плечико» оказалось кабаком наихудшего сорта чуть в стороне от Уик-стрит, набитым всевозможными людскими отбросами Лондона.

С помощью простой метафоры, выраженной словосочетанием the refuse of London (отбросы Лондона), автор дает красочный образ посетителей описываемого заведения. Лексема refuse (отбросы) имеет значение «ненужный, негодный остаток чего-либо, мусор» [Oxford Advanced Learner's Dictionary], таким образом, отождествляя людей с мусором, автор наделяет метафору ярко выраженной отрицательной эмотивностью.

Перейдем к рассмотрению развернутых метафор.

Один из главных персонажей повести «Зависть» рассуждает о славе и способах ее достижения, и его размышления обретают образность по мере того, как существительное «слава» трансформируется в словосочетание «дорога славы» - Пожалуйста, сделай только что-нибудь замечательное, и тебя подхватят под руки, поведут на дорогу славы... Далее метафора разворачивается за счет введения новых компонентов: В нашей стране дороги славы заграждены шлагбаумами... Шлагбаумами на дорогах славы Олеша метафорически именуется всяческие препоны, препятствия на пути к желаемому успеху. Одаренный человек либо должен потускнеть, либо решиться на то, чтобы с большим скандалом поднять шлагбаум – метафорическое словосочетание поднять шлагбаум означает разрешить все трудности, мешающие человеку прославиться, что едва ли возможно, поскольку это сопряжено с «большим скандалом», в противном же случае человек тускнеет, т.е. теряет свою одаренность. Данная развернутая метафора состоит из ряда взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга простых метафор, выраженных отдельными словами или словосочетаниями (дороги славы, шлагбаумы, потускнеть и т.д.). Она разворачивается на пространстве сверхфразового единства, и в дальнейшем Олеша еще не раз прибегает к ней, используя метафорическое значение лексемы «слава» в различных словосочетаниях.

Идет дождь. Дождь ходит по Цветному бульвару, шастает по цирку, сворачивает на бульвары направо и достигнув вершины Петровского, внезапно слепнет и теряет уверенность.

В качестве ядра здесь выступает стертая метафора, которую автор оживляет за счет контекста – перешедшее в разряд фразеологических единиц словосочетание дождь идет осложняется метафорами-спутниками: ходит, шастает, сворачивает, слепнет, а также идиомой теряет уверенность. Глагол шастать стилистически маркирован как жаргонизм, просторечие, единица разговорной лексики, чем обусловлена высокая образность и эмотивность метафоры. Неодушевленному объекту приписываются свойства одушевленного, таким образом, перед нами развернутая метафора-олицетворение.

В романе П. Акройда «Процесс Элизабет Кри» четко прослеживается композиционная метафора, которая реализуется на уровне композиции всего текста романа. Автор проводит параллели между преступным миром и миром искусства, отождествляя явления одного мира явлениям другого.

«It was the hour to show my hand, as yet, I was a mere tyro, a beginner, an understudy who could not appear on the great stage without rehearsal»

Подходящее время, чтобы показать себя; но я пока что был учеником, подмастерьем, начинающим и не мог выйти на большую сцену без репетиции.

Преступление уподобляется театральному представлению – исходная метафора to appear on the great stage/выйти на большую сцену означает совершить убийство известного высокопоставленного человека. Далее следуют компоненты исходной метафоры: репетиция (rehearsal) – это лишение мелкого и незначительного для общества человека жизни, а учеником, подмастерьем и начинающим (a mere tyro, a beginner, an understudy) метафорически назван человек, еще не совершавший убийство и готовящийся сделать это. Один из компонентов развернутой метафоры представлен фразеологической единицей: to show my hand/показать себя.

В следующем примере автор ищет смежные черты между преступлением и произведением изобразительного искусства:

The destroyer of the Marr family was a 'solitary artist, who rested in the centre of London, self-supported by his own conscious grandeur', an artist who used London as the 'studio' to display his works.

Погубитель семьи Марров был «одиноким художник, свивший гнездо в сердце Лондона и черпающий силу в своем собственном осознанном величии», — художник, сделавший Лондон одновременно мастерской и галереей для демонстрации своих шедевров.

Ядро метафоры – artist/художник использовано дважды, спутники ядра: the 'studio' to display his works/мастерская и галерея для демонстрации шедевров – цепочка взаимосвязанных простых метафор, усиливающих мотивированность образа. Метафора имеет ярко выраженную отрицательную оценочность.

В переводе Л. Мотылева данная метафора дополняется еще несколькими простыми метафорами (свивший гнездо, сердце Лондона, черпающий силу), однако мы не будем рассматривать их в контексте нашей статьи, так как они стали тропами по усмотрению переводчика, в оригинале таковыми не являясь.

Таким образом, проанализировав структурную составляющую метафорического рисунка двух произведений, можно сделать выводы о том, что в повести Ю.К. Олеси «Зависть» в количественном отношении развернутые метафоры преобладают над простыми с небольшим преимуществом, в романе П. Акройда «Процесс Элизабет Кри», как уже было сказано выше, выявлено доминирование простой метафоры над развернутой. Образ развернутой метафоры представляет собой сложное семантическое образование – развернутое словосочетание, предложение или более крупную единицу речи. Различия в структуре определяют различия в семантике и стилистике – развернутые метафоры в большинстве своем являются индивидуально-авторскими, поэтому имеют большую изобразительно-выразительную силу нежели простые метафоры, которые зачастую являются узуальными. В тексте романа П. Акройда прослеживается композиционная (сюжетная) метафора, которую можно условно назвать театральной или метафорой игры.

Список литературы

1. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории // ЛЕНАНД, 2006.
2. Петрова Е.Г. Языковая природа стилистического приема «развернутая метафора» и его роль в создании целостности художественного текста (на материале англо-американской художественной прозы): Дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1982.
3. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова.
4. Aскройд Р. Dan Leno and the Limehouse Golem / Simclair-Stevenson.
5. Акройд П. Процесс Элизабет Кри / Перевод Л. Мотылева / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=126905>
6. Олеша Ю.К. Зависть / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00518401232115490729/>
7. Oxford Advanced Learner's Dictionary / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ В РОМАНЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА «МАРТИН ИДЕН»

Паршукова М.М., Аспирантка кафедры филологии

ХМАО, г.Ханты-Мансийск

Философские вопросы всегда были пищей для ума человечества. Люди издавна пытались объяснить, что такое жизнь, для чего человек живет, как постичь бесконечное счастье или как объяснить непонятное чувство любви. Об этих вопросах спорили, говорили, писали, но так и не пришли к общему мнению.

Одним из самых обсуждаемых вопросов философии и всего человечества является вопрос смысла жизни, так как он затрагивает проблему конечной цели существования, формирования человека как биологического вида, имеющее огромное значение для становления духовно-нравственного облика личности. Эту тему в своих произведениях поднимали все ученые и философы (Сократ, Аристотель, Эпикур, киники, Артур Шопенгауэр, Альбер Камю, Жан-Поль Сартр, Эрих Фромм, Фридрих Ницше и другие).

Само понятие «смысл жизни» появилось в 19 веке, до этого рассматривали понятие высшего блага [4, 88].

Данная проблема также может пониматься как субъективная оценка прожитой жизни и достигнутых результатов, как понимание человеком ее содержания и направленности, а также как осознание своего места в мире и влияние на окружающую действительность. Отсюда возникают вечные вопросы, на которые человечество пытается найти ответы: «Что такое жизнь?», «В чем состоят жизненные ценности?», «Что является целью жизни?», «Для чего я живу?», «Зачем мне жить?». Но так как однозначного ответа на эти вопросы никто так и не дал, каждый человек, анализируя свою жизнь, отвечает на них согласно своему жизненному опыту [4, 88].

Представление о смысле жизни зависит от конкретной жизненной ситуации, деятельности людей, от их социального положения, от содержания решаемых ими проблем, образа жизни, миропонимания, определенной исторической ситуации. В благоприятных условиях человек может видеть смысл своей жизни в достижении счастья и благополучия; во враждебной обстановке, смыслом жизни станет мирное существование [4, 88].

О смысле человеческой жизни и смерти, Сартр писал: «Если мы должны умереть, то наша жизнь не имеет смысла, ибо её проблемы остаются нерешёнными и остаётся неопределённым само значение проблем... Всё сущее рождено без причины, продолжается в слабости и умирает случайно... Абсурдно, что мы родились, абсурдно, что умрём» [3, 115].

Тема смысла жизни не обошла и произведения многих писателей. Среди них работы Ф.М. Достоевского («Преступление и наказание»), М.Ю. Лермонтова («Герой нашего времени»), И.С. Тургенева («Отцы и дети»), И.А. Гончарова («Обломов»), Э.М. Ремарка («Ночь в Лиссабоне»), Э.Хемингуэя («Прощай оружие») и многие другие. Однако до сих пор философская проблема смысла жизни остается дискуссионной.

Не обошел стороной эти вопросы и Джек Лондон: в таких романах как «Любовь к жизни» и «Белое безмолвие» главной темой является человек и его предназначение. Но, пожалуй, самым ярким романом остается биографическая работа Джека Лондона «Мартин Иден», где автор от имени героя рассуждает о смысле жизни.

Объектом исследования послужило произведение Джека Лондона «Мартин Иден» (перевод Е.Д. Калашниковой).

Предметом исследования являются цитаты из романа, характеризующие философские воззрения героев на их предназначение в жизни.

Философский вопрос смысла жизни – один из самых нерешенных философских проблем, который зависит от жизненных обстоятельств и является непостоянным. Вот и на протяжении всего романа Джека Лондона это понятие у главного героя претерпевали некие изменения. И эти изменения условно можно разделить на три этапа: простое бессмысленное существование моряка, осознанное целенаправленное бытие «студента» и бесцельное скитание знаменитого писателя.

Жизненный путь Мартина берет начало с подмостков корабля, где он, будучи обыкновенным моряком, жил в свое удовольствие, не задумываясь о будущем, проводя время в пивнушках и тратя заработанные в продолжительных путешествиях деньги на девушек. Цель его жизни – получение удовольствий. Он не знал ничего другого и все, что с ним происходило, было его привычным укладом, настоящей жизнью Мартина Идена:

...неуклюжего юноши с израненными руками и красной полоской на непривычной воротничку шее, – юноше, носившему на себе явный и неприглядный отпечаток грубой жизни среди грубых людей [1, 10].

Но, однажды, посетив дом семьи Морзов, увидев жизнь другого круга людей и познакомившись с Руфью, Мартин утратил свой жизненный покой:

Он забыл все окружающее и жадными глазами впился в девушку. Да, вот это – то, для чего стоит жить, чего стоит добиваться, из-за чего стоит бороться и ради чего стоит умереть. Книги говорили правду. Бывают на свете такие женщины. Вот одна из них. Она окрылила его воображение, и огромные яркие полотна возникали перед ним, и на них роились таинственные, романтические образы, сцены любви и героических подвигов во имя женщины... [1, 10].

Мартин знал, что между ними лежит пропасть в виде социального статуса, уровня образования и разного материального состояния, но это его совсем не смутило, так как он уже принял решение, во что бы то ни стало принадлежать к обществу этих людей:

И его вдруг охватило честолюбивое желание приобщиться к этой вечной жизни [1, 22].

Мартин порвал со своей прежней жизнью и занялся самообразованием:

Читал он столько, что обыкновенные человеческие глаза давно бы не выдержали такой нагрузки» [1, 41],

Мартин Иден все учил грамматику, штудировал руководство по хорошему тону и пожирал каждую книгу, которая увлекала его воображение [1, 48].

Руфь всецело поглотила его и ее любовь стала смыслом его жизни:

Он изнывал от желания увидеть вновь девушку, чьи нежные руки с неожиданной цепкостью захватили всю его жизнь [1, 35].

Все его время занимали книги и встречи с Руфь, она увлекала его, питала его ум новыми идеями и открытиями. Он уже не мог вернуться к прежней жизни и на смену матросского дела он решил попробовать себя в качестве писателя:

Писать! Это мысль жгла его как огонь [1,56].

Здесь можно увидеть, что философские проблемы смысла, жизни, любви и счастья тесно переплетаются друг с другом и имеют одну цель – Руфь. Смысл жизни для Мартина – быть рядом с Руфь, счастье для Мартина – любовь Руфь, любовь Мартина – сама Руфь.

Попытки Мартина писать долго не приносили ему нужного результата:

День за днем продолжал он все же упорно работать, и день за днем почтальон приносил ему отвергнутые рукописи [1, 138].

Но мечта не оставляла его, а цель была еще не достигнута. Много лишений пришлось пережить Мартину для своей цели:

Однажды случилось так, что у него почти двое суток не было куска во рту» [1, 138].

Прежде чем фортуна повернулась к нему лицом, и он получил первые деньги за свои рассказы, на которые покрыл свои долги. С тех пор удача была на стороне Мартина Идена, и он стал постепенно входить в, когда-то покорившее его высшее общество, общаться с деятелями искусства, науки и политики. Он начал бывать на приемах, выставках, светских раутах; интересоваться мнениями этих людей по тем или иным вопросам. Цели были достигнуты: Руфь любила Мартина и мечтала о совместной жизни с ним; Мартин принадлежал к высшему обществу, в котором всегда хотел быть, но это не удовлетворяло его, что-то было утрачено, и между ним и окружавшим его обществом была необъяснимая пустота:

« – Эта общественная деятельница – просто попугай, болтающий о социальных проблемах. Готов поклясться, что, если б выпотрошить ее мозг, в нем не нашлось бы ни одной самостоятельной идеи» [1,168].

«Ах, эти буржуа! Когда я был беден, я не смел даже приблизиться к его сестре. А когда у меня завелся текущий счет в банке, он сам приводит ее ко мне» [1, 268].

Но более всего беспокоило Мартина то, что Руфь тоже была такой же, как и они:

Настоящую Руфь, буржуазную девушку с буржуазной психологией и ограниченным буржуазным кругозором, он не любил никогда [1, 284].

Мартин был потерян как личность: вместе с Руфь он потерял смысл жизни, любовь и счастье. Он не хотел более принадлежать к обществу этих людей, и, не находя выхода из этой ситуации, он решает покончить жизнь самоубийством.

Руфь была для Мартина путеводной звездой, она направляла его, учила, помогала, но научившись всему, Мартин обрел самостоятельность в решениях, действиях и мыслях. Он вырос как личность и уже мог легко отстаивать свою точку зрения и поспорить с любым авторитетным деятелем. В отличие от Мартина Руфь принимала то, что ей навязывало общество, она не развивалась и имела общепринятое мнение касательно всех вопросов. Мартин так и не смог это принять.

Таким образом, затронутые в романе философские проблемы смысла жизни рассматриваются тремя этапами жизни Мартина Идена: от полного безучастия, через призму отношения Мартина к Руфи и через разочарование. Но каждый этап ознаменован новым опытом, открытием или знакомством. Возможно, это и будет являться смыслом жизни Мартина Идена.

Список литературы

1. Лондон Дж. Мартин Иден: пер. с англ. Калашниковой Е.Д. [Текст] / Дж. Лондон // Школьная библиотека. – М.: Просвещение, 1986. – 303 с.
2. Введенский А.Н. Условия допустимости веры в смысл жизни // Смысл жизни: Антология. – М., 1994. – 256.
3. Гумницкий Г.Н. Смысл жизни, счастье, мораль. – М., 1981. – 216
4. Демидов А.Б. Феномены человеческого бытия. – Минск: ЗАО Издательский центр "Экономпресс", 1999. – 321
5. Лондон Дж. Мартин Иден: послесловие Иванько С.С. [Текст] / С.С. Иванько // Школьная библиотека. – М.: Просвещение, 1986. – 286 – 299с.

6. Розанов В.В. Цель человеческой жизни // Смысл жизни: Антология. М., 1994 – 321.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990. – 212.
8. Хомич И.И. Человек - живая система. – Минск, 1989. – 187.

**СЕКЦИЯ №24.
ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21)**

**СЕКЦИЯ №25.
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ,
АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА
ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)**

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД

Январь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны**», г.Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2016г.

Февраль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом**», г.Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2016г.

Март 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы современных гуманитарных наук**», г.Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2016г.

Апрель 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках**», г.Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2016г.

Май 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук**», г.Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2016г.

Июнь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Современные проблемы гуманитарных наук в мире**», г.Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2016г.

Июль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**О вопросах и проблемах современных гуманитарных наук**», г.Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2016г.

Август 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Новые тенденции развития гуманитарных наук**», г.Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2016г.

Сентябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Гуманитарные науки в современном мире**», г.Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2016г.

Октябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Основные проблемы гуманитарных наук**», г.Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2016г.

Ноябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития», г.Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2016г.

Декабрь 2016г.

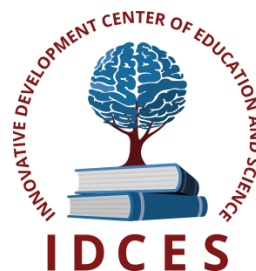
III Международная научно-практическая конференция «Перспективы развития современных гуманитарных наук», г.Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2017г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Гуманитарные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за
рубежом**

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(10 февраля 2016г.)**

**г. Новосибирск
2016 г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 09.02.2016.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,1.
Тираж 250 экз. Заказ № 20.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58